

Министерство культуры Российской Федерации

ФГБОУ ВО Восточно-Сибирский государственный институт культуры

В Е С Т Н И К

Восточно-Сибирской государственной академии
культуры и искусств

Научный журнал по искусствоведению, культурологии, историческим наукам

№2 (11)

Улан-Удэ
Издательско-полиграфический комплекс
ФГБОУ ВО ВСГИК
2016

Учредитель: ФГБОУ ВПО Восточно-Сибирская государственная академия
культуры и искусств

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-44248 от 15 марта 2011 г.

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Редакционная коллегия

Р.И. Пшеничникова, проф., академик МАН ВШ (гл. редактор); Е.Ю. Перова, кан. эконом. наук (зам. гл. редактора); И.С. Цыремпилова, д-р. ист. наук, проф. (зам. гл. редактора); И.Б. Батуева, д-р.ист. наук, проф.; Т.Н. Бояк, д-р.социол. наук, проф.; Н.Б. Дашиева, д-р.ист. наук, проф.; С.А. Езова, канд. пед. наук, проф.; В.Л. Кургузов, д-р. культурологии, проф.; В.Ц. Найдакова, д-р. искусствоведения, проф.; З.А. Серебрякова, д-р. филол. наук, доцент; С.Г. Степанова, канд. пед. наук, доцент; С.П. Татарова, д-р. социол. наук, проф.; С.А. Харитоновна, канд. пед. наук, доцент (ответ. секретарь); Э.В. Хилханова, д-р. филол. наук, проф.; Д.Л. Хилханов, д-р. социол. наук, проф.; Н.Д. Хосомоев, канд. филол. наук, проф.; А.В. Чебунин, д-р. филол. наук, доцент

**В Е С Т Н И К Восточно-Сибирской государственной академии
культуры и искусств. – 2016. – №2 (11)**

Адрес издателя, редакции и типографии ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский
государственный институт культуры»
670031, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1.
Телефон: (3012) 23-33-59; E-mail: vsgaki_info@mail.ru

Выход в свет 29.06.2016. 60x84 1/8. Усл. печ. л. 12,09. Уч.-изд. л. 9,39. Тираж 500.
Заказ №2114. Цена свободная.
Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе ФГБОУ ВО ВСГИК
670031, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1.

© ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный
институт культуры», 2016.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ.....	5
Нанзатов Б.З., Содномпилова М.М. ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ БУРЯТ И ИСТОРИЧЕСКИЕ МИФЫ В КОНТЕКСТЕ ЭТНОГЕНЕЗА	5
Нолев Е.В. МЕЖДУ ЕВРОПОЙ И ЗОЛОТОЙ ОРДОЙ: ГЕОПОЛИТИКА РУССКИХ КНЯЖЕСТВ XIII – XV ВВ. В РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	12
Курас Л. В. VIII БОГДО-ГЭГЭН ДЖЕБЦЗУНДАМБА-ХУТУХТА И УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ИМПЕРАТОРСКОГО РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В МОНГОЛИИ И.Я. КОРОСТОВЕЦ: РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ МОНГОЛЬСКОГО МИРА В НАЧАЛЕ XX В.....	21
Батунаев Э.В. Р.Ф. УНГЕРН И ВОССТАНОВЛЕНИЕ МОНАРХИИ БОГДО-ГЭГЭНА В 1921 Г.	31
Колокольников И. А. ТВОРЧЕСКИЕ СВЯЗИ МУЗЫКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ ИРКУТСКА И УЛАН-УДЭ В 1920-1950-Х ГГ.	34
Бабаков В.В., Цыдендоржиева Э.Д. ФИНАНСИРОВАНИЕ СЕТИ КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В БУРЯТИИ (1985-2005 ГГ.).....	41
КУЛЬТУРОЛОГИЯ.....	47
Хундаева Е.О., Дамбаева А.Н., Гымпилова С.Д. КУЛЬТОВО-КОСМОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ЭПОСЕ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ	47
Андреева Л.А. ФЕНОМЕН МАТЕРИНСТВА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ БУРЯТ.....	53
Кургузов В.Л. ВЕРХНЕУДИНСК – УЛАН-УДЭ: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА (субъективный взгляд на проблему).....	56
Езова С.А. РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕДОСТУПНОЙ БИБЛИОТЕКИ В ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕНТРЫ	63
Мишакова О.Э., Сартакова А. В. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ДЕФИНИЦИЙ – «МУЗЕЙ» И «МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК»	67
Ваганова Е. В., Вантеева А. О. ИСТОРИЧЕСКИЙ НЕКРОПОЛЬ КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ С. БАРГУЗИН РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИИ)	73

Баглаева А.В. МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ.....	79
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ	83
Никульская А.Б. ОБЕРЕЖНАЯ СЕМАНТИКА АНИМАЛИСТИЧЕСКИХ МОТИВОВ В ЮВЕЛИРНОМ ИСКУССТВЕ БУРЯТИИ	83
Найдакова В.Ц. ТУВА ТЕАТРАЛЬНАЯ, ТУВА ГОСТЕПРИИМНАЯ, ОТКРЫВАЕТ СЕБЯ МИРУ	86
Жамбаева Т.И. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ БУРЯТСКОЙ ТАНКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.....	89
РЕЦЕНЗИИ. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	92
Олзоева Г. К. УЧАСТИЕ ВСГИК В МЕЖДУНАРОДНОМ ИССЛЕДОВАНИИ «ВИЗУАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ ВО ВСЕМ МИРЕ» (ВИЗУАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНФОРМАЦИИ).....	92
Татарова С.П. ОЦЕНКА МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СРЕДНЕ-СПЕЦИАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ).....	95
Логвиненко С.М. СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ПОСЛЕДСТВИЯ ЕЁ ОТСУТСТВИЯ.....	100
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	103

ИСТОРИЯ

УДК 39

Нанзатов Б.З., Содномпилова М.М.

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ БУРЯТ И ИСТОРИЧЕСКИЕ МИФЫ В КОНТЕКСТЕ ЭТНОГЕНЕЗА

BURYAT ETHNIC IDENTITY AND HISTORICAL MYTHS IN THE CONTEXT OF ETHNOGENESIS

Генеалогические мифы бурят сегодня имеют важное практическое значение для представителей разных этнических групп бурят как ресурс для реконструкции родословного древа. Мифы и их ключевые персонажи – Эхирит, Булагат, Хоридой и др., характеризующиеся как первопродки бурятского народа стали важными маркерами этнической самопрезентации бурят. Возникновение этих образов тесно связано с историей развития бурятского народа и отражает определенные этапы консолидации этнических групп в единую общность «буряты». Исследование процесса сложения бурятской общности и актуальности разных уровней этнической идентичности на примере генеалогических мифов является целью данной статьи.

Nowadays, genealogical myths of Buryats have important practical meaning for the representatives of various ethnic groups of Buryats as a resource of the reconstruction of genealogy. Myths and their key characters, such as Ekhirit, Bulagat, and Horidoi, etc., characterized as ancestors of the Buryat people, became important markers of ethnic self-presentation of Buryats. Emergence of these images is closely linked with the history of the development of Buryat people reflecting certain stages of consolidation of ethnic groups into a single entity known as “Buryats”. This article aims to study the process of the making of Buryat entity and topicality of various levels of ethnic identity based on the example of genealogical myths.

Ключевые слова: этногенез, миф, этническая идентичность, пространство освоения, консолидация.

Keywords: ethnogenesis, myth, ethnic identity, space of acquisition, consolidation.

Постсоветский период в истории этнического развития бурятского народа ознаменован актуализацией вопросов этнической истории бурят. С проблемой происхождения бурят неизбежно сталкивается каждый, кто изучает родословную своей семьи, а таких в современном бурятском обществе становится все больше. Как показывает опыт общения с многочисленными желающими восстановить родословную семьи, генеалогические мифы имеют огромное значение в деле реконструкции родословных. Практически в каждой родословной мифологические первопродки занимают свое достойное место у корней родословного древа. И если налим и Буха-нойон рассматриваются как мифические персонажи и не присутствуют в реальных родословных, то Булагат, Эхирит, Тугалак или Зонхи обязательно возглавляют бурятские родословные. При этом среднее звено родословных довольно часто отсутствует.

Мифические персонажи, характеризующиеся как первопродки бурятского народа стали важными маркерами этнической самопрезентации бурят. Это базовые образы – Буха-нойон, Бурядай, Хоридой, Эхирит, Булагат и второстепенные – Тоглок, Зонхи, Ашибагат и др. Возникновение этих образов тесно связано с историей развития бурятского народа и отражает определенные этапы консолидации этнических групп в единую общность «буряты». Исследование процесса сложения бурятской общности и актуальности разных уровней этнической идентичности на примере генеалогических мифов является целью данной статьи.

Эпоха раннего средневековья – период расцвета тюркских образований на территории Центральной Азии, отразился в Прибайкалье с появлением политического союза тюркско-монгольских племен Уч-Курыкан - «Три лагеря». В Курыканское время сформировались такие племена как эхириты и булагаты – основное ядро этнической общности, которая позже стала бурятским народом.

Интеграция отдельных этнических образований в единую общность всегда нуждается в обосновании мифического родства, которое находит отражение в генеалогических преданиях. Генеалогический миф о Булагате и Эхирите является одним из основных и старых мифов бурятского народа, отражающий ранний этап его формирования. Происхождение Булагата относят к мифическому превопредку бурят Буха-нойону, образу, связанному с культом быка и широко распространенному в тюрко-монгольском мире. Разбирая этот образ, Т.М. Михайлов приходит к выводу, что Буха-нойон – контаминация древнейшего культа священного животного и реального исторического персонажа – Буха-гургэна, служившего в составе войск Джочи [8, с. 22-23]. Булагат становится приемным сыном двух старых бездетных женщин-шаманок Асуйхан и Хусуйхан, имевших эвенкийское происхождение (об этом свидетельствует лингвистический анализ имени одной из шаманок – Асуйхан). Чуть позже шаманкам удается усыновить другого волшебного мальчика – сына налима и береговой щели, который был ровесником Булагата (по одной из версий мифа он был братом-близнецом Булагата). Неопределенный образ родителей Эхирита указывает на архаичность предания и соответственно тот факт, что *эхириты* – наиболее древние насельники Прибайкалья [14, с. 55]. То, что основной миф о Буха-нойоне как о превопредке включает только эпоним Булагат, позволяет предположить, что он сложился у *булагатов*. *Эхириты* же расширили этногенетический миф за счет включения булагатского мифа при сохранении своего тотема – налима [16, с. 8].

Соседями *булагатов* и *эхиритов* были крупные ойратские племена. В «Сокровенном сказании монголов» и у Рашид-ад-Дина говорится, что *ойраты* являются лесным племенем, живут в области Секиз-мурен, что находится по соседству с областью Баргуджин-Токум, которую населяют *булагачины*, *керемучны*, *хори-туматы* и др. В последующие периоды *ойраты* покидают Енисейско-Байкальский регион и осваивают значительные территории на юго-западе, вплоть до Иссык-Куля и Балхаша, названные впоследствии Джунгарией. Однако часть их остается – наличие этнонима Олёт в бурятской генеалогической традиции указывает на ойратский пласт в этногенезе бурят. В бурятских версиях он сын Баргу-батара (Баргудая), старший сын Бурядая – Олюдэй/Илюдэй-тургэн в генеалогическом предании возникает как обоснование введения в общепурятскую сферу таких племен как *сэгэнут*, *икинат*, *зунгар*, *хурумши* и др. как непосредственных потомков Элюдэя / Илюдэр-мэргэна. Однако, значительная удаленность *икинатов*, *зунгаров*, *букотов*, *манхोलютов*, *хурумши* от *сэгэнутов* не позволила развиваться в широкий этногонический ойратский миф, хотя легендаризованно все указанные выше племена обязательно связаны родственными связями с *сэгэнутами*, вторым этнонимом которых сохраняется термин *олёт*. Сам же мифический персонаж – Илюдэр-мэргэн, отделившись от отца, в дальнейшем не упоминается в бурятских преданиях.

Отношения *булагатов* и *эхиритов* с местными ойратскими племенами складывались непросто: сюжетные линии преданий повествуют о брачных связях *булагатов* и *эхиритов* с *ойратами* (*цэгэнутами*, *икинатами*), однако все они омрачены разного рода конфликтами. Согласно ряду преданий на девушке из цэгэнутского племени был женат один из превопредков *булагатов* – Тугалак, сын Булагата. Женой одного из сыновей Эхирита (Алагтая) тоже была девушка из цэгэнутского рода по имени Абазай. Включение представителей (женщин-невесток) цэгэнутского племени в высший иерархический кластер свидетельствует о древности связей монголоязычных племен Прибайкалья и даже глубже, о связях *ойратов* и *бурят* Присаянья-Прибайкалья в раннем средневековье.

С другой стороны предания о связях *цэгэнутов* с *булагатами* и *эхиритами* отражают не добрососедские отношения, а случайный, вынужденный характер этих отношений. Молодая *цэгэнутка*, вторая жена Тугалака не любит мужа-старика и постоянно пытается от него уйти. Абазай после смерти ее мужа Алагтая, выгоняют его братья и она вынуждена была уйти к родственникам-*цэгэнутам*. Разгорается долгая (в течение трех поколений) война между *ашибагатами* и *икинатами* из-за случайной смерти невестки-*ашебагатки* в роду *икинатов* [12, с. 179-181]. Сюжеты преданий о Готоле, потомке Тугалака повествуют о его дочери, которую силой взял в жены цэгэнутский батор Тотхо-мэргэн.

Итогом этих брачных связей является включение в состав *булагатов* и *эхиритов* потомков *ойратов*, определяемых как «чужих» для коренных булагатских родов. Этот статусом наделяются внебрачные сыновья дочери Готола, которая возвратилась домой беременной от Тото-хо-мэргэна. С ненавистью и презрением относятся потомки сыновей Эхирита к сыновьям их невестки – *цэгэнутки* Абазай, вынужденной поселиться рядом со своими родственниками по мужу. О чужеродности сыновей этой женщины другим потомкам Эхирита говорит тот факт, что называли их в обществе по имени матери «Абазаевы сыновья» [I]. Близок им по статусу и младший/*последний* сын Тугалака - Ашибагат, рожденный от *цэгэнутки*, на которой женился в преклонном возрасте овдовевший Тугалак [1, с. 50].

В истории этногенеза второстепенные позиции мифических персонажей маркируют время появления носителей этнонима *ашибагат* в регионе – полагаем, что *ашибагаты* появились в Прибайкалье гораздо позже других булагатских племен. Приведенные выше примеры являются, на наш взгляд, и отражением длительного враждебного характера взаимоотношений между *цэгэнутами* и другими племенами.

Другой крупной группой влившейся в состав булагатов после *ашибагатов* была группа тюркских племен Присяянья, сохранявшая до XIX в. локальную идентичность как *обогони олон* [II]. Эта группа племен не относится к коренным булагатским племенам, т.е. в мифологической версии родства не входит в число прямых потомков Тугалака. Но, при этом, первопродок этого племенного союза Обогон в собственном варианте мифа занимает лидирующие позиции в генеалогическом древе булагатов. В этом отразилось не только желание представителей *обогони олон* обосновать свое генеалогическое родство с остальными булагатскими родами, а стремление вписать своего первопродка в группу мифических основателей племени. Помещение авторами мифотворчества на верхние позиции в иерархии первопродков своих основателей племен обусловлено желанием стать на одну ступень с коренными булагатскими племенами.

Таким образом, в конце XII – начале XIII в. шло активное формирование монгольской народности и народы Прибайкалья были непосредственными участниками этого процесса. Как справедливо считает Т.М. Михайлов, в связи с созданием Монгольского государства, имели место и добровольность, и борьба, и нейтралитет, а связи между степными и лесными монголами имели давние традиции [7, с. 87].

В XI-XIV вв. Байкальская Сибирь именуется средневековыми авторами страной Баргуджин-Токум, объявленной монголами заповедной территорией. К моменту распада Монгольской империи территория Баргуджин-токума являлась частью государства Юань. Однако после прихода к власти новой династии Мин, северные территории остаются вне контроля Минского Китая. Этническая история этого региона практически не освещена письменными источниками до прихода в этот регион русских с северо-запада и маньчжуров с юго-востока в начале XVII в. Большинство современных исследователей считают это время «темным» периодом истории. С распадом Монгольской империи и формированием на ее осколках в Центральной Азии новых политических образований, тяготеющих к основному политическому центру - Южной Монголии с чахарским Лигдэн-ханом во главе, территория Баргуджин-Токума осталась вне пределов влияния потомков монгольского императорского дома и получила относительную самостоятельность. Прибайкалье в XIV-XV вв. становится территорией, где происходит новый этногонический виток, в результате которого формируется ядро бурятского этноса на основе предшествующих этнических образований, таких как *куруканы* и *баргу*. К ним примыкают монгольские группы, племена, пострадавшие в ходе междоусобных войн в Западной и Восточной Монголии.

Забайкалье ко времени появления русских оставалось зоной влияния монгольских политических образований. Свидетельством господства монголов в Забайкалье является ряд крупных археологических памятников XVI – XV вв. (древнемонгольские погребения воинов, поселения, «городки»), бурятские предания и легенды о карательных отрядах монголов и албанских сборщиках, а также сведения одного из первых историков Сибири П.А. Словцова, ко-

торый писал, что страна Забайкальская «некогда находилась под стопами Чингисхана и его преемников» и до половины XVII в. «слушалась двух ханов Халхасской системы» [7, с. 92].

Мнение, что до вторжения русских в Сибирь буряты не представляли единого целого, широко распространенное среди историков и регулярно воспроизводимое в исследованиях, представляется весьма сомнительным. Наличие названий нескольких племен в отписках служивых людей при разведке ими бурятских земель, не является основанием считать бурятскую общность кучкой разрозненных племен. Несмотря на наличие противоречий, споров и вооруженных конфликтов, единая бурятская общность уже сложилась. Соседи бурят – *кыргызы* и податное население в лице тунгусов характеризовали эту общность единым этнонимом *бурят/пырат*, вошедшим в русскую номенклатуру как «братские люди». Этот факт свидетельствует о понимании племенами *икиресов*, *булагатов*, *ашебагатов* и др. своей общности, для обозначения которой с древних времен употреблялся этноним *буряад*. В преданиях хоринских бурят также подчеркивается, что ко времени их возвращения из Внутренней Монголии на северное побережье Байкала и остров Ольхон, там существовал «издревле находившийся на северной и южной стороне Байкала народ по имени буряты» - потомство среднего сына Баргабатора по имени Буряадай. И в подражание им хоринцы «стали называться русским наименованием – буряты одиннадцати родов хоринских» [2, с. 7, 39].

Скреплял такую общность и монгольский язык – основным субстратом на котором формировался бурятский этнос были крупные монголоязычные племена, имеющие монгольские этнонимы (*шоно*, *абага* и др.), создавшие основу этнических групп эхиритов, булагатов и хори.

В пользу наличия относительно целостной общности под этнонимом *бурят*, является также единое пространство освоения – территория Баргуджин-Токума. Пространство Прибайкалья, в котором были расселены упоминаемые в служебных отписках русских первопроходцев *икиресы/икирежи*, *булагаты*, *готолы*, *икинаты* занимали помимо этих групп множество других бурятских племен, часть которых имела древнее происхождение и занимала эти территории уже в течение многих столетий. Старейшими племенами, в частности были *алагуи* и *хурхуты*, предки которых в общебулагатской генеалогии Амасагаан Алагуй, Хузусагаан Хурхууд занимают первые позиции. О масштабности территорий, которые занимали, например, *хурхуты* в Прибайкалье свидетельствуют широкий круг одноименных топонимов. Так, например, улусы Куркут/Куркат есть в Алари и Приольхонье. *Хурхуты* также проживали и в долине реки Мурин, притоке Куды [10, с. 121; 11, с. 45-48].

По сведениям русских документов, в 1629 г. икинатский князец Баяракан мстя за убийство в Илимском зимовье пленного племянника Булгудайко, убил Вихоря Савина при встрече, когда Савин возвращал захваченную знатную икинатку [13, с. 206]. После этого события Баяракан немедленно бежал в дальние братские улусы к родственникам в долину р. Куды. Бегство Баяракана в места, значительно отдаленные от его родных мест кочевания, свидетельствуют о том, что он был хорошо осведомлен о землях, куда ему предстояло уйти, не опасался угрозы нападений или неприятия его на новом месте.

Отражает факт активных и довольно дальних (иногда до 2000 км.) перемещений бурятских родов и множество преданий, освещающих более ранний этап истории региона и сообщающий о механизме сакрализации новых территорий, осваиваемых бурятами, выделившись из своих родовых и племенных социальных образований. Так, в далеком прошлом из родовых мест в Тункинской долине ушли в далекую Унгу род *хулмэнгэ* и род *олзой* из числа *булагатов*. Из Тункинской долины перекочевали в долину реки Куды другие представители племени *булагатов* – *бубай*, *алагуй*, *олой*, *отонхой* и др. Эти предания отражают «дорусский» этап развития бурятской общности.

Таким образом, по территории Баргуджин-Токума регулярно перемещались небольшие и крупные группы – семьи, роды, племена, способствуя постепенному смешению населения.

Причины перемещений были разными. *Икинаты* в связи с высокой плотностью населения долины Ангары и впадающих в нее рек Белой, Исы, начали продвижение в северном направлении, стали осваивать Ангару в местах слияния Ангары с Илимом. *Ашибагаты*, покинув

Кудинские степи после межродового конфликта с *батлаевцами*, оказались в районе р. Голоустной, а другая их часть - на крайнем западе, в долинах реки Оки, Уды (Чуны). Кроме того, многие движения населения были обусловлены циклом хозяйственных работ. Перемещения на дальние расстояния могли совершаться во время охоты, рыбалки. Так, например, *готолы*, проживавшие в долине р. Куды ездили рыбачить на Байкал [5, с. 62]; а родные братья Готола будучи хорошими охотниками и, гоняясь за зверем часто посещали северный берег Байкала, где впоследствии и обосновались [1, с. 52].

Заселение новых земель сопровождалось сакрализацией пространства – перенесением священных атрибутов (камни с жертвенников) родовых религиозных культов со старых мест на новые места поселений. Если территории, куда переселялась отдельная общность, были заняты, то пришельцы, как правило, включались в религиозные системы родовых и племенных культов коренных групп населения. Так, в частности, вернувшиеся из Монголии *ашибагаты* осели в Забайкалье по р. Чикой и стали почитать священную гору Алтай-хан – один из пяти сакральных центров монгольских родов халхи.

Подобные сведения о масштабных движениях представителей племен и родов бурят по всей территории Баргуджин-Токума свидетельствуют о наличии общности в границах которой представители тех или иных «братских» племен рассматривались как «свои».

Примечательно, что формировавшийся в XV-XVI в. этнос халха-монголов уже воспринимал общность монголов, живущих у Байкала как «чужую», на что указывает этноним *хариад* (от «хари» - «чужой»), который закрепился за бурятами, бежавшими в Монголию из Балаганских степей в середине XVII в. [III].

Колонизация русскими Сибири с одной стороны, и экспансия Цинской империи на северные монгольские территории стали очередным, чрезвычайно важным этапом в истории развития бурятского этноса, запустившим механизм масштабной интеграции бурятских этнических групп, в состав которых вливается значительная часть монгольских этнических групп, бежавших от смуты и войн с территории монгольских ханств, Джунгарии. Рядом миграционных волн отмечается возвращение в Прибайкалье хоринцев, которым удалось покинуть Внутреннюю Монголию в период военных действий маньчжуров с монголами.

Первые контакты русских первопроходцев и бурят были относительно мирными. В дальнейшем, когда большинство предводителей бурятских племен стали воспринимать русских как угрозу, начинается процесс консолидации отдельных бурятских племен в единую общность. Этот процесс наглядно просматривается на примере объединения бурятами сил при погроме и поджоге первых русских острогов. Так, например, при разгроме Братского острога к местным бурятам пришли отряды с берегов Байкала. *Готолы* объединяются с *хонгодорами* в борьбе против русских, нападая на Верхоленский острог. С этого момента они становятся во главе сопротивления «братских» народов, не только постоянно нападая на русские остроги и отряды, но и предпринимая попытки к объединению всего населения Предбайкалья. К борьбе присоединились *хоринцы*, вернувшиеся из Внутренней Монголии. После ряда столкновений с русскими, *хоринцы* покидают территорию Предбайкалья и уходят в Забайкалье.

В этот период, вероятно, происходит ревитализация сюжета основного бурятского этногенетического мифа, в который включается на правах младшего сына Баргу-батара Хоридой. Старшими его братьями являются Элюдэй и Бурядай. Ревитализация этого мифа с возвращением хоринцев после многовекового отсутствия содержит мотивы, отражающие архаичные связи протобурятских племен и более поздние процессы этногенеза бурят. Архаичным вариантом этого мифа является родство Хоридоя с Эхиритом и Булагатом в едином кластере – «братья», где Хоридой занимал место младшего брата. Полагаем, что перемещение образа мифического персонажа Хоридоя в другую иерархию – к Элюдэю и Бурядаю освещает этап этногенеза бурят, когда в Прибайкалье уже существовала общность объединенная этнонимом «бурят». Ядром этой общности стали эхириты и булагаты, и обновленный миф регламентирует необходимость включения в ее состав вернувшихся на родные земли хоринцев. Этот вариант мифа соответствует периоду колонизации Прибайкалья, и характеризуется как осознание родствен-

ности хоринцев и бурят перед лицом новой масштабной угрозы со стороны нашествия русских с запада и маньчжуров с востока.

Усложнение и обогащение сюжета мифа о Хоридое связано с очередным этапом развития этнической группы *хори-бурят* в составе военных союзов, объединивших представителей племен *булагатов* и *эхиритов*. Хоридой на данном этапе обзаводиться земными женами Шаралдай и Нагатай (согласно более архаичному варианту Хоридой был женат на небесной деве-лебедице, что свидетельствует о значительном тюркском элементе в составе *хори*). Напомним, что известно несколько версий мифов о Хоридое, подробно рассмотренные Г.Н. Румянцевым [15].

Генеалогический миф хоринцев, в котором его потомки являются сыновьями земных жен Хоридоя, в именах которых отражены этнонимы племен булагатов и эхиритов - Шаралдай и Нагатай, реально существующих и расселенных в верховьях рек Иды и Баянзурхэна, отражает более поздний этап формирования хоринского объединения из среды *булагатов* и *эхиритов*. Другой вариант этого позднего мифа, представленный Ванданом Юмсуновым, гласит, что первой из земных жен Хоридоя была Баргажан-гоа, которая родила ему одну дочь Алан-гоа [2, с. 37]. Этот миф, очевидно, является репликой притязаний *хори-бурят* на кровное родство с Чингис-ханом. Последнее было чрезвычайно важно для этой этнической группы, ищущей свое достойное место в составе уже сложившегося бурятского общества. Кровное родство хоринцев с «потрясателем Вселенной» прослеживается и далее – вплоть до Лигдэн-хана, дочери которого по преданию была известная Балжан-хатан. Именно ей в качестве приданого были отданы предки 11 родов хоринских бурят.

В варианте сюжета предания XVII в. об 11 хоринских племенах, в котором дети Хоридоя рождены от земных жен Шаралдай и Нагатай, отсутствуют два колена. Два потерянных колена, имена предков-основателей которых неизвестны, скорее всего, отражают открытость хоринского объединения к инкорпорированию в свой состав других племен. Однако, этого не случилось по причине похода хоринцев к Петру I, результатом которого явилось официальное закрепление имперскими властями *хори-бурят* в количестве 11 административных единиц и выделение им в вечное пользование земель в Забайкалье.

Период в истории русской колонизации бурятских земель А.А. Елаев определяет как период культурно-духовной «самообороны» и физического сопротивления [4, с. 59]. Более точным определением, на наш взгляд, служит военно-потестарный период. Маркированный интеграцией бурятских племен для оказания сопротивления русской колонизации, этот период сыграл важнейшую роль в сплочении бурятского этноса.

Крупным племенным союзом, который не успел встроиться в мифологическое родство бурят были *хонгодоры*, которые мигрировали с территории Монголии поэтапно. Саянские *хонгодоры* сформировались как этническая группа перед появлением русских в XV-XVI вв. Кроме них, не стали частью мифологической кровнородственной бурятской общности более мелкие этнические образования, занимавшие правобережье Ангары - *тыртэ*, *шошолоки* и *хойхо*, которые в структуре современной бурятской общности тяготеют к *хонгодорам* в силу территориальной близости и общности религиозных культов. В основу этнонима *хонгодор* лег древний этноним, упоминаемый на Чингисовом камне. Генеалогическое предание повествует, что *хонгодоры* приходятся братьями монгольским *хотогойтам*, занимая позиции младших в традиционной системе родства *аха-дуу*. Это предание не вписывается в общебурятский генеалогический миф, но является частью мифов Прихубсугульско-Присаянского ареала.

Основная группа монголов, представленная *узонами* и *цонголами* (бывшие поданные Тушету-хана), *хатагинами*, *атаганами* (бывшие подданные Сайн-хана) и *табангутами* – стали частью бурятского этноса позднее, когда они после долгого отсутствия вновь вернулись в Забайкалье (1689; 1665) к оставшимся соплеменникам, уже после установления государственной границы. Они подали прошение царю о своем желании принять российское подданство и получили официальное разрешение властей, которые были заинтересованы в увеличении податного населения на границе с Цинской империи. Вновь прибывшие были расселены на пустующих землях.

Одновременно с принятием подданства монгольские племена, вошедшие в состав Российской империи обрели и этноним *бурят*. Негласно в отношениях Российской и Цинской империй соблюдалось условие, согласно которому российское монголоязычное население именовалось *бурятами*, а подданные Маньчжурского императора – *монголами* [IV]. На такое разделение ориентировались приграничные службы двух империй при разборе приграничных конфликтов, определении подданства беглецов. Перебежчиков в соответствии с их самоопределением следовало либо возвратить обратно, либо можно было принять у себя. Так, с завершением процесса включения Сибири в состав Российской империи, этноним *бурят* закрепляется за всеми монголоязычными группами Юго-Восточной Сибири.

Статья подготовлена при поддержке Проекта № 0338-2015-0001 «Бурятская этничность в политических проектах: от Российской империи до современной России» в рамках Комплексной программы СО РАН № П.2 «Интеграция и развитие».

Примечания

I. По мнению Е. В. Павлова роды *абазай* вообще являются потомками тюркских племен – *куруккан* [14, с. 55].

II. С их потомками ушедшими вниз по Лене, на наш взгляд, связывается один из главных якутских первопредков Омогой.

III. Последние бежали от Багаба-хана (Ивана Похабова), печально известного своими зверствами в отношении бурятского населения. Христофор Кафтырев вынудил своими жестокими действиями к побегу бурят из-под Братского острога на рубеже XVII-XVIII вв. Известен также бунт и побег кудинских бурят во главе с П. Тайшиным, В. Степановым и *хотогойтом* Эрдэни-Нойоном из под Иркутска в конце XVII в. Тогда, значительные массы бурятского населения двинулись на юг, в Монголию. В современной Монголии *хариады* присутствуют среди халха-монголов на северо-западе, *буриады* и *хариады* – среди *дархатов* и *хотогойтов*. В ойратских землях (на западе Монголии) беглецам удалось сохранить собственные этнонимы. Так, среди *дэрбэтов* Монголии сохранились потомки бурятского племени *шаранутов* (*шарнууд*) и *булагатов* (*булгад*) [9, с. 90].

IV. Часть подданных маньчжурского императора – *дагуры* и *солоны* в документах стали именоваться *тунгусами маньчжурского племени*, вследствие чего в отечественной историографии их стали путать с *эвенками*, *тунгусами*.

Примечания

1. Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. Ч. 1. Булагаты и Эхириты. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1970. 362 с.

2. Бурятские летописи / сост.: Ш. Б. Чимитдоржиев, Ц. П. Ванчикова. Курумкан : Курумканская тип., 1995. 197 с.

3. Дашиева Н. Б. Бурятские тайлганы (опыт историко-этнографического исследования). Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2001. 105 с.

4. Елаев А. А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. М. : Вестком, 2000. 352 с.

5. История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1. Улан-Удэ : Бурят.-Монгол. кн. изд-во, 1954. 495 с.

6. Коновалов П. Б. Об ойратско-бурятской этноисторической общности: историко-археологическое исследование // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2011. № 2. С. 20-32.

7. Михайлов Т. М. Юго-Восточная Сибирь в отношениях с Центральной Азией в XIII-XVII вв. // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. Новосибирск : Наука, 1989. С. 85-98.

8. Михайлов Т. М. О Буха-нойоне // Этнологические исследования. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. Вып. 1. С. 15-28.

9. Нанзатов Б. З. Монгольские буряты: диаспора в ситуациях вызова // Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: история и современность. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. С. 83-110.

10. Нанзатов Б. З. Китайская управа (этнический состав и расселение китайских и ба-лейских бурят) // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2014. № 1 (13). С. 117-125.

11. Нанзатов Б. З. Административные образования бурят в Российской империи в XIX веке – Кудинская степная дума (расселение и этнический состав кудинских бурят) // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2015. № 1 (17). С. 41-56.

12. Небесная дева-лебедь : бурятские сказки, предания и легенды. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. 368 с.

13. Павлинская Л. . Коренные народы Сибири и русские. Начало этнокультурного взаимодействия // Народы Сибири в составе государства Российского. СПб. : Европейский дом, 1999. С. 165-271.

14. Павлов Е. В. Вариативность уранического пантеона западных бурят и этническая история Предбайкалья // Этническая культура: история и современность. М. ; Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2002. С. 32-62.

15. Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1962. 268 с.

16. Скрынникова Т. Д. Изучение традиционной культуры бурят (новый поход) // Монголо-ведные исследования. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. Вып. 2. С. 3-20.

УДК 947.031

Полев Е.В.

**МЕЖДУ ЕВРОПОЙ И ЗОЛОТОЙ ОРДОЙ:
ГЕОПОЛИТИКА РУССКИХ КНЯЖЕСТВ XIII – XV ВВ.
В РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
BETWEEN EUROPE AND THE GOLDEN HORDE:
GEOPOLITICS OF RUSSIAN PRINCIPALITIES IN THE 13TH-15TH CENTURIES
IN THE RUSSIAN AND FOREIGN HISTORIOGRAPHY**

Исследование посвящено изучению историографии геополитики русских княжеств XIII – XV вв., в условиях расширения Монгольской империи и образования государства Золотой Орды, с одной стороны, и усиления экспансионистских устремлений европейских стран, с другой. Представлен анализ различных геополитических концепций, описывающих взаимоотношения Монгольской империи, русских княжеств и Европы. Рассматриваются вопросы международной политики и дипломатии русских князей и золотоордынских ханов. Отдельное внимание уделяется современным трактовкам последствий русско-ордынских отношений в российской и зарубежной историографии.

The study is devoted to the historiography of Russian principalities' geopolitics in the 13th – 15th centuries. It views the problem of Russian principalities' geopolitics in the conditions of the Mongol Empire's expansion and the formation of the Golden Horde on the one hand, and increased expansionist aspirations of European countries on the other hand. It is focused on different geopolitical concepts describing the relations between the Mongol Empire, Russian principalities, and Europe. The issues of the international politics, Russian princes and khans of the Golden Horde's diplomacy are considered. Special attention is paid to some modern interpretations of the consequences of the Russian-Horde relations in the Russian and foreign historiography.

Ключевые слова: Русь, Золотая орда, Европа, русско-ордынские отношения, историография, геополитика.

Keywords: the Rus', the Golden Horde, the Europe, Rus'-Horde relations, historiography, geopolitics.

Геополитическое значение русских княжеств, оказавшихся в XIII-XV вв. на границе кочевой и оседлой цивилизаций, и внешнеполитическая стратегия русских князей сыграли важную роль в исторических судьбах Евразии. Это послужило основанием для пристального внимания со стороны историков к сложным процессам взаимоотношений русских княжеств с государствами Монгольской империи и Европы, раскрывая, с одной стороны, условия и последствия иноземного влияния на Русь, с другой, рассматривая активную внешнюю политику русских князей, проводимую в отношении европейских держав и Золотой Орды. При этом историографический дискурс различных эпох, формируемый под влиянием идеологических и методологических факторов, накладывал свой отпечаток на понимание геополитического развития русских княжеств в XIII-XV вв.

Западный поход Бату породил атмосферу страха в Европе, зафиксированную в аутентичных свидетельствах средневековых авторов. «...значительный страх перед этим варварским народом охватил отдаленные страны, не только Францию, но и Бургундию и Испанию, которым имя татар дотоле было неизвестно» [17, с. 169]. Страх перед монголами отразился на состоянии английской и французской экономики. Более того, по свидетельству Матвея Парижского, некоторые из западных правителей готовы были подчиниться монголам [17, с. 171].

Как это ни парадоксально, в аутентичных свидетельствах русских летописцев нашествие воспринималось как переходящее событие. Правление ордынцев, впоследствии установленное на Руси, воспринималось как легитимное и «установленное Богом» [28, с. 288].

В сложившейся ситуации ключевыми становятся вопросы внешнеполитических приоритетов русских князей. Ярослав Всеволодович в 1243 г. первым из числа русских правителей посетил ставку Бату. Лаврентьевская летопись повествует о том, что Батый принял Ярослава с великой честью и назначил его старшим в Русской земле [13, с. 146], что подтверждает идею об осознании легитимности монгольского правления на Руси. В контексте изучения международной политики русских князей неизменным вниманием пользуется внешнеполитический курс Александра Невского, направленный на союз с Ордой и противостояние с Западом. При этом существовавшая в данный период возможность альтернативы выбора внешнеполитического курса проявляется в стратегии Андрея Ярославовича. Более выраженной была деятельная политика противостояния Золотой Орде Галицко-Волынских князей, которые умело использовали интересы Запада. Однако, в середине XIII в. Галицко-Волынское княжество утратило свою независимость, и было разделено между Литвой и Польшей.

Политика интеграции Российской империи в европейское пространство в новое время требовала идеологического обоснования отсталости России от Европы, результатом чего явилась концепция татаро-монгольского ига, оформленная в трудах Н.М. Карамзина: «Сень варварства, омрачив горизонт России, сокрыла от нас Европу» [6, с. 369]. Выбор Ярослава Всеволодовича в пользу союза с Золотой Ордой трактовался как «торжественное отречение от прав народа независимое и добровольное, склонение выи под иго варваров». При этом, учитывая важное геополитическое значение русских земель, в концепции «ига» сформировалась идея о мессианской роли Руси – защитницы Европы.

После Октябрьской революции в историографии сложились два противоположных взгляда на геополитику Руси в XIII-XV вв., представленные советской медиевистикой и евразийской школой. В советской историографии на новом методологическом основании, представленном формационной теорией, происходило дальнейшее утверждение концепции монголо-татарского ига, согласно которой роль Золотой Орды в политическом, общественном и культурном развитии населения обширного историко-географического региона представлялась крайне негативной. Советские историки рассматривали геополитику русских княжеств, преимущественно как производную от воли ордынских правителей [2, с. 229; 8, с. 289]. Обосновывался факт значительного ухудшения международного положения русских земель в результате монголо-татарского завоевания. Наиболее систематизированно подобная точка зрения представлена в работе В.В. Каргалова, который приходит к выводу о том, что вследствие установления иноземного ига и ослабления русских княжеств, обострились отношения с Польшей и Литвой. Ослаблением Руси также воспользовались крестоносцы в Прибалтике, в результате

чего Русь лишилась важного торгового пути к Балтийскому морю по Западной Двине и оказались нарушенными древние русско-эстонские связи. Войны на Западной границе затрудняли связи со странами Центральной Европы, что отразилось в грамоте Папы Александра IV «литовскому Королю» позволяющую «воевать Россию» и присоединить ее области к своим владениям. Изменился характер связей с Византией: из общерусских они стали прерогативой Южной Руси [7, с. 202-204].

При этом получила развитие идея о всемирно-историческом значении героической борьбы русского народа против монголо-татарских завоевателей, что, в конечном итоге, спасло государства Центральной и Западной Европы от монгольского нашествия. В.Т. Пашуто видел причину отступления войск Батыея из Европы, и соответственно территориальной целостности и политической независимости ее государств в героическом сопротивлении русского и других покоренных народов: «Народы нашей страны, народы Восточной и Центральной Европы, отстаивая в суровую пору нашествия свои очаги, спасли Вену и Париж, Лондон и Рим, города и культуру многих стран от разорения. В этом их великая заслуга перед историей человечества» [16, с. 222]. В специальном исследовании И.Б. Греков следующим образом описывает частный случай трактовки данной идеи: «...скованная явным и скрытым сопротивлением Руси Орда не могла подчинить своему политическому контролю жизнь Польши, хотя последняя далеко не всегда оказывала энергичное сопротивление ордынским вторжениям» [3, с. 20]. И.Б. Греков, исследуя геополитическую стратегию Золотой Орды, приходит к выводу о том, что принцип «divide et impera», умело применяемый ордынцами для контроля над русскими княжествами в сер. XIV в. стал реализовываться рамках Восточной Европы. «Практиковавшие ранее использование противоречий между тенденциями централизации и децентрализации золотоордынские ханы стали теперь дополнять, а иногда и заменять использованием антагонизма между складывавшимися крупными государствами Восточной Европы» [3, с. 51].

Таким образом, политика Орды в концепции историка является фактором, искусственно сдерживающим процессы феодальной концентрации и консолидации русской земли, как следствие тенденция формирования политических организмов с единой этнической основой стала уступать место тенденции создания обширных многонациональных государств и формированию новой политической карты Восточной Европы [3, с. 486].

Альтернативная точка зрения на геополитическую составляющую русско-ордынских и русско-европейских средневековых отношений сформирована в трудах представителей евразийской школы. Евразийцы отрицали возможность Киевской Руси эволюционировать в более развитое государство. Данный период истории России рассматривался как период существования мелких, враждующих между собой, княжеств, неспособных справиться с главной географической задачей – осуществлением товарообмена между Балтийским и Черным морями, в силу чего княжества были обречены на постепенную ассимиляцию европейскими державами [24, с. 164-166]. При этом благодаря монгольскому завоеванию Русь была втянута в общий ход евразийских событий, а Москва, в конечном итоге, стала наследницей монголов и приняла общевразийскую объединительную роль.

Г.В. Вернадский считал, что в развитии русского народа тесно слились, дав богатых «исторических наследств»: византийское – в виде идеи православной государственности и монгольское – в виде Евразийского государства [1, с. 19-20].

Продолжая традиции евразийской школы, Л.Н. Гумилев рассматривал взаимоотношения Руси и монголов на широком фоне внешнеполитических, конфессиональных и межэтнических отношениях того времени. В трудах ученого была сформирована концепция русско-ордынского симбиоза, продлившегося до 1312 г.

С прекращением существования Советского Союза на постсоветском пространстве оформились национальные школы, предлагающие свои варианты интерпретации международных отношений в ордынский период. Актуальность данного направления исследований обусловлена тем, что именно в период русско-ордынских отношений происходит обособление трех родственных народностей: русских, украинцев и белорусов.

История Киевской Руси в период золотоордынского владычества имеет как давнюю традицию изучения, так и опыт политической и идеологической концептуализации вопроса. Острая дискуссия относительно степени монгольского влияния на исторические судьбы Киева и южнорусских земель, развернувшаяся еще в середине XIX в., актуальна в отдельных аспектах и сегодня. Г.Ю. Ивакин акцентирует внимание на следующих особенностях советской историографии истории Киевской Руси XIII в. Во-первых, археологические издания завершались событиями 1240 г. Во-вторых, изучение средневекового периода истории Украины, непосредственно связанного с национальным вопросом, а с политической точки зрения было опасным, с научной – невыгодным [5, с. 60].

В современной украинской историографии актуальными становятся вопросы изучения истоков формирования национальной и политической автономии украинских земель в контексте русско-ордынских отношений. Характерной чертой современной украинской историографии является смещение интереса от вопроса о степени разрушительности последствий монгольского нашествия на Киев, характерного для предыдущего этапа историографической традиции, к исследованию более конструктивных – в плане национальной и государственной истории – проблем.

Р.В. Бабенко отмечал, что Юго-Западная Русь еще до прямого конфликта с войсками Чингисхана стала геополитическим противником монголов в Поволжье. Одной из причин этого стало столкновение торговых интересов обеих сторон в Волго-Донском междуречье. В связи с этим нашествие монголов на земли Юго-Западной Руси было закономерным явлением.

Важной и дискуссионной проблемой в современных исследованиях является определение степени зависимости Киевского княжества от Золотой Орды. Вопреки мнению, присутствующему в отечественной историографии, о прямом подчинении Киевского княжества Золотой Орде, украинские историки полагают, что Киевская Земля не вошла непосредственно в состав Золотой Орды и управлялась ханами через местных феодалов или наместников [32, с. 50]. В новых условиях Золотая Орда гарантировала защиту границ княжества от внешней агрессии, и выступало союзником в походах галицких князей на западных соседей, не вмешиваясь во внутренние дела княжеств. Вместе с этим князья Юго-Западной Руси принимали активное участие во внутривосточной жизни Золотоордынского государства [31, с. 20]. При этом утверждается о сохранении Киевом позиций политического лидерства и стольного города среди русских земель, что было отражено в свидетельствах того периода. К тому же Киев оставался церковно-идеологическим и сакральным центром Руси. Эти утверждения положены в основу концептуального переосмысления политических взаимоотношений Руси и Золотой Орды.

Границы Золотой Орды и Киевского княжества были в значительной степени условными, документально не оформленными, и ситуативно зависели от размера ордынских сил и активности русского населения [32, с. 74]. Рассматривая вопросы зависимости Киевской земли от Орды, О.В. Русина обращает внимание на переход Переяславля, Канова под непосредственное управление Золотой Орды, а также образование территории под названием «Татарська земля» вследствие процессов «обезкняживания» и миграции населения с украинских земель, происходящих параллельно с формированием здесь татарской администрации и приходом татарского населения [33, с. 35, 36].

Принципиально важным для украинской национальной историографии является вопрос об освобождении от золотоордынской зависимости, который, как и вопрос о последствиях монгольского нашествия, в значительной мере политизирован и идеологизирован. Согласно устоявшимся представлениям, победа русско-литовского войска под командованием Витовта над золотоордынскими войсками в битве на Синих водах в 1362 г. ликвидировала ордынскую зависимость над украинскими землями, которые вошли в состав Великого княжества Литовского.

Ф.М. Шабульдо в статье, посвященной современной научной интерпретации синеводской проблемы, представил разные точки зрения, имеющиеся в современной украинской историографии о значении Синеводской битвы. Сам же исследователь склонен считать, что в результате битвы произошло освобождение населения Центральной Украины от обложения регу-

лярной данью и непосредственного политического контроля Золотоордынской державы. В культурно-историческом плане изменения, наступившие после 1362 г., означали прекращение изоляции украинских земель от контактов с западноевропейской цивилизацией [34, с. 21, 22]. В то же время в своей более ранней работе ученый говорит о том, что освобождение из-под непосредственной власти ордынцев большей части Киевской, Чернигово-Северской и Подольской земель в результате битвы у Синих Вод было непродолжительным и уже в начале 70-х гг. XIV в., по свидетельству источников, их населению снова пришлось выплачивать дань [29, с. 105-106].

В современной белорусской историографии историческое понятие «Русь» отождествляется с понятием славянские земли, за счет чего происходит своеобразное преодоление исключительности монгольского нашествия как факта истории сугубо Российского государства. Ученые признают, что без внимательного изучения монгольского нашествия невозможно ответить на вопрос о влиянии монголов на характер развития восточно-славянских народов в широкой исторической перспективе. Весьма ценными представляются наблюдения ученых относительно того, что изучение монгольских походов на Русь и страны Восточной Европы невозможно без обращения к истории монгольских завоеваний XIII в. в Центральной Монголии и Средней Азии, на Дальнем и Ближнем Востоке. Лишь на основе такого комплексного подхода становится возможным объективное изучение геополитических отношений средневекового периода.

Видный представитель современной западной историографии Ч. Гальперин склонен считать, что монгольское владычество оказало большее влияние на Русь, чем на другие завоеванные страны. При этом ввиду сосредоточения основных геополитических интересов джучидов вокруг «Северного шелкового пути» на Руси сформировалась практика опосредованного управления через ярлыки [35]. Ч. Гальперин затрагивает такую важную проблему, как легитимизация политического господства монголов на Руси. В отличие от китайской классической схемы «Мандата неба», и традиционной исламской модели государственности, легитимизовавшими правления монголов в этих странах, автор не находит подобных идеологических оснований в православной концепции мироздания. Следовательно, признавался факт военного поражения, но отрицалось завоевание монголов и включение русских княжеств в состав Монгольской империи [36, с. 329].

Профессор Гарвардского университета Д. Островский [37] в своих работах большое внимание уделяет вопросам влияния Золотой Орды на происхождение российских политических институтов, заимствований в области администрации. Номады заложили основу для последующего возвышения Московского царства, ставшего приемником Золотой Орды [38, с. 329].

Р. Пайпс отмечает, что для российской геополитики вопрос о роли монголов в русской истории является принципиально важным, поскольку позволяет обосновывать легитимность утверждения русской власти на огромной территории от Балтики и Черного моря до Тихого океана и над многими населяющими ее народами [15].

А.Г. Дугин, абсолютизируя отличие русского народа до и после монголо-татарского ига, отмечает, что это два разных народа, 2 разные идеи, 2 расы, 2 миссии. Интересно наблюдение автора относительно значения ига во внешней политике Руси: Чингисхан принес на Русь не только иго с Востока, но и освободил от ярма с Запада. Рассматривая последствия монгольского влияния в геополитическом аспекте, автор отмечает, что «русские до Чингис-хана – периферия Византии и Европы; русские после Чингис-хана – оплот Вселенской Империи, Новая Византия, последний Рим, абсолютный центр геополитической битвы за судьбы мира» [4, с. 283].

Центральным направлением в современных исследованиях по геополитике русско-ордынских отношений является вопрос о государственном статусе Руси и Золотой Орды. Уже в некоторых русских нарративных источниках Русская земля идентифицируется как часть Орды. Так в «Сказании об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Федора» Русь обозначается как «земля канови и Батыеве», а в «Задонщине» как «Орда Залеская» [20, с. 28; 21, с. 108].

Ш.Б. Чимитдоржиев относит Русь к провинциям Золотой Орды. Основываясь на летописных обозначениях русских земель термином «улус» [27, с. 42], В.В. Трепавлов делает вывод об их вхождении в качестве части государственной территории в Золотую Орду [23, с. 302]. Ю.В. Селезнев также рассматривает «улус» как основную составляющую территориально-государственной структуры Золотой Орды. Следовательно, русские княжеские владения были инкорпорированы в территориально-государственную систему Золотой Орды. Н.Н. Крадин называет Золотую Орду типичным примером даннических отношений, подчеркивая, что при данной модели отношения «кочевники и земледельцы входили в состав одного политического организма, но продолжали жить отдельно в собственных экологических зонах и сохраняя различные социально-экономические структуры» [10, с. 171-172].

Согласно исследованиям Т.Д. Скрынниковой, термин «улус» первоначально означал племя, народ, «социальный организм, обозначаемый монгольскими терминами *irgen* и *ulus*, не представлял собой государственного образования. Оба термина были идентичны термину «этнос», обозначавшему «народ, люди, племя» [22, с. 10]. Развивая данную идею, Ю.В. Кривошеев указывает на эволюцию значения термина «улус», приобретшего государственно-территориальный акцент, однако не утратившего первоначального смысла. «Русские летописи позволяют трактовать «улус» не как подчиненные Орде и управляемые ханом земли, а как территорию, население которой платит дань, во всяком случае, такое понимание не противоречит смыслу текстов» [11, с. 247].

Э.С. Кульпин характеризует Золотую Орду как конфедеративное государство, составной частью которого являлась Русь. Рассматривая хозяйственные аспекты взаимоотношений Руси и Золотой Орды, Э.С. Кульпин отмечает еще одну характерную черту. Ввиду ориентации золотоордынских правителей на создание условий для внешней, а не для внутренней торговли, хозяйственная интеграция внутренних частей Золотой Орды, включая Русь, была слабой [12, с. 48, 181].

В.В. Каргалов считает, что Северо-Восточная Русь не входила непосредственно в состав Золотой Орды из-за комплекса политических, военных и географических причин. Многие крупные центры, по его мнению, не только оказали упорное сопротивление во время нашествия, но и сохранили свой военный экономический потенциал, а также возможность обращения за помощью к Западу. К тому же, в лесистом междуречье Оки и Волги не было природных условий для постоянного пребывания больших масс ордынской конницы [7, с. 192-193, с. 279].

Обращает на себя внимание характеристика русско-ордынской границы, данная В.В. Похлебкиным: «Характерной особенностью этой границы было то, что эта была не какая-то фиксированная и охраняемая линия, а весьма широкая, многокилометровая полоса, на некоторых участках расширявшаяся до 150-300 км. Роль этой полосы состояла в том, чтобы разъединить русские и ордынские государственные владения» [18, с. 35]. Указание на наличие государственной границы и необходимость разъединения владений свидетельствует, как минимум, об определенной степени автономии русских княжеств. А.В. Чернецов, рассматривая обширные незаселенные пространства на границе Руси и Золотой Орды, определяет их как своеобразную «зону страха», разделяющую враждебные этнические группировки. Выявление границ подобной зоны и их изменчивости на протяжении столетий составляет, по мнению ученого, приоритетную задачу, стоящую перед исследователями [26, с. 13-14].

Изучение восточной политики России в аспекте теории «движущихся границ» явилось важным направлением в англо-американской историографии 1980-90х гг. Б.Р. Рахимзянов, исследуя буферные зоны русско-ордынского пограничья, применяет теорию «фронта». Ученый приходит к выводу, что географический фактор имел важное значение во взаимоотношениях северо-восточных русских княжеств и Золотой Орды: интенсивность вовлеченности в орбиту влияния Дешт-и-Кипчака определялась степенью близости русских княжеств к степи. При этом Рязань и Нижний Новгород играли роль своеобразных буферных зон, через которые происходило вовлечение Москвы в мир степи [19, с. 94].

И.И. Назипов провел детальное исследование форм и содержания политических связей Руси и Орды, таких как политическая власть хана над русскими землями; дань в Орду; воен-

ные походы ордынских войск на русские земли. Автор пришел к выводу, что из 261 года взаимоотношений Руси и Орды Северо-Восточная Русь обладала политической самостоятельностью и была независима от Золотой Орды в общей сложности 89 лет. Государственный характер политических связей Северо-Восточной Руси и Орды соответственно составляет 172 года, 36-37 лет из которых вовлеченность была формальной и 135-136 лет фактической [14, с. 27-28].

В современных исследованиях русско-ордынские отношения часто характеризуют как вассальные, или имперско-вассальные. При этом, на сегодняшний день термин «вассалитет», применительно к определению взаимоотношению Руси и Золотой Орды, употребляются, скорее как общепринятая инструментальная категория, обозначающая иерархические отношения зависимости и подчинения, без учета анализа их концептуального содержания и отражения исторической специфики.

Прежде всего, отметим, что речь может идти как о позиционировании Руси как вассального государства по отношению к Золотой Орде, так и об установлении вассальных отношений между князьями и ханами. В первом случае русские княжества, обладающие достаточной автономностью, имели разную степень зависимости от Орды в различные периоды, что представляет определенную сложность в представлении о Руси как едином вассальном государстве, не исключая, однако, перспективу разработки данного подхода к отдельным княжествам.

Что же касается личного вассалитета русских князей, на этот счет в современной историографии существуют различные мнения. В.Б. Кобрин совместно с А.Л. Юргановым считают, что положение русских князей под властью Орды было типологически близким к вассальному, что подтверждается сохранением власти, территории, значительной свободой действий внутри страны, однако формы, в которых проявлялась зависимость, были значительно суровее и напоминали подданство. Также «внешние формы почтения, которые русские князья обязаны были демонстрировать ордынским ханам, достаточно далеки от западноевропейского оммажа» [9, с. 57].

Вопрос о применении модели вассалитета, на наш взгляд, не должен ограничиваться рассмотрением атрибутивных признаков. Требуется анализ сущности и специфики отношений, вследствие чего проблема переходит в методологическую плоскость идентификации золотоордынского хана как собственника русской земли (именно земли, в классическом понимании вассалитета), что отсылает нас к дискуссиям о кочевом феодализме и восприятию власти кочевниками.

Рассматривая ханско-княжеские отношения с позиции вассалитета, необходимо детально изучить функциональные полномочия власти хана Золотой Орды: заключались ли они в легитимизация, точнее, подтверждении, уже существующей власти князя, или в пожаловании князю земель за службу. А.Л. Юрганов обнаружил первое документальное функциональное упоминание слова «пожалование» в духовной грамоте Галицкого князя Юрия Дмитриевича, составленной между июнем 1432 г. – 25 апреля 1433 г. [30, с. 169] А.Л. Юрганов отмечает, что следствием развития вассальных отношений явилось формирование феномена власти-собственности на Руси, поскольку «пожалования» укрепляли семейно-родовую собственность князей и закрепляли ее как государственную [30, с. 170].

В.Г. Хрусталеv обращает внимание на следующее несоответствие русско-ордынских отношений классической схеме вассалитета. Поскольку Ярослав Всеволодович был признан старейшим князем, то есть прямым вассалом Бату, он должен был стать сюзереном для остальных, в том числе ростовских князей. Однако последние сами направляются в Орду, где получают свои отчины из рук хана, нарушая тем самым принцип феодальной субординации: вассал моего вассала – не мой вассал [25, с. 258-259]. Подобный прецедент в истории русско-ордынских отношений будет неоднократно повторяться.

Применение классического понимания системы вассальных отношений к описанию русско-ордынских на современном этапе развития исторической науки уже не может быть вполне объективным и удовлетворительным. Более того, содержание отношений князей и ханов не исчерпывалось моделью господства-подчинения, в современных исследованиях упор

делается на телеологическую составляющую данных отношений. Учитывая специфику конкретно-исторической ситуации несформированности государственной и политической традиции в Золотой Орде, отсутствия устойчивого внешнеполитического курса, а также противоречий между центробежными и центростремительными силами, как в Орде, так и в русских княжествах, политическое содержание русско-ордынских отношений во многом определялось личной позицией представителей правящей элиты.

Сегодня среди отечественных исследователей нет единого мнения относительно политической идентификации русских земель в составе Золотой Орды. При оценке геополитической составляющей русско-ордынских отношений получил развитие дифференцированный подход, поскольку наряду с хронологической дискретностью содержания русско-ордынских отношений присутствовала политическая и территориальная дифференциация. Ордынская власть по-разному реализовывалась в различных княжествах.

В результате геополитического развития русских княжеств в XIII-XV вв., происходящего в условиях выбора внешнеполитической ориентации между Европой и Золотой Ордой, можно выделить следствия, сохраняющие важное геополитическое значение сегодня. Во-первых, в этот период происходит обособление трех народностей: русских, белорусов и украинцев, и определяется вектор их государственного развития с различной степенью интеграции в европейское пространство. Во-вторых, централизация северо-восточных русских княжеств, произошедшая в результате влияния Золотой Орды, привела к формированию крупнейшей евразийской державы – России. В-третьих, в контексте 260-летнего опыта русско-ордынских взаимоотношений, формируется вопрос о Европейской идентичности России, не теряющий своей актуальности по сей день.

Примечания

1. Вернадский Г. В. Начертание русской истории. М. : Алгоритм, 2008. 336 с.
2. Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и её падение. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. 478 с.
3. Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М. : Наука, 1975. 520 с.
4. Дугин А. Г. Чингис-хан и монголосфера // Хара-Даван Э. Русь Монгольская : Чингис-хан и монголосфера. М. : Аграф, 2002. С. 282-300.
5. Ивакин Г. Ю. Историческое развитие Южной Руси и Батыево нашествие // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М. : Наука, 2003. С. 59-66.
6. Карамзин Н. М. История Государства Российского : в 12 т. Т. 5. СПб : Тип. Н. Греча, 1819. 412 с.
7. Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М. : Мысль, 1967. 264 с.
8. Каргалов В. В. Русь и кочевники. М. : Наука, 2008. 480 с.
9. Кобрин В. Б., Юрганов А. Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (к постановке проблемы). // История СССР. 1991. №4. С. 54-64.
10. Крадин Н. Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток : Дальнаука, 1992. 240 с.
11. Кривошеев Ю. В. Русь и Монголы : исследования по истории Северо-восточной Руси XII – XIV вв. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. 468 с.
12. Кульпин Э. С. Золотая Орда. (Проблемы генезиса Российского государства). М. : Моск. лицей, 1998. 240 с.
13. Лаврентьевская летопись. ПСРЛ. Т. 1. СПб. : Тип. Э. Праца, 1846. С. 3-209.
14. Назипов И. Северо-Восточная Русь в системе политических связей Орды : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2012. 30 с.
15. Пайпс Р. Влияние монголов на Русь: «за» и «против» : историограф. исслед. // Неприкосновенный запас [Электронный ресурс]. 2011. №5. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/5/p20.html>.

16. Пашуто В. Т. Монгольский поход в глубь Европы // Татаро-монголы в Азии и в Европе. М. : Наука, 1975. С. 210-228.
17. Пиков Г. Г. Европа и Монголы в XIII в. // История небесной империи. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. С. 169-201.
18. Похлебкин В. В. Татары и Русь. 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII – XVI вв. 1238-1598гг. (От битвы на р. Сить до покорения Сибири). М. : Междунар. отношения, 2000. 189 с.
19. Рахимзянов Б. Р. К вопросу о «буферных зонах» во взаимоотношениях поздней Золотой Орды и северо-восточных русских княжеств // Средневековые тюрко-татарские государства : сб. ст. Казань : Ихлас, 2010. Вып. 2. С. 91-95.
20. Рудаков В. Н. Концепция ордынского «ига» и отношения с Ордой в русском общественном сознании второй половины XIII – XVI веков // Вестник МГИМО – Университета. 2012. №4. С. 24-32.
21. Селезнев Ю. В. Происхождение понятия «монголо-татарское иго» (терминолог. заметка) // Российская история. 2012. №4. С. 107-110.
22. Скрынникова Т. Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М. : Вост. лит., 1997. 216 с.
23. Трепавлов В. В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: проблема исторической преемственности. М. : Наука, 1993. 170 с.
24. Трубецкой Н. С. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // Классика геополитики, XX век. М. : АСТ, 2003. С. 144-227.
25. Хрусталева Д. Г. Русь: от нашествия до «ига» (30-40 гг. XIII в.). СПб. : Евразия, 2004. 320 с.
26. Чернецов А. В. К проблеме оценки исторического значения монголо-татарского нашествия как хронологического рубежа // Русь в XIII веке : Древности темного времени. М. : Наука, 2003. С. 18-34.
27. Чимитдоржиев Ш. Б. Монголия в эпоху средневековья и новое время : очерки. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 2007. 212 с.
28. Чимитова Д. К. Отечественная историография влияния монголо-татарского ига на социально-экономическое, политическое и культурное развитие Руси // Чингисхан и судьбы народов Евразии : материалы междунар. науч. конф., г. Улан-Удэ, 3-5 окт. 2002 г. Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2003. С. 288-294.
29. Шабульдо Ф. М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев : Наукова думка, 1987. 183 с.
30. Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М. : МИРОС, 1998. 448 с.
31. Бабенко Р. В. Взаємовідносини Золотої Орди і Південно-Західної Русі в XIII ст. : автореф. дис... канд. іст. наук : 07.00.02 / НАН України. Ін-т сходознавства ім. А.Кримського. Київ, 2004. 20 с.
32. Івакін Г. Ю. Історичний розвиток Києва XIII – середини XVI ст. (історико-топографічні нариси). Київ, 1996. 272 с.
33. Русина О. В. Україна під татарами і Литвою. Київ : Альтернативи, 1998. 320 с.
34. Шабульдо Ф. М. Синьоводська битва 1362 р. с сучасній науковій інтерпретації // Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях. НАН України. Інститут історії України. Київ, 2005. С. 9-27.
35. Halperin Charles J. Russia in the Mongol Empire in Comparative Perspective // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1983. Vol. 43, №1. P. 239-261.
36. Halperin Charles J. The Tatar Yoke and Tatar Oppression // Russia Mediaevalis. 1984. Vol. 5, N 1. P. 20-39.
37. Ostrowski Donald. Muscovy and the Mongols: Cross-Cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304-1589. Cambridge : Cambridge University Press, 1998. 329 p.
38. Ostrowski Donald. The Mongol Origins of Muscovite Political Institutions // Slavic Review. 1990. Vol. 49, № 4. P. 537-542.

**VIII БОГДО-ГЭГЭН ДЖЕБЦЗУНДАМБА-ХУТУХТА И УПОЛНОМОЧЕННЫЙ
ИМПЕРАТОРСКОГО РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
В МОНГОЛИИ И.Я. КОРОСТОВЕЦ:
РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ МОНГОЛЬСКОГО МИРА
В НАЧАЛЕ XX В.**

**THE 8TH BOGDO-GEGEN DZHEBZUNDAMBA-KHUTUKHTA AND
PLENIPOTENTIARY OF THE IMPERIAL RUSSIAN GOVERNMENT IN MONGOLIA
I.YA. KOROSTOVETS: THE ROLE OF PERSONALITY IN THE TRANSNATIONAL
HISTORY OF THE MONGOLIAN WORLD IN THE EARLY 20TH CENTURY**

В статье, в рамках транснациональной истории монгольского мира, рассматривается роль VIII монгольского Богдо-гэгэга, сосредоточившего в своих руках всю полноту светской и религиозной власти, и Уполномоченного Российской империи И.Я. Коростовца в деле становления в начале XX в. современного Монгольского государства.

In this article, within the frameworks of transnational history of the Mongolian world, the author considers the role of the 8th Mongolian Bogdo-Gegen, who concentrated in his hands all secular and religious power and plenipotentiary of the Imperial Russian Government in Mongolia I.Ya. Korostovets in the making of the modern Mongolian state in the early 20th century.

Ключевые слова: Россия, Китай, Монголия, Синьхайская революция, Богдо-Хан, И.Я. Коростовец, Российско-монгольское Соглашение.

Keywords: Russian, China, Mongolia, Xinhai Revolution, Bogdo-Khan, I.Ya. Korostovets, Russian-Mongolian Agreement.

Современная наука располагает множественностью теорий о роли личности в истории. Сначала – это внеисторическая сила как орудие истории [26]. Затем – потребность в описании великих деяний героев и полководцев [1]. Потом – взгляд на личность как орудие исторической закономерности [34], на смену которому пришел исторический провиденциализм Гегеля [14]. Причем, едва ли не сильнее Гегеля, идеи провиденциализма выразил Л.Н. Толстой в своих знаменитых философских отступлениях в романе «Война и мир». Согласно Л.Н. Толстому, значение великих людей только кажущееся, на самом деле они – лишь «рабы истории», осуществляющейся по воле Провидения. «Чем выше стоит человек на общественной лестнице... чем больше власти он имеет... тем очевиднее предопределенность и неизбежность каждого его поступка», – утверждал он [31].

На смену этим теориям пришел марксистский взгляд на проблему, который решительно порвал с теологией и объяснял весь ход исторического развития лишь материальными факторами. Но, при этом марксизм унаследовал от Гегеля отношение к личности, полагая, что она может наложить отпечаток индивидуальности лишь на неизбежный ход событий, т.е. ускорить или замедлить реализацию исторического закона. По мнению Г.В. Плеханова личность не в состоянии, ни при каких обстоятельствах, изменить запрограммированный ход истории. И если бы не было одной, конкретной личности, то ее непременно заменила бы другая, которая выполнила бы точно такую же роль в истории. Этот взгляд базируется на идее неизбежности осуществления законов общественного развития, действующих вопреки всему. Но в мировой истории таких законов не может быть по определению, ибо социальное общество в мировой системе не имеет единой функциональной роли, так как она, как правило, зависит от способностей политиков. Так, представители династии Цин, промедлив с реформами в XIX в., привели Китай к фактическому разделу его на сферы влияния между мировыми державами, а затем и к распаду империи. В то время как реформы Мэйдзи (1868-1889) в Японии превратили Страну восходящего солнца в новый мировой центр агрессии и экспансии. Кроме того, марксисты

не учитывали и тот факт, что личность не просто действует в определенных обстоятельствах, но и может сама создавать эти обстоятельства.

Рассматривая феномен личности, необходимо обратить внимание на исследование американского философа С. Хука [39], который пришел к выводу о том, что личность, действительно, ограничена характером общества и объективными обстоятельствами. Но, при этом роль личности существенно возрастает и при определенных условиях она даже становится независимой силой, когда в развитии общества появляется альтернатива. Блестящим примером именно такого хода исторических событий и роли личности в истории стала социалистическая революция в России 1917 г. и выдающаяся роль В.И. Ленина. Именно поэтому в последние десятилетия, активно развивается альтернативная история, которая отвечает на вопрос: что было бы, если бы не было той или иной личности, т.е. исследуются гипотетические альтернативы при несуществующих сценариях. При этом анализ роли личности в разных ситуациях исходит из идеи о том, что ее роль может колебаться и зависеть от особенностей исследуемого места, времени и индивидуальных черт личности. Особенно ярко личность проявляется в монархических (авторитарных) обществах, где очень многое зависит от индивидуальных способностей и случайностей, связанных с лидером (монархом) и его окружением.

Таким образом, саму идею можно сформулировать следующим образом: чем менее устойчиво общество и чем сильнее разрушены старые конструкции, тем большее влияние на него может оказать выдающаяся личность. Тем самым мы получаем практически математическую формулу: *роль личности обратно пропорциональна стабильности общества.*

Используя таковой подход с учетом того: в какие моменты, как и когда воздействуют на роль личности мы и попытаемся рассмотреть миссию выдающихся исторических личностей, оказавших решающее воздействие на становление современной монгольской государственности, а именно роль Богдо-гэгэна VIII Джебцзундамба-хутухты и Уполномоченного императорского российского правительства в Монголии И.Я. Коростовца, которые заложили основы российско-монгольских отношений в XX в.

Анализируя результаты Синьхайской революции в Китае и ее последствия, в части создания Монгольской государственности, а также роль Российской империи в деле создания современного монгольского государства, российская и монгольская историография особое внимание уделяют роли VIII Богдо-гэгэна Джебцзундамба-хутухты [5; 3; 11; 36; 37; 38] и Уполномоченного императорского российского правительства в Монголии И.Я. Коростовца [2; 6; 7; 23; 24; 35], которые стояли у истоков нового государства и заложили основы современных российско-монгольских отношений.

Интерес к деятельности И.Я. Коростовца был вызван опубликованием его многолетнего исследования по истории Монголии на русском языке [17] и «Дневника русского уполномоченного в Монголии» [16], а также проведением в Улан-Баторе в 2013 г. международной научной конференции, посвященной деятельности российского дипломата [Монгол-оросын 1912 оны гэрээ ба И.Я. Коростовец. Олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурлын материал], среди выступлений на которой можно выделить доклады как российских (Л.В. Курас, Е.И. Лиштованный, Б.Д. Цыбенев), так и монгольских ученых (О. Батцайхан, Ц. Батбаяр, Н. Хишигт и др.).

В то же время публикации в российской и монгольской периодике о Джебцзундамба-хутухте, не считая небольшой главы в монографии Е.А. Белова [11], принадлежат лишь перу О. Батсайхана, хотя Богдо-гэгэн, несомненно, заслуживает значительно большего внимания.

Есть, пожалуй, и еще одно отличие в оценке современной историографии двух выдающихся личностей. Если долгое время личность И.Я. Коростовца была в забвении, что было обусловлено сменой общественно-политического строя в России и эмиграцией российского дипломата, то память о Джебцзундамба-хутухте, в соответствии с государственной идеологией СССР и МНР, подвергалась шельмованию.

VIII Богдо-гэгэн Джебцзундамба-хутухта

Каждый народ имеет своих героев, которыми гордятся, которым ставит памятники, называют их именами города, улицы, школы и новорожденных детей. Это богатство народа и это его история. Но проблема заключается в том, что со сменой эпох, сменой идеологической составляющей и национальной идеи государства, происходит и смена героев. Причем, зачастую - это не смена мест на пьедестале почета, а полное забвение. Именно это и случилось с VIII Богдо-гэгэном Джебцзундамба-хутухтой, чье имя было вычеркнуто из истории монгольского мира на долгие десятилетия.

Историческая справка

Богдо-гэгэн VIII – восьмой Халха Джебцзундамба-хутухта (1869, Лхаса – 17 апреля 1924, Урга) – глава буддистов Монголии. Богдо-хан, теократический правитель Монголии (1911-1921), монарх Монголии с ограниченными правами (1921-1924). Официальное признание мальчика новым Богдо-гэгэном состоялось в Потале при участии Далай-ламы XII и Панчен-ламы в 1874 г. В 1875 г. в сопровождении торжественной процессии монгольской знати и духовенства, а также бурятских лам он был привезен в Ургу и возведен на трон Богдо-гэгэна [13].

Ему с детства преподавали тибетский и монгольский языки, буддийскую философию. Он был единственным среди восьми воплощений Богдо со степенью габджи [3; 1].

В начале XX в. Китай резко усилил колонизацию Внешней Монголии. В Халхе начались широкие административные преобразования, преследующие цель введение прямого китайского правления, распространения общекитайского законодательства и ликвидации самостоятельности монгольских ханов, князей и лам. В Халху вводятся китайские войска, планируется строительство железных дорог и т.п., что грозило окончательным поглощением Внешней Монголии Китаем и ассимиляцией монголов, затрагивало экономические и политические интересы России в этой стране. Пытаясь вырваться из-под китайского владычества и создать собственное национальное государство, монгольские феодалы поднимают народ на борьбу и обращаются за помощью к России.

27-28 июля 1911 г. в Урге состоялось тайное совещание монгольских лам и князей под председательством Богдо-гэгэна, проходившее «в доме Богдо и он возглавлял эту встречу» [3], на котором было принято решение об отделении Халхи от империи Цин, воспользовавшись при этом помощью России, после чего в Петербург была направлена официальная делегация.

15 августа 1911 г. в столицу Российской империи прибыла монгольская делегация во главе с одним из лидеров национально-освободительного движения в Халхе Ханда-Доржи [28]. Уже на следующий день делегация была принята и.о. управляющего МИД России А.А. Нератовым и премьер-министром империи А.П. Столыпиным. В послании императору Николаю II халхасский первосвященник Джебцзун-Дамба-хутухта и князья всех четырех аймаков: Тушетуханского - Дашинама; Цэцэнханского - Агван-Цэрэн; Цзасактуханского - Сотном-Арабдан и Сайнноинханского - Намнан-Сурун писали о злоупотреблениях китайских чиновников, которые вмешиваясь в монгольские дела и под предлогом реформ, заселяли Монголию. Делегация прямо просила о помощи и покровительстве русского царя.

Сложность ситуации обуславливалась тем, что у России не было четкой позиции в решении «монгольского вопроса». Поэтому программный документ, с которым прибыла монгольская делегация, вызвал серьезную озабоченность правительственных кругов России. Так, монгольская сторона выдвигала следующие требования:

- независимость Внешней Монголии от Китая (рассматривался также вариант протектората России);
- объединение Внутренней, Внешней Монголии, Барги, Урянхайского края и создание Великой Монголии;
- активная военная и политическая помощь со стороны России против Китая;
- постоянное представительство Урги в Петербурге и дальнейшее расширение российских торговых прав и привилегий в Монголии [25].

В российской и монгольской историографии отмечается, что в официальных кругах, а также в среде, военных, предпринимателей и интеллигенции России имелись существенные расхождения на политику империи по отношению к Монголии. Так, существовало как минимум 6 сценариев дальнейшего развития событий:

- среди политических лидеров императорской России были сторонники отделения Монголии от Маньчжурии и развития ее в русле японских интересов;
- второй сценарий направлен на сближение Монголии с Китаем с целью ведения непримиримой борьбы Японией, дабы осуществить свои дальневосточные притязания чужими руками;
- российский генералитет жаждал реванша за поражение в русско-японской войне 1904-1905 гг. и потому рассматривал нарастающее национально-освободительное движение как возможность присоединить Монголию к России;
- российские промышленники и предприниматели выступали с самостоятельной позицией, выразившейся в стремлении монголов к государственной самостоятельности и установления протектората над ней с целью вывоза продукции животноводства из Монголии в Россию;
- имелись также сторонники партнерских торговых отношений России и Монголии, которые высказывались за создание автономной Монголии под протекторатом Китая;
- и, наконец, существовала еще одна точка зрения – «Монголия для монголов». Суть этого сценария выражался в следующем: Монголия не в состоянии защитить свою независимость ни от Китая, ни от России и потому необходимо создать автономное буферное государство под покровительством союза европейских государств [4; 22].

Не смотря на множество сценариев, российские ученые подчеркивают, что к началу XX в. Монголия превратилась в конгломерат полуколоний мировых держав, которые уже завершили раздел мира на колонии и боролись за передел уже поделенного. Поэтому ситуация в полуколониях определялась их включением в важнейшие договорные документы ведущих мировых держав, в соответствии с которыми в некоторых полуколониях вызревали внутренние и внешние предпосылки возникновения новых суверенных государств. Это в полной мере относилось и к Монголии, которая искала точку опоры на стороне [15]. И величие Богдо-гэгэна как раз в том и заключается, что он первым почувствовал приближение этих предпосылок и нашел единственно верную точку опоры.

Особое совещание по делам Дальнего Востока при Совете Министров, состоявшее из представителей различных министерств и ведомств, 17 августа 1911 г. рекомендовало правительству выступить посредником между Китаем и Монголией и оказать монгольским князьям дипломатическую поддержку [15, с. 81; 21, с. 89]. В соответствии с принятыми решениями Россия через своего посланника в Пекине начала оказывать давление на правительство. При этом, товарищ министра иностранных дел России А.А. Нератов сформулировал три основополагающих принципа, которые стали определяющими в отношении Китая к Внешней Монголии: не заселять Халху китайцами, не посылать туда китайские войска, не вводить на территории Внешней Монголии китайское управление [11, с. 42].

Синьхайская буржуазная революция в Китае и свержение власти маньчжурской династии Цин послужили мощным толчком к подъему национально-освободительного движения в Монголии, в том числе на ее западной окраине - в Кобдоском и Алтайском округах. Очевидец событий, российский монголовед А.В. Бурдуков писал, что монголы, «погребенные под золой китайского деспотизма и под мусором желтой веры, получили первый уголек – «зарядку» от китайской революции 1911 г. Начавшееся поглощение Китаем Монголии и угроза неизбежной ассимиляции и разбудили у монголов чувство национального самосохранения» [12, с. 27]. Так, А.А. Нератов телеграфировал И.Я. Коростовцу, что планируемые Китаем военные и административные реформы в Халхе были бы расценены как «враждебное по отношению к России действие», а ввод в Монголию частей цинской армии привел бы «к нарушению равновесия на границе». А так как монгольские делегаты опасались за свою безопасность по возвращению на

родину, А.А. Нератов просил посланника дать понять Пекину, что «русские власти не останутся равнодушными к судьбе монгольских делегатов и пославших их лиц» [8, с. 55-56].

Выступлению монголов во многом способствовало правительство России. Так, российский посланник в Пекине И.Я. Коростовец 12 ноября 1911 г. телеграфировал товарищу министра иностранных дел А.А. Нератову, чтобы правительство России довело до монгольских князей и высших лам информацию о том, что происходящие в Китае события дают монголам исключительно благоприятный случай обеспечить на будущее время свою самостоятельность.

1 декабря 1911 г. было обнародовано воззвание с объявлением независимости Халхи. При поддержке русского правительства переход власти в Халхе в руки монгольских феодалов был осуществлен мирным путем. 18 декабря 1911 г. от консула в Улясутае А.А. Вальтера была получена телеграмма о том, что 16 декабря был осуществлен мирный переход власти от китайского цзяньцзюня к монгольскому амбану. 29 декабря 1911 г. в Урге состоялась торжественная церемония возведения Богдо-гэгэна VIII на престол Великого хана (Богдо-хана) Монголии. В ней приняли участие многих монгольских земель. Стремясь консолидировать всех монголов и избежать социальных потрясений, Богдо-гэгэн VIII в своих лундэнах (обращениях) делал упор на прекращение междоусобиц, взаимной вражды, «угнетения высокими людьми низких», укрепления семьи. О государственном уме и государственном подходе «Многими Возведенного» говорит тот факт, что его лундэны касались самых разных направлений: религии, государственного управления, международных связей, финансов, таможенных правил, государственных наград, охраны природы, возмещения арагам, пострадавшим от потери скота, мерам против голода [20]. Это был реальный лидер, которому поклонялись все монголы и калмыки. Не случайно представители России, проживавшие в Урге и Пекине, в своих донесениях и секретных телеграммах, обрисовывая реальное положение дел в Монголии, подчеркивали, что будущее Халхи находится в руках Богдо-хана. Так, генеральный консул России в Урге В.Ф. Люба дал оценку исторических заслуг Богдо-гэгэна, оценивая его как национального лидера, благодаря которому состоялся кардинальный поворот в истории Монголии [4, с. 126].

В торжестве возведения на престол Богдо-хана приняли участие представители четырех аймаков Монголии. О переходе под власть Богдо-хана заявили и другие аймаки и сеймы, в том числе Хубсугул, Урянхай, Дариганга, Хулунбуир и др. Для руководства новым независимым государством было создано две палаты: Верхняя палата состояла из пяти палат (внутренних дел, иностранных дел, юстиции, военного и финансов); в Нижнюю палату входили чиновники этих министерств. В короткий срок были приняты важнейшие законодательные акты в области политики, обороны, экономики, финансов, торговли и культуры. По инициативе Богдо-гэгэна была создана военная школа с русскими инструкторами, построено несколько мастерских, типография, больница, ветлечебница, мельницы, радиостанция, телеграф, телефон, автомастерские, электростанция, банки. Имея богословскую степень, он поощрял не только религиозное, но и светское образование, призывал бережно относиться к собственной истории [4, с. 126]. Это было тем более удивительно, что все предшественники были весьма далеки от дел мирских. Они занимались строительством храмов и монастырей, производством церковной утвари, ведением богослужения, составлением монастырских библиотек, собиранием религиозных напевов, далами Шабинского ведомства [18]. Тем самым, было завершено 220-летнее господство династии Цин, на смену которому пришел император Монголии, сосредоточивший в своих руках государственную и религиозную власть и которого монголы по праву считали руководителем и духовным отцом монгольской революции [3].

Уполномоченный Императорского российского правительства в Монголии И.Я. Коростовец

Правительство Китая не признало суверенитет монгольского государства. Это было обусловлено императорским указом об отречении империи в пользу республики от 12 февраля и временной Конституцией Китайской республики, принятой 10 марта 1912 г., где были указаны пять нациеобразующих народностей: маньчжуры, ханьцы, монголы, мусульмане и тибетцы [30, с. 181]. Тем не менее, Китай в силу объективных обстоятельств, не решился на немедленную отправку войск в Ургу. Обстоятельства вокруг Монголии сложились таким образом, что и

Китай и новое правительство Монголии обратились к России за посредничеством. В результате длительных и сложных переговоров в треугольнике Россия - Монголия - Китай и заключения ряда договоров Халха получила достаточно широкую автономию, лишь формально оставаясь в составе Китайской Республики [12; 9; 11; 10; 25]. Гарантом этой автономии являлась Россия, которая исходила из мысли о том, что к началу XX в. разные части раздробленной Монголии подчинялись не Китаю, а маньчжурским императором, причем на разных основаниях. Поэтому империя Цин не была Китаем, а Китайская республика не имела от нее исторической преемственности. В этой связи уместно привести слова В. Томилина, русского очевидца событий начала XX в.: «Монголия лишь случайно связанная до последнего времени с Китаем общей царствующей династией, всегда была чужда ему и даже враждебна» [32, с. 4].

Однако в Кобдо и на Алтае между монголами и китайцами завязались упорные бои за обладание этим краем, в исходе которых важную роль также сыграла Россия. Китайские власти Кобдоского округа, поддерживаемые премьером, а с февраля 1912 г. Временным Президентом Китайской Республики Юань Шикаем, не признававшим отделения Халхи от Китая, и надеясь на помощь из Синьцзяна, решили отразить наступление монгольских повстанцев. Стремясь не допустить проникновения революционных идей в Кобдо и на Алтай, но, не имея возможности силой воспрепятствовать походу халхасских войск в Западную Монголию, Пекин попытался создать новую административно-территориальную единицу в составе Китая под названием «Западная Монголия». В ее состав должны были войти Алтайский округ Синьцзяна, Кобдо, Урянхайский край, земли калмыков-торгоутов. Однако развитие событий в Кобдо и Шара-Сумэ опрокинуло эти планы Пекина. Монгольское правительство в июне 1912 г. направило в Кобдо войска под командованием Дамдинсурэна, Максаржава, Джалханцзы-Гэгэна и др. Правителем округа был назначен Дзорикту-бэйсэ. Большая часть многонационального населения Кобдоского округа присоединилась или сочувствовала монголам. Кобдоский амбань Пу Жунь категорически отверг предложения русского консула М. Кузминского о передаче власти представителям Халхи. И более того, он арестовал и казнил посланцев Урги Тэмурджаба и Лхакбу, что сделало военное столкновение неизбежным. В назревавшем конфликте Россия выступила на стороне Халхи, рассматривая Западную Монголию в качестве «удобного заслона от Китая» и исходя из принципа, высказанного начальником Генерального штаба генералом А.З. Мышлаевским: «Россия должна поддерживать все, что ослабляет власть Китая в Монголии» [11, с. 34]. Обсуждая на своем заседании 15 июля (2 августа) монгольский вопрос Совет министров подтвердил, что главной задачей политики России в Северной Монголии является «воспрепятствование образованию в этой пограничной с нами области сильного в военном отношении государства». Сложившиеся обстоятельства побуждают к заключению между Россией и Халхой договора, «сущность которого сводилась бы к обещанию русского правительства отстаивать самобытный строй Халхи и не допускать как ввода в Монголию китайских войск, так равно и колонизации ее китайцами. С другой стороны на правителей Халхи следовало бы возложить обязательство не заключать никакого договора, нарушающего указанные начала, и обеспечить за русскими подданными и за русской торговлей свободное пользование в пределах Монголии всеми правами и преимуществами, принадлежащими им в силу прежних договоров между Россией и Китаем» [11, с. 34].

Таким образом, российское правительство проявило решимость и готовность подтвердить автономию Халхи в составе Китая и взять ее под свою защиту, в том числе и вооруженными средствами [29, с. 2]. Это решение легло в основу политики России по отношению к разыгравшимся в Монголии событиям. Фактический отказ китайского правительства «считаться с изменившимся положением в Монголии» вынудил правительство России вести переговоры с Ургой, которые были возложены на посланника в Пекине И.Я. Коростовца [29, с. 2], который после социальной революции 1917 г. в России оказался в эмиграции. Имя его также на многие десятилетия было забыто.

Историческая справка

Иван Яковлевич Коростовец (1862-1933) – выпускник Императорского Александровского лицея, тайный советник Российской империи. С 1884 г. служба в Азиатском департамен-

те Министерства иностранных дел России: второй секретарь Посольства России в Пекине (1890-1894), секретарь Миссии Российской империи в Лиссабоне (1894–1899), заведующий дипломатической канцелярией Русского Верховного главнокомандующего, адмирала Алексева в Порт-Артуре (1899-1902), с 1902 г. – генеральный консул в Бушире. С 1905 г. - секретарь графа Витте, уполномоченного участвовать в мирной конференции в Портсмуте; вице-директор Первого департамента Министерства иностранных дел России, Чрезвычайный посланник и Полномочный министр России в Пекине (1907-1912), уполномоченный в Урге на русско-монгольских переговорах, (август 1912-октябрь 1913). Чрезвычайный посланник и Полномочный министр Российской империи при Персидском дворе (октябрь 1913-1916), с 1916 г. – председатель Правления Учетно-Судного Банка Персии.

Пекин пытался помешать переговорам, отговорить монгольское правительство от заключения соглашения с Россией, обещая взамен «всевозможные льготы и крупные денежные подачки» и обвиняя Петербург во вмешательстве во внутренние дела Китая [29, с. 22-23]. При этом молодое Монгольское государство не получило международное признание, оставаясь независимым и суверенным, осуществляющим самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику, выступая тем самым субъектом международных отношений де-факто.

В этот период Внешней Монголии особенно важна была профессиональная деятельность Ивана Яковлевича Коростовца в качестве Уполномоченного правительства Российской империи, назначенного МИД России для ведения переговоров с Монгольским правительством. Иван Яковлевич, в течение всего периода пребывания в Монголии, вел дневник. В дневнике перед нами достаточно полно и выпукло предстала жизнь крупнейшего российского дипломата в Азии, понимание своей роли и ответственности в событиях начала века, понимание российской политики на востоке, его чувства и стремления, восприятие событий и политических государственных деятелей. Кроме того, он рисует яркую картину жизни в Урге как столице молодого государства [2]. Из дневника становится понятной роль И.Я. Коростовца в становлении и укреплении Монгольской государственности. Именно он, используя многочисленные ноты, заявления и депеши о состоянии дел в Монголии, ее значения для России, переданные российским дипломатом, открыли глаза Министру иностранных дел России С.Д. Сазонову, товарищу министра А.А. Нератову и даже императору Николаю II на монголов и Монголию [16]. Именно в этом его «неоспоримая заслуга как одного из первых дипломатов Российской империи, осознавших значение Монголии для геополитических интересов России» [7, с. 83]. Именно ему принадлежит заслуга подготовки и подписания российско-монгольского Соглашения 1912 г. Поэтому не случайно, что после подписания Соглашения И.Я. Коростовец получил благодарность в телеграмме от Императора Николая II, направленной на имя Министра иностранных дел России С.Д. Сазонова [7, с. 83].

В самом процессе подготовки и подписания 3 ноября 1912 г. Соглашения и протокола к нему, коллектив авторов «Истории Монголии XX век» подчеркнули, что решение этого вопроса в определенной степени зависело не только от России и Китая, но и от «Японии, США, Англии, Франции и Германии, не желавших... нарушения баланса сил, сложившегося в регионе Центральной Азии и Дальнего Востока, на пороге Первой мировой войны [15, с. 37]. Причем, эти страны, как правило, «поддерживали Китай в его противоборстве с Россией и Монголией и игнорировали неоднократные предложения Богдо-хана и его правительства установить дипломатические и торговые отношения» [там же]. Чем же была обусловлена эта поддержка? Став временным Президентом республиканского Китая, Сунь Ятсен объявил, что все международные договоры, заключенные цинским правительством, признаются республиканской властью. Тем самым новый Китай принял на себя все обязательства по внешним займам и признал все права иностранцев. Эти обязательства и стали основным критерием в признании республики [19, с. 31]. В этих условиях, именно Россия, стала гарантом монгольского правительства «в деле сохранения институтов монгольской государственности, формирования вооруженных сил, недопущение китайской колонизации и ввода китайских войск» [19, с. 39]. И в этом состоит огромная заслуга Уполномоченного императорского российского правительства в

Монголии Ивана Яковлевича Коростовца, благодаря которому Соглашение стало не просто первым международным, правовым документом, определившим статус Монголии, но и имевшим важное значение для выхода Монголии на международную арену. Именно поэтому И.Я. Коростовец, хотя и был проводником российской государственной политики, сыграл огромную роль в истории современной Монголии. И здесь, на наш взгляд, деятельность Богдо-хана и И.Я. Коростовца во многом созвучна и даже не разделима, ибо именно они фактически стали создателями нового государства.

Следует подчеркнуть, что роль Ивана Яковлевича не ограничилась лишь переговорным процессом и подписанием Соглашения. В 1913 г. Россия вступил в длительные переговоры с Китаем, который пытался дезавуировать результаты российско-монгольского Соглашения, что, пользуясь безразличием к азиатской политике англофила С.Д. Сазонова, почти удалось [16]. И лишь энергичное вмешательство И.Я. Коростовца и личная поддержка Николая II спасли положение. 23 октября – 5 ноября 1913 г.

В это же время продолжало расти влияние Монгольского Богдо-хана. А после подписания Кяхтинского Соглашения 1915 г., когда Внешняя Монголия превратилась в геополитический центр региона и «стала ядром притяжения родственных монголоязычных народов, населявших пространство от Байкала до Великой Китайской стены» [16, с. 44], фигура Богдо-хана начала приобретать сакральный характер, а в будущем способствовала возникновению движения панмонголизма.

Таким образом, анализ оценок российских дипломатов по «монгольскому вопросу» и серия русско-монголо-китайский договоров и соглашений 1911–1915 гг. позволяют сделать вывод об осторожной и сдержанной дипломатической линии России в Монголии. Россия стремилась сохранить мирные отношения с Цинским и республиканским Китаем, выполнить секретные пункты русско-японских соглашений о разграничении сфер влияния, а также поддерживать самостоятельность развития Внешней Монголии. Россия не могла поддержать полную независимость Внешней Монголии с присоединением к ней Внутренней Монголии Барги и Урянхая.

Все свои усилия российская дипломатия направляла на создание автономной Монголии и признание особых прав России во Внешней Монголии. Россия находилась в сложной ситуации, так как ей, с одной стороны, было необходимо ограничить притязания монголов на создание «Великой Монголии», а, с другой стороны, уговорить Китай пойти на уступки, проявить гибкость и признать автономию Монголии. Благодаря гибкой политике российских дипломатов удалось создать автономную, а фактически самостоятельную и независимую Монголию.

В деле образования современного независимого и суверенного Монгольского государства и его международного признания огромную роль сыграли Высший иерарх монгольской буддийской церкви VIII Богдо-гэгэн Джебцзундамба-хутухта, признанный всеми монголами как неоспоримый лидер Монголии и Уполномоченный Императорского российского правительства в Монголии Иван Яковлевич Коростовец, деятельность которого российский дипломат барон Б.Э. Нольде в деле «Создания Монголии» оценил как «одно из крупных дипломатических достижений императорской России» [7, с. 83].

Не последнюю роль в обретении суверенитета и сохранения собственной идентичности сыграл панмонголизм, возникший в начале XX в. В диссертационном сочинении, посвященной идеологии панмонголизма, Т.В. Халудоров подчеркивает, что фактически он «стал новым оформлением центрально-азиатской кочевой тенденции к политическому объединению». В основе идеологии панмонголизма находились, прежде всего, «антикитайские настроения монгольского населения, вызванные колонизаторской политикой Пекина, а также чувство религиозного единства, на основе которого формировалось национальное самосознание монгольских народов» [33, с. 23]. Монгольская буддийская церковь сыграла решающую роль в идейной подготовке движения за консолидацию Монголии. Именно она пропагандировала идею независимости от власти Китая, чему во многом способствовал авторитет Богдо-хана в начале XX в.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта «Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии». № 14-1600552.

Примечание

I. После изучения всего цанида геше (сравнимо со степенью доктора философии на Западе) может, выдержав состязание по всем предметам, получить звание габджу [27, с. 198-199].

Примечания

1. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М. : Прогресс, 1993. 608 с.
2. Бакич О. История дневника И. Я. Коростовца // Монгол-оросын 1912 оны гэрээ ба И.Я. Коростовец. Олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурлын материал. Улаанбаатар хот, 2013. С. 49-52.
3. Батсайхан О. VIII Богдо Жавзандамба-хутухта – руководитель и отец Монгольской национальной революции 1911 года // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2013. № 3(11). С. 121-137.
4. Батсайхан О. Монголия на пути к государству-нации (1911-1946). Иркутск ; Улан-Удэ : Иркутск, 2014. 384 с.
5. Батсайхан О. Независимость Монголии 1911 года и Богд Хан // Россия и Монголия на рубеже XIX-XX веков: экономика, дипломатия, культура : сб. науч. тр. Улаанбаатор ; Иркутск : БГУЭП, 2013. С. 156-160.
6. Батсайхан О. Уполномоченный императорского российского правительства в Монголии в августе 1912-мае 1913 года Иван Яковлевич Коростовец // Россия и Монголия на рубеже XIX-XX веков: экономика, дипломатия, культура : сб. науч. тр. Улан-Батор ; Иркутск : БГУЭП, 2013. С. 161-170.
7. Батсайхан О. Уполномоченный императорского российского правительства в Монголии в августе 1912-мае 1913 г. Иван Яковлевич Коростовец // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2013. № 4(12). С. 77-87.
8. Батунаев Э. В. Борьба за независимость Монгольского государства (1911-1921 гг.) / отв. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2015. 160 с.
9. Белов Е. А. Революция 1911-1913 годов в Китае. М. : Изд-во Вост. лит., 1958. 116 с.
10. Белов Е. А. Россия и Китай в начале XX века. Русско-китайские противоречия в 1911-1915 гг. М. : Изд-во ИВ РАН, 1997. 314 с.
11. Белов Е. А. Россия и Монголия (1911-1919 гг.). М. : Изд-во ИВ РАН, 1999. 239 с.
12. Бурдуков А. В. В старой и новой Монголии : воспоминания, письма. М. : Наука, 1969. 419 с.
13. Ванчикова Ц. П. Об одном списке намтара Джебзундамба-хутухты Занабазара из монгольского фонда ЦВРК ИМБТ СО РАН // Культура Центральной Азии: письменные источники : сб. ст. Улан-Удэ, 2014. Вып 8. С. 186-207.
14. Гегель Г. В. Ф. Философия истории // Гегель Г. В. Ф. Сочинения. М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. Т. 8.
15. История Монголии. XX век. М. : Изд-во ИВ РАН, 2007. 448 с.
16. Коростовец И. Я. Девять месяцев в Монголии. Дневник русского Уполномоченного в Монголии (август 1912-май 1913 г.) / сост. О. Батсайхан ; отв. ред.: Н. Тацуо, О. Бакич. Улаанбаатор : Алмон, 2009. 560 с.
17. Коростовец И. Я. От Чингисхана до Советской республики : (краткая история Монголии с особым учетом новейшего времени). Улаанбаатор : Эмгэнт, 2004. 560 с.
18. Крайнова Л. Н. Шабинское ведомство ламаистской церкви Монголии в период правления Цинской династии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 1-2. С. 1-5.
19. Кузьмин Л. С. Теократическая государственность и буддийская церковь Монголии в начале XX века. М. : Т-во науч. изданий КМК, 2016. 496 с.

20. Кузьмин С. Л., Оюнчимэг О. Последний Великий хан Монголии // Азия и Африка сегодня. 2009. № 1. С. 59-64.
21. Курас Л. В. Бурятская национальная автономия 1917 года в транснациональной истории // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2016. Иркутск : Изд-во БГУ, 2016. С. 84-92.
22. Курас Л. В. Синьхайская революция 1911-1913 гг. и Монголия: современная российско-монгольская историография // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения российской академии наук. 2015. № 2. С. 97-111.
23. Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. О роли российского дипломата И. Я. Коростовца в становлении Монгольского государства // Монгол-оросын 1912 оны гэрээ ба И.Я. Коростовец. Олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурлын материал. Улаанбаатар хот, 2013. С. 143-155.
24. Лиштованный Е. И. Сибирь и Монголия в период деятельности И. Я. Коростовца // Монгол-оросын 1912 оны гэрээ ба И.Я. Коростовец. Олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурлын материал. Улаанбаатар хот, 2013. С. 74-82.
25. Лузянин С. Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911-1946 гг. М. : Огни, 2000. 320 с.
26. Плеханов Г. В. К вопросу о роли личности в истории : избр. философские произведения : в 5 т. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1956. Т. 2. С. 300-334.
27. Поздеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. – СПб. : [б. и.], 1887. 510 с.
28. Российско-монгольское военное сотрудничество (1911-1946) : сб. док. Ч. 1. М. ; Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2008.
29. Сборник дипломатических документов по Монгольскому вопросу. Т. 2. СПб., 1914. 63 с.
30. Синьхайская революция 1911-1913 гг. : сб. док. и материалов / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М. : Наука, 1968. 349 с.
31. Толстой Л. Н. Война и мир : в 4 т. М. : Просвещение, 1987. Т. 3. 320 с.
32. Томилин В. Монголия и ее современное значение для России. М. : Рус. печатня, 1913. 20 с.
33. Халудоров Т. В. Политические аспекты идеологии панмонголизма : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 23.00.01. М., 2005. 24 с.
34. Шапиро А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. Лекция 28. М. : Культура, 1993. 761 с.
35. Батсайхан О. Монгол Оросын 1912 оны найрамдлын гэрээ ба И. Я. Коростовец // Монгол-оросын 1912 оны гэрээ ба И.Я. Коростовец. Олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурлын материал. Улаанбаатар хот, 2013. С. 143-155.
36. Батсайхан О. Монголын суулчийн эзэн хаан Богд Жавзандамба хутанг: Амьдрал бv домог [Последний император Монголии Богдо Жавзандамба-хутухту: Жизнь и легенда]. Улаанбаатар, 2011.
37. Батсайхан О. Монголын суулчийн зцээн хаан VIII Богд Жавзандамба хувтгт. Улаанбаатар : Адмон, 2008.
38. Батсайхан О. 1911 оны ундэсний хувьсгал ба Монголын суулчийн эзэн хаан Богдо Жавзандамба хутагт. Улаанбаатар, 2008.
39. Hook S. Philosophy and History. A Simposium. New York : New York University Press, 1963.

**Р.Ф. УНГЕРН И ВОССТАНОВЛЕНИЕ МОНАРХИИ БОГДО-ГЭГЭНА В 1921 Г.
R.F. UNGERN AND THE RESTORATION OF THE MONARCHY BOGD-GEGEN
IN 1921**

В статье рассматривается военная и политическая деятельность барона Р.Ф. Унгерна в Монголии. В настоящее время имя Р.Ф. Унгерна неразрывно связано с Монголией. Он изгнал в 1921 г. китайские войска и восстановил на троне главу ламаистской церкви Джебцзун-Дамбу-хутухту и тем самым способствовал восстановлению монгольской государственности.

The article discusses the military and political activities of R.F. Ungern in Mongolia. At the moment the name of the R.F. Ungern is inextricably linked with Mongolia. In 1921 he drove out Chinese troops and restored the head of the Lamaist church Dzhebtzun-Damba-Khutukhta on the throne thereby contributing to the restoration of Mongolian statehood.

Ключевые слова: Р.Ф. Унгерн, Джебцзун-Дамба-Хутухта, китайская оккупация, панмонголизм, Красная Армия, автономия, Азиатская дивизия, идеология, ламаистская церковь.

Keywords: R.F. Ungern, Dzhebtzun-Damba-Khutukhta, Chinese occupation, Pan-Mongolism, Red Army, autonomy, Asian Division, ideology, Lamaist church.

Роман Федорович Унгерн фон Штернберг (1821-1921) – одна из самых загадочных и ярких фигур, участник гражданской войны в Забайкалье, Маньчжурии и Монголии, сыгравший, на наш взгляд, одну из ключевых ролей в восстановлении монархии Богдо-гэгэна. О нем уже при жизни существовало множество легенд, мифов, которые вызывали и вызывают постоянный интерес у многих исследователей. Существуют полярные точки зрения как в отечественной, так и в зарубежной историографии о деятельности барона Р.Ф. Унгерна. В советской историографии преобладает негативная оценка его деятельности [12]. Под воздействием советской идеологии за ним закрепились оценка врага народа, диктатора и т.д. В российской историографии интерес вызывают исследования Е.А. Белова [1], С.К. Рощина [11], С.Л. Кузьмина [4], Л.А. Юзефовича [13], которые на основе новых архивных материалов проводят реконструкцию жизни и деятельности Р.Ф. Унгерна. Не теряют своей актуальности мемуары участников гражданской войны в Сибири и Монголии Д.П. Першина [10], Ф. Оссендовского [9]. Традиционная монгольская историография не так однозначна в оценках Унгерна как российская. Белый террор, равно как и красный террор, в Монголии рассматривается как национальная трагедия [7, с. 86]. В оценке событий гражданской войны сложно быть объективным, поскольку у каждой из противоборствующих сторон были свои идеалы и представления дальнейшего пути развития, в которые они свято верили. Поэтому, не впадая в крайности, мы попытались дать более взвешенную оценку столь неординарной личности в истории как Р.Ф. Унгерн.

Он происходил из древнего немецкого рода Унгерн-Штернбергов. Его предки на протяжении многих веков преданно служили царю и отечеству. С раннего возраста у Р.Ф. Унгерна проявились такие качества характера как религиозность, традиционализм, глубокий интерес к Востоку, безудержная храбрость. По-видимому, эти факторы оказались определяющими в решении Унгерна участвовать в национально-освободительном движении монголов. Он включился в борьбу за независимость, которую вели монголы в Западной Монголии против порабощения маньчжурами и китайцами. Кроме того, Унгерн искал традиции и нравственные идеалы времен Чингисхана, утерянные в европейском обществе и сохраненные, как ему казалось, в Монголии. К монголам Унгерн относился с большой симпатией. В одном из своих писем он писал: «... я сблизился с монгольским народом», в другом - «...понял его веру, обычаи и его заветные, горячие, благородные думы о судьбах их родины» [2, с. 41].

Он развернул активную деятельность по восстановлению монгольской теократической монархии. В рамках своей теории Унгерн делал акцент на создание Великой Срединной Мон-

голии имперского типа, куда вошли бы Внешняя и Внутренняя Монголия, Тибет, Туркестан и другие близлежащие территории, восстановление монархического строя во главе с Цинской династией, возвращение к великой вере. Поэтому он призывал все монгольские племена объединиться в одно государство. Монголия для Унгерна стала первым шагом для осуществления этой цели. Следует отметить, что некоторые ученые считают данную теорию составной частью идей панмонголизма. О своеобразной концепции Унгерна можно судить по его многочисленным письмам, которые он писал монгольским князьям, китайским монархистам. В письме к одному монгольскому князю Унгерн сообщал о целях борьбы, которую он вел: «Я сражаюсь с врагами всего человечества – революционерами. Это люди, которые пренебрегли всеми небесными и человеческими законами, у которых нет религии, нет царей, нет чести, нет ничего святого...» [8, с. 554].

Для барона Унгерна, который в течение 1917-1920 гг. находился в тени забайкальского атамана, настал звездный час. Он видел выход из создавшегося положения во Внешней Монголии, которая с 1919 г. была оккупирована китайским экспедиционным корпусом, чей штаб находился в Урге [5, с. 170]. В то же время ситуация в Монголии в тот момент благоприятствовала ему, поскольку установившийся жестокий оккупационный режим вызвал всеобщее недовольство и настроил против китайцев все слои монгольского общества. Следует отметить, что Азиатскую дивизию ждали как спасение, в надежде, что это именно та сила, которая поможет возродить страну. Действительно на тот момент Унгерн был той единственной силой, которая могла освободить Монголию от китайской оккупации. В конце октября 1920 г. барон подошел к столице Внешней Монголии, его войска насчитывали до 800 конников азиатской дивизии и около 200 монгольских цириков. Начавшаяся осада города продолжалась до 7 ноября и закончилась неудачей – китайский гарнизон оказался сильнее. Унгерн был вынужден отступить и готовиться к более основательному штурму: в январе 1921 г. у него было уже около 3 тыс. бойцов, в том числе русских 2 тыс., монголов 1 тыс. [12, с. 80].

К тому же китайцы арестовали Богдо-гэгэна VIII и заточили его в зимнем дворце на р. Толе. В сознании монголов Богдо-гэгэн выступал олицетворением единства и национальной самобытности. Р.Ф. Унгерн разработал детальный план по освобождению монарха, для которого был создан отряд специального назначения из тибетцев, монголов и бурят. Он лично руководил освобождением монгольского иерарха и сыграл решающую роль в восстановлении монархии. Как отмечает Е.А. Белов «освобождение из плена Богдо-гэгэна стало большой победой Унгерна, который пользовался абсолютным авторитетом у монголов» [2, с. 40]. Во время церемонии возведения Богдо-гэгэна на трон главы ламаистской церкви Унгерн был на белом коне, в парадной одежде монгольского аристократа. Он произнес перед собравшимися пламенную речь на монгольском языке, в которой он напомнил о былой славе монголов – потомков Чингисхана и заявил, что эта слава воскреснет с восшествием на престол Богдо-хана. В знак благодарности Богдо-гэгэн щедро наградил Унгерна и его ближайшее окружение. Унгерну был присвоен титул цин-вана (князь первой степени) и наивысший ханский титул со званием «возродивший государство великий батор-командующий». Он сравнялся в правах с правителями четырех халхаских аймаков [12, с. 13].

Надо отметить, что, связав свою судьбу с Монголией, Унгерн тем самым заботился о ее финансах, торговле, армии. Планировалось создание национального банка, чеканка монеты. В Урге была учреждена военная школа. Предпринимались попытки возобновления добычи угля в Налайхинских копях. Но все планы укрепления государственности были подчинены главной цели – снабжению Азиатской дивизии. Но для содержания такой воинской массы Монголия была слабо приспособлена. Тем самым барон стал тяжким бременем для истощенной двухлетней смутой нищей страны. Плата за освобождение от китайцев оказалась непомерно велика [12, с. 163]. Интересно проанализировать характеристики барона его современниками и исследователями. Так, по мнению Д.П. Першина, «он обладал многими положительными качествами – безумной храбростью, бескорыстием и полной нетребовательностью в материальном отношении к другим и самому себе и чистоплотностью в своих отношениях к людям. Он искал общения с потусторонним миром, и его почти всегда сопровождали ламы, гадатели, и их пред-

сказаниям он верил и ничего не предпринимал, предварительно не погадавши у своего ламы-цзурухайчи» [10, с. 127]. Парадокс истории заключается в том, что Унгерн, преследовавший свои собственные цели, сам того не желая, в большей степени облегчил осуществление Монгольской революции 1921 г.

С.К. Роцин отмечает, что оккупация восками Унгерна Монголии создала уникальный прецедент для ввода войск в Монголию с целью борьбы с белыми. Во-первых, до экспедиции Унгерна лидеров Коминтерна сдерживало присутствие китайских войск в Монголии и вмешательство Советской России могло повлечь серьезные политические последствия. Унгерн, обладая сравнительно небольшими силами 1500 человек, нанес поражение китайским войскам, численностью до 15000 человек [12, с. 165]. По мнению Л.Б. Жабаяевой, «после того как барон захватил Ургу и изгнал оттуда китайцев, задача Коминтерна с политической точки зрения изменилась, стала значительно проще. На первый план выдвигается борьба с Унгерном и делу освобождения Монголии был придан характер ликвидации «классового врага» и вместе с тем уничтожения опасного для сибирских границ плацдарма в Монголии» [3, с. 94].

Нужно сказать, что Внешняя Монголия большевикам тоже крайне была нужна как база для экспорта революции на Северный Китай, в Маньчжурию и Синьцзян. Пожалуй, Халха была тем мостиком, по которому Коминтерн мог беспрепятственно шествовать на Дальний Восток, не исключая Тибет с Синьцзяном [10, с. 130].

Вместе с тем активные военные действия Унгерна в Монголии в феврале 1921 г. (захват Урги и изгнание оттуда китайцев, восстановление на престоле Богдо-гэгэна, разгром ургинской революционной группы и др.) обострили и конкретизировали задачу Коминтерна. 10 февраля 1921 г. Дальневосточный секретариат постановил: «Захват Унгерном Монголии создает угрозу потери Коминтерном и Советской Россией их революционной базы..., Японией создается черный буфер из Приморской области с Семеновым, Маньчжурии с генералом Чжан Цзолинем, Монголии с бароном Унгерном... боевой задачей Коминтерна и Советской России является разрушение этого буфера, по крайней мере, его монгольского звена» [6, с. 72].

В этот период Монгольское государство не могло обойтись без поддержки более сильной Советской России. Летом было сформировано монгольское революционное Временное правительство, которое обратилось за помощью к правительству Советской России с просьбой помочь в освобождении от белогвардейцев. В результате 6 июля 1921 г. войска 5-й Армии под командованием Г.М. Черемисова и К.А. Неймана совместно с монгольскими отрядами Сухэ-Батора вошли в Ургу.

Таким образом, являясь врагом большевиков и красных монголов, барон Унгерн объективно, помимо своей воли, оказал услугу своим врагам, разбив основные силы китайских оккупантов. Своим походом в Забайкалье Унгерн дал серьезный повод для ввода частей Красной Армии в Монголию. Р.Ф. Унгерн имел свою связную систему общественно-политических взглядов. Это была идея, объединяющая абсолютную монархию, империю и традиционализм. Он считал, что монархия – опора традиционализма. Он был ярким противником революций, которые разрушают устои человечества. Для претворения своего плана восстановления монархий Унгерн хотел сплотить тюрко-монгольский, тибетский, маньчжурский и ханьский народы с помощью монархически настроенной знати совершить «экспорт контрреволюции» с Востока на запад.

Что касается попытки барона Унгерна создания панмонгольского государства, в его собственном представлении, то, по мнению Л.В. Кураса, этот план не увенчался успехом. Содержание модели Среднего государства было аморфно, не имело ясных территориальных границ, формальные отношения были размыты, а сама модель больше напоминала конфедерацию племен, нежели институализированное государство [5, с. 170]. Судьба Р.Ф. Унгерна, как и многих участников гражданской войны и белого движения, сложилась трагически. В 1921 г. по приговору военного трибунала в г. Новониколаевске он был расстрелян. Хотя многие статьи обвинений, прежде всего, в сотрудничестве в интересах Японии, так и не нашли своего подтверждения. Барон Р.Ф. Унгерн, как и многие участники белого движения, был человеком, отчаянно верившим в свои идеалы, борясь с революционерами, несущими миру коллапс и разру-

шения. Вместе с тем остаются неизученными многие материалы о деятельности Р.Ф. Унгерна в Сибири и Монголии, и исследователям еще предстоит большая работа в установлении его истинных мотивов и действий. Но однозначным остается тот факт, что он сыграл ключевую роль в освобождении Монголии и восстановлении монархии Богдо-гэгэна. Позже, когда до Хурэ дошла весть о том, что его казнили, в знак особого почтения по приказу Богдо-хана в храмах и церквях устроили мани-молебны.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного фонда, проект № 15-21-03006 «Монгольский мир в условиях взаимодействия России и Восточной Азии в XX-XXI вв.».

Примечания

1. Белов Е. А. Барон Унгерн фон Штернберг : биография, идеология, военные походы. 1920 – 1921 гг. М. : Аграф, 2003. 240 с.
2. Белов Е. А. Одиссея барона Унгерна // Азия и Африка сегодня. 2001. № 9. С. 38-43.
3. Жабаяева Л. Б. Проблемы становления российско-монгольского сотрудничества в военной сфере (первая половина 1920-х гг.) // Россия-Монголия: сто лет дипломатического сотрудничества : материалы междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ : Бэлиг, 2013.
4. Кузьмин С. Л. История барона Унгерна : опыт реконструкции. М. : Т-во науч. изданий КМК, 2011. 659 с.
5. Курас Л. В. Атаман Г. М. Семенов и барон Р. Ф. Унгерн в монгольской революции 1921 г. // Вестн. Бурят. ун-та. 2011. Вып. 8. С. 167–172.
6. Лузянин С. Г. Монголия: между Китаем и Советской Россией (1920-1924) // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 2. С. 71-83.
7. Михалёв А. В. Изобретая Унгерна: память о герое и российский правый дискурс // Россия и Монголия: история, дипломатия, экономика, наука. Иркутск : Изд-во БГУ ; Улан-Батор : Арвай Бархан, 2016. С. 79-87.
8. Народы Дальнего Востока. 1921. №4.
9. Оссендовский Ф. И звери, и люди, и боги: пер. с англ. М., 1994. 252 с.
10. Першин Д. П. Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак. Самара : Агни, 1999. 280 с.
11. Рощин С. К. Политическая история Монголии (1921-1940 гг.). М. : Ин-т востоковедения РАН, 1999. 327 с.
12. Цибилов Б. Д. Разгром унгерновщины. Улан-Удэ, 1947. 160 с.
13. Юзефович Л. А. Самодержец пустыни (Феномен судьбы барона Р. Ф. Унгерн-Штернберга). М. : Эллис Лак, 1993. 227 с.

УДК 930.85

Колокольников И. А.

ТВОРЧЕСКИЕ СВЯЗИ МУЗЫКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ ИРКУТСКА И УЛАН-УДЭ В 1920-1950-Х ГГ.

CREATIVE COMMUNICATIONS OF MUSICAL COMMUNITIES OF IRKUTSK AND ULAN-UDE IN THE 1920-1950s

В статье впервые рассмотрена история формирования и развития творческих связей между музыкальными сообществами культурных центров Восточной Сибири – Иркутска и Улан-Удэ – в 1920-1950-х. На основе архивных документов, воспоминаний свидетелей и материалов периодической печати анализируется сотрудничество иркутских и улан-удэнских музыкантов, а также биографии деятелей, внесших вклад в развитие музыкальной культуры обоих городов.

This article, for the first time in historiography, considers the history of formation and development of creative communications between musical communities of the cultural centers of Eastern Siberia, Irkutsk and Ulan-Ude, in the 1920-1950s. On the basis of archival documents, eyewitness accounts and periodicals cooperation of musicians from Irkutsk and Ulan-Ude, as well as biographies of the figures, who contributed to the development of musical culture of both cities, are analyzed.

Ключевые слова: Иркутск, Улан-Удэ, Бурятия, культура, музыка

Keywords: Irkutsk, Ulan-Ude, Buryatia, culture, music

Уникальность развития сибирской культуры во многом обусловлена синтезом традиций, пришедших с русскими переселенцами, и традиций коренных народов Сибири. Достаточно ярким примером, демонстрирующим специфику данного синтеза, являются творческие связи, существовавшие между музыкальными сообществами Иркутска, старейшего центра культуры европейского типа в Восточной Сибири, и Улан-Удэ, важнейшего центра национальной культуры одного из крупнейших коренных народов Сибири.

В данной статье анализируются связи, существовавшие между представителями музыкальной культуры названных городов в 1920-1950-х гг., то есть с момента начала широкой пропаганды бурятского искусства до начала эпохи так называемой «оттепели», поскольку описание развития данных связей более позднего периода заслуживает специального исследования. Помимо описания непосредственных творческих связей между Иркутском и Улан-Удэ автор посчитал необходимым дать краткое описание деятельности музыкантов, внесших заметный вклад как в развитие иркутской музыкальной культуры, так и музыкальной культуры Бурятии.

Стоит заметить, что, несмотря на наличие фундаментальных трудов, касающихся культурного развития Восточной Сибири в советский период (например, диссертационного исследования Б. В. Базарова [3]), а также глубоких исследований, касающихся развития музыкальной культуры названных городов [6; 12; 30], творческие связи между музыкантами Иркутска и Улан-Удэ еще не становились объектом специального исследования. При работе над статьей использовались документы государственных и частных архивов, воспоминания свидетелей, публикации периодической печати.

Руководствуясь идеями национальной политики СССР, с первых послереволюционных лет советские музыкальные деятели стремились всемерно содействовать пропаганде музыкального искусства различных народов страны и поиску путей для его дальнейшего развития. В частности, это касалось и музыкального искусства бурятского народа, которое после создания в 1923 г. Бурят-Монгольской АССР стало развиваться с большой интенсивностью. Это не могло не находить отклика в иркутской музыкальной среде в связи с тесными культурными связями Иркутска и Верхнеудинска.

Иркутск, старейший культурный центр Восточной Сибири, в дореволюционное время и первые десятилетия советского периода имел необычайно насыщенную музыкальную жизнь. Поэтому неудивительно, что именно с этим городом связан эпизод проведения одного из первых крупных концертов, куда вошли песенные творения бурятского народа. Он был подготовлен прибывшей в Иркутск И. П. Яунзем, молодой, но и необычайно инициативной певицей, впоследствии Народной артисткой РСФСР (1957). Обладая прекрасными вокальными данными и владея немалым классическим репертуаром, по окончании Петроградской консерватории она решила посвятить себя собиранию песен различных народов, населяющих Советский Союз [22, с. 73-74]. В 1924 г., подхватив на гастролях в Краснодаре тропическую малярию, артистка отправилась в Иркутск, где жили ее родные. Именно на иркутской земле и произошло знакомство с бурятскими песнями «Саган сесек» («Белый цветок») и «Эй, до!», которые вызвали большой интерес певицы и были ею записаны. Впоследствии И. П. Яунзем вспоминала: «... тем временем в Иркутске узнали, что приехала артистка из Москвы, попросили меня выступить в Городском театре. Я согласилась и сказала, что буду петь русские, киргизские, латышские, украинские, белорусские и... бурятские песни. Когда бурятам стало известно, что со сцены прозвучат их родные песни, да еще на бурятском языке, из селений съехались и стар и

млад. Песни я пела по два раза, старики и старухи плакали от радости. Мне показалось тогда, что, услышав родные песни в исполнении московской певицы, буряты особенно остро ощутили красоту и неповторимость своего национального искусства...» [13].

В течение последующего десятилетия музыкальная культура Бурят-Монгольской АССР продолжала развиваться с немалой интенсивностью во многом благодаря ряду ярких энтузиастов музыкального просветительства, собравшихся в Вернеудинске. В их числе следует назвать П. М. Берлинского, крупного дирижера и композитора, появившегося на свет и начавшего свою творческую деятельность в Иркутске. Он был воспитанником Иркутской Частной музыкальной школы, учебного заведения, которое в дореволюционный период играло исключительно важную роль в культурном развитии Восточной Сибири. Несмотря на свой статус, школа давала подготовку, позволяющую выпускникам свободно поступать в консерватории, причем иногда и не на первый курс. В данном заведении Берлинский учился параллельно по двум специальностям, причем в классах лучших иркутских педагогов – пианистки Е. Г. Городецкой и скрипача М. Н. Сеницына [26, с. 75], выпускников Санкт-Петербургской консерватории.

Именно в это заведение, носившее уже имя Петроградской, а затем Ленинградской консерватории, и поступил П. М. Берлинский с целью получить высшее специальное образование. В 1925 г. музыкант окончил консерваторию по классу фортепиано, через год – по классу композиции, после чего жил в разных городах, однако основным местом его пребывания до 1929 г. оставался родной Иркутск. В этом городе в 1927 г. прошел первый масштабный авторский концерт композитора, включавший исполнение ряда его фортепианных сочинений, а также фортепианные переложения двух фрагментов симфонической сюиты Берлинского «О городах» [7]. В 1928-1929 гг. музыкант преподавал в Иркутском музыкальном техникуме [26, с. 76], выступал как пианист и участник симфонического оркестра.

О том, какую важную роль сыграл затем П. М. Берлинский в музыкальной жизни Бурятии, подробно рассказано во многих работах, посвященных музыкальной культуре республики, а также книге Г. А. Поляновского [22, с. 216-219]. Но, находясь в Верхнеудинске, он поддерживал творческие связи с Иркутском. Особенно следует отметить, что в 1931 г. он выступил перед иркутянами в качестве симфонического дирижера. Под его руководством было подготовлено исполнение 5-й симфонии П. И. Чайковского, а также ряда других произведений, включая созданный Берлинским марш из эскизов к опере «Генерал Фомбombo» [1].

Достоин упоминания и еще один любопытный факт. Немалую известность П. М. Берлинскому принесла книга «Монгольский певец и музыкант Ульдзуй Лубсан Хурчи» [4], написанная им в период жизни в Бурят-Монголии и изданная в Москве в 1933 г. Однако этот одаренный исполнитель, ставший объектом обстоятельного исследования Берлинского, был обнаружен находившимся в Монголии советским военным музыкантом В. А. Лялиным [5], который после окончания Великой Отечественной войны обосновался в Иркутске, где длительное время преподавал в Школе музыкантских воспитанников.

Как известно, в 1930-1936 гг. Бурят-Монгольская АССР входила в состав Восточно-Сибирского края с центром в Иркутске. Данный город играл ведущую роль в управлении различными сферами жизни огромного региона. Немало решений, касающихся содействия развитию Бурят-Монгольской ССР, принималось Восточно-Сибирским Крайкомом ВКП(б), находившимся в Иркутске. Особенно прогрессивным руководителем Восточно-Сибирского края был 1-й секретарь Восточно-Сибирского крайкома М. О. Разумов, прилагавший немало усилий для обеспечения экономического и культурного прогресса в этом крупном регионе. В частности, при данном руководителе был проведен масштабный Съезд ударников культуры Восточно-Сибирского края [18], в рамках которого по всей территории региона проводились разноплановые мероприятия, в том числе и музыкальные.

Весной 1936 г. был проведен 1-й Всесоюзный радиофестиваль, ставший большим событием в культурной жизни страны. Это мероприятие представляло собой серию масштабных радиоконцертов, где поочередно представлялись творческие силы различных мест страны. Радиокomitee Иркутска, в этот период носивший статус Восточно-Сибирского, получил получасовое время для участия в фестивале. Безусловно, учитывая тот факт, что Бурят-Монгольская

АССР входила в состав Восточно-Сибирского края, в концерт обязательно должны были войти выступления бурятских артистов. В местной печати сохранилось описание данной программы. В ее рамках выступили камерный хор Восточно-Сибирского радиокомитета (с песней иркутского композитора Г. Э. Ланэ «О декабристах»), иркутский балалаечник-виртуоз Г. М. Зарубо, артист Краевого драматического театра Купецкий, хор и оркестр Н-ской воинской части, а также бурятские артисты Н. В. Халбаев и М. А. Балсаева [27]. Эти двое представителей Бурят-Монголии вошли в число лауреатов радиофестиваля, а музыкальный редактор радиокомитета В. Ф. Сухиненко, который вел подготовку данного концерта, получил почетный приз (радиоприемник) [21].

В 1920-1950 гг. в связи с соседством Иркутска и Верхнеудинска, получившего в 1934 г. название Улан-Удэ, программы гастрольно-концертной жизни данных городов имели немалое сходство. Но из всех гастролеров наиболее существенное воздействие на музыкальную жизнь обоих городов оказал выдающийся отечественный композитор – Р. М. Глиэр. Он был большим энтузиастом музыкального просветительства, старался всемерно содействовать развитию музыкальной культуры различных областей Советского Союза, выступал с авторскими концертами в различных частях страны. Первый приезд композитора в Восточную Сибирь был вызван предложением написать музыку для фильма «Наместник Будды» [9, с. 140-141], на что Глиэр охотно откликнулся. В основу будущих произведений должны были лечь бурятские национальные мотивы, поэтому композитор длительное время провел на бурятской земле, проводя их запись и обработку. После завершения этой кропотливой работы Р. М. Глиэр дал серию концертов не только в Улан-Удэ, но и в других крупных городах Восточной Сибири: Иркутске, Красноярске и Чите [19, с. 223]. Примечательно, что с иркутскими музыкантами у композитора установились особенные творческие связи, которым автор данного исследования посвятил отдельную статью [17]. Тем не менее, следует отметить, что именно благодаря поездке в Бурят-Монголию Глиэр имел возможность ближе познакомиться с культурой сибирских городов, в том числе и Иркутска. Кроме того, при последующем посещении этого города в 1936 г. композитор дал целую серию концертов на различных площадках. Причем в этот приезд Р. М. Глиэра в Сибирь в Иркутске и в Новосибирске прошли симфонические концерты, составленные из его произведений. Также была дана серия камерных концертов, где композитор выступал как пианист. Выступая в данном качестве перед иркутянами, Глиэр играл на бис одно из сочинений на бурятские темы – пьесу, называвшуюся «Бурятской песенкой» [29].

В 1940 г. был создан Союз композиторов Бурят-Монгольской АССР, а в 1943 г. – Иркутское отделение Союза советских композиторов. Композиторская организация Бурят-Монголии благодаря поддержке маститых музыкальных деятелей страны смогла со временем развернуть широчайшую деятельность [12, с. 190-198]. К сожалению, иркутская композиторская организация, напротив, работала с переменным успехом, что было вызвано отсутствием хорошего руководства. Тем не менее, она внесла определенный вклад в развитие сибирской музыкальной культуры. Истории деятельности данной организации посвящена отдельная статья [15]. Важно отметить, что композиторские организации Иркутска и Улан-Удэ не могли не сотрудничать между собой. Плодом совместной работы стал подготовленный данными организациями нотный сборник «Песни Восточной Сибири и Бурят-Монголии», вышедший в 1948 г. в Иркутском областном книжном издательстве. Он объединил сочинения иркутских композиторов Г. Э. Ланэ, Ю. Д. Матвеева и Э. Г. Хинкиса, а также бурятских композиторов Д. Д. Аюшеева и Ж. А. Батуева [20].

Кроме того, известно, что Ю. Д. Матвеев, в 1946-1951 гг. возглавлявший Иркутское отделение союза советских композиторов, работал совместно с Ж. А. Батуевым над хорами на стихи бурятских поэтов [8, с. 204-205]. Также бурятское музыкальное искусство вызывало немалый интерес у крупнейшего иркутского композитора Г. Э. Ланэ, который запомнился современникам, в первую очередь, камерно-инструментальными и симфоническими сочинениями. Помимо этого, он имел немалую склонность к собиранию фольклора различных народов и созданию произведений на национальные мотивы. Композитором были написаны такие вещи как «Сюита на бурятские темы» (для струнного квартета), «20-летие Бурят-Монголии» (агит-

плакат для хора) и несколько песен бурятской тематики. К сожалению, подобно большинству творений Г. Э. Ланэ, все названные произведения остались лишь в рукописях, поскольку композитор, по словам его друга В. Ф. Сухиненко, «писал по велению сердца» и крайне мало задумывался о том, получится ли напечатать то или иное сочинение [28].

Важным пробелом в музыкальной жизни Иркутска является отсутствие стационарного оперного театра, остро чувствовавшееся в рассматриваемый период и ошущающееся в наши дни. Следует отметить, что в дореволюционный период в большинстве сезонов на сцене Иркутского Городского театра работали различные оперные труппы, причем, по выражению известного сибирского ученого Г. Н. Потанина, «ни один сибирский город не имел такой оперы, как Иркутск» [23, с. 243]. В 1920-1922 гг., 1931-1934 гг. и 1936-1938 гг. в городе существовали оперные коллективы, но их деятельность по разным причинам прекращалась. Однако работа этих коллективов и общая развитость иркутской музыкальной культуры обусловили наличие большого числа любителей оперного жанра в городе.

Поэтому важным моментом в жизни города стали многочисленные гастролы Бурятского театра оперы и балета в Иркутске. Первые гастролы состоялись в 1950 г. Маршрут данных гастролей включал посещение центров соседних регионов: Красноярска, Иркутска и Читы. Во всех городах театр имел успех. В частности, высоко оценила гастролы иркутская общественность. Успех театра среди иркутян легко объясняется уже одной фразой из рецензии, написанной солисткой Иркутского радиокомитета В. Л. Савельевой: «Мы, иркутяне, соскучились по опере» [24]. Программа этих гастролей была многообразной, поскольку жители названных городов смогли посетить ряд известнейших опер и балетов, а также новую оперу «На Байкале» Л. К. Книппера с сюжетом о жизни Бурят-Монголии, которую маститый советский композитор создал в 1948 г. Также в программу гастролей входила опера «Мэдэгмаша» («У подножья Саян») С. Н. Рязова, главной героиней которой была молодая бурятская колхозница. Однако по какой-то причине данная опера, уже прошедшая в Улан-Удэ, так и не была представлена публике в период гастролей [14].

Несмотря на отдельные замечания критиков, в целом гастролы театра получили положительный отклик иркутской печати. С этого времени театр часто приезжал в Иркутск на гастролы. Многие артисты стали настоящими любимцами иркутской публики. В особенности полюбился местным слушателям молодой, но уже необычайно ярко заявлявший о себе певец Л. Л. Линховоин, в 1959 г. удостоенный звания Народного артиста СССР.

Следует отметить, что в связи с соседством Иркутской области и Бурятии между ними всегда наблюдался обмен творческими кадрами. Немало судеб различных музыкальных деятелей связано с работой в обоих названных регионах. Достаточно вспомнить дирижера И. Л. Рыка, успешно работавшего в Бурят-Монголии с оркестром национальных инструментов и ярко проявившего себя в качестве автора инструментовок [12, с. 140, 151], а затем в течение некоторого времени жившего в Иркутске.

Также следует вспомнить еще одного дирижера с достаточно насыщенной биографией – С. М. Огарева. О нем сохранились различные свидетельства. Хотя, если говорить о негативных отзывах, то большинство из них было обусловлено дисциплинарными промахами музыканта. Однако в музыкальной жизни Иркутска он сыграл важную роль, поскольку в сезоне 1935/36, являясь главным дирижером симфонического оркестра Восточно-Сибирского радиокомитета, смог наладить проведение регулярных симфонических концертов на различных площадках. Тем не менее отношения Огарева с музыкантами иркутского оркестра не сложились, кроме того, им был сорван совместный концерт коллектива с известным пианистом Л. Н. Обориным [16]. По окончании сезона дирижер покинул пост руководителя оркестра и затем преподавал скрипичную игру в Восточно-Сибирском музыкальном училище (Иркутск) и Красноярском музыкальном училище. Позднее Огарев вернулся к дирижерской практике. Известно, что он был дирижером Казанского театра оперы и балета и симфонического оркестра Владивостокского радиокомитета. В 1950 г. вновь посетил Иркутск уже в качестве дирижера Бурят-Монгольского театра оперы и балета. Правда, по мнению В. Л. Савельевой, он проявлял себя куда менее ярко, чем другой дирижер театра – В. С. Тимофеев [24]. Улан-Удэ стало последним

местом работы Огарева, поскольку именно здесь он скончался в 1952 г. Его уход из жизни отражен в дневнике тогдашнего солиста Бурят-Монгольского оперного театра Н. Т. Сенькина-Садовского: «23 мая, чт. Вчера умер С. М. Огарев неожиданно. Утром был на спевке. Должен был прийти на спевку «Пиковой дамы», но не пришел, умер от разрыва сердца» [25].

Связаны с Иркутском и биографии нескольких вокалистов, певших в течение послевоенного десятилетия в Бурят-Монгольском театре оперы и балета. Важно назвать А. М. Колобова, который ранее был солистом небезызвестной Сибгосоперы, в 1931-1934 гг. работавшей в Иркутске. Певец был в числе ведущих солистов данного объединения. В Улан-Удэ он прибыл в 1952 г. в уже достаточно солидном для оперного певца возрасте. Тем не менее, Н. Т. Сенькин-Садовский сделал о нем следующую запись: «26 апр., пт. Восстановили «Тоску». Приехал Народный [артист] УССР Колобов А. М. На 2500 [рублей в месяц], уже старый баритон. Голос, правда, для его лет приличный» [25]. В скором времени состоялись гастроли театра в Иркутск. Таким образом, жители города вновь смогли встретиться со знакомым исполнителем.

Также следует отметить, что в первой половине 1950-х в Иркутске с различной периодичностью работали трое вокалистов, до этого певших в Бурят-Монгольском театре оперы и балета: Г. И. Бенеманская, С. П. Марков и Г. К. Кейс. Особенно следует выделить Бенеманскую, ранее работавшую в Москве, где она удостоилась высокой оценки со стороны К. С. Станиславского [10, с. 486]. В период пребывания в Иркутске певица была солисткой Иркутской филармонии, затем – Иркутского радиокомитета. Несмотря на отсутствие оперного театра, благодаря энтузиазму местных музыкальных деятелей весной 1953 г. была подготовлена сценическая постановка оперы «Евгений Онегин» П. И. Чайковского, что для города, где отсутствует оперный театр, безусловно, было большим событием. В этой постановке участвовали все названные артисты: Г. И. Бенеманская исполняла роль Лариной, С. П. Марков – Онегина, Г. К. Кейс – Ленского [11].

Анализируя творческие связи Иркутска и Улан-Удэ в сфере музыкального образования, наиболее важно назвать имя Г. П. Анисимовой (в девичестве Перминовой), старейшей пианистки Бурятии, долгие годы проработавшей в Улан-Удэнском музыкальном училище и воспитавшей немало ярких музыкантов. Г. П. Анисимова является выпускницей Иркутского музыкального училища, где училась в классе В. Ф. Сухиненко (выпускника Московской консерватории по классу С. Е. Фейнберга), известного также в качестве музыковеда. О годах, проведенных в Иркутске, пианистка вспоминает с огромной теплотой: «Владимир Федорович относился очень даже по-отечески. Я бывала у него дома. Мы собирались там по несколько человек, учеников, на какой-нибудь праздник. И мы очень много пели в хоре. Обязательно все ходили в хор. Руководил Николай Николаевич Глаголев. И он нас не выпускал из хора. Почти до самого конца. Уже только в последнюю четверть перед выпуском он разрешал покинуть хор. Я была в таком диком восторге в этом хоровом классе! Я услышала очень много интересных произведений. Педагоги относились к нам, к пианистам, хорошо: свой ли ученик, не свой ли...» [2]. В 1950 г., окончив училище, молодая пианистка попала по распределению в Улан-Удэ, где начала работать в музыкальном училище. Позднее Г. П. Анисимова окончила Алма-Атинскую консерваторию, после чего возвратилась в училище, где стала одним из самых авторитетных преподавателей. Также она работала в музыкальных школах Улан-Удэ. Стоит отметить, что, по воспоминаниям пианистки, ее иркутский педагог В. Ф. Сухиненко приезжал в Бурятию с лекциями и даже был представлен к зданию Заслуженного работника культуры Бурятии [2].

Приведенный материал наглядно демонстрирует, насколько тесными были творческие связи между музыкальными сообществами Иркутска и Улан-Удэ в 1920-1950 гг. Безусловно, они продолжали существовать и в последующие десятилетия, хотя анализ процессов данных лет должен служить темой отдельного исследования.

Примечания

1. Анонс // Восточно-Сибирская правда. 1931. 18 июля. С. 4.
2. Аудиозапись телефонной беседы И. А. Колокольникова с Заслуженным работником культуры республики Бурятия Г. П. Анисимовой. 25.03.2016 // Архив автора.

3. Базаров Б. В. Деятельность партийных организаций Восточной Сибири по дальнейшему развитию культуры в послевоенные годы. 1946-1952 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.01.02. Иркутск : [б. и.], 1987. 222 с.
4. Берлинский П. М. Монгольский певец и музыкант Ульдзуй Лубсан-Хурчи. М. : Музгиз, 1933. 128 с.
5. Голованов А. Дирижерская палочка и маузер // Советская молодежь. 1972. 11 июля. С. 1.
6. Гончигова М. Ц. История становления и развития системы профессионального музыкального образования в республике Бурятия : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Улан-Удэ : [б. и.], 2011. 187 с.
7. Государственный архив Иркутской области. Ф. 3435. Оп. 1. Д. 4. Л. 111.
8. Григорьев Л. Г., Платек Я. М. Советские композиторы и музыковеды : справочник. Т. 2. М. : Совет. композитор, 1981. 416 с.
9. Гулинская З. К. Рейнгольд Морицевич Глиэр. М. : Музыка, 1986. 224 с.
10. Демидов Н. В. Творческое наследие. Теория и психология творчества актера аффективного типа. Дополнения. Разное. Биографические материалы. Из переписки / под ред. М. Н. Ласкиной. Т. 4, кн. 5. СПб. : Балтийские сезоны, 2009. 656 с.
11. Евгений Онегин : [программка спектакля]. Иркутск : Тип. газ. «Совет. боец», 1953.
12. Жабаева Я. О. Становление и развитие профессиональной музыкальной культуры Бурятии (1923-1945 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 24.00.01. Улан-Удэ : [б. и.], 2006. 240 с.
13. Ирма Яунзем : (статья из журн. без указания выходных данных публикации; предоставлена иркутянкой А. Г. Садовской).
14. К новым успехам // Восточно-Сибирская правда. 1950. 20 авг. С. 3.
15. Колокольников И. А. История деятельности композиторов Иркутска в первой половине XX века // Музыка и время. 2016. № 3. С. 9-13.
16. Колокольников И. А. История деятельности симфонических коллективов Иркутска в 1930-1958 гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 4. С. 59-69.
17. Колокольников И. А. О роли Р. М. Глиэра в музыкальной жизни Иркутска 1930-1950-х годов // Музыкальная академия. 2015. № 4. С. 105-108.
18. Первый краевой съезд ударников культуры // Восточно-Сибирская правда. 1935. 12 июля. С. 1.
19. Персон Д. М. Концерты, поездки, встречи // Рейнгольд Морицевич Глиэр: статьи, воспоминания, материалы. Л. : Ленингр. отд. изд-ва Музыка, 1965. Т. 1. С. 187-254.
20. Песни Восточной Сибири Песни композиторов Восточной Сибири и Бурят-Монголии [Ноты]. Иркутск : Иркут. обл. кн. изд-во, 1948. 57 с.
21. Петров И. К. Радио – это «радость и диво» // Иркутск. 2003. 8 мая. С. 13.
22. Поляновский Г. А. 70 лет в мире музыки. М. : Совет. композитор, 1977. 367 с.
23. Потанин Г. Н. Города Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды. СПб. : Изд-во А. Ф. Девреина, 1908. С. 234-259.
24. Савельева В. Большое культурное событие // Восточно-Сибирская правда. 1950. 20 авг. С. 3.
25. Сенькин-Садовский Н. Т. Дневник // Wikilivres [Электронный ресурс] : сайт. URL: [vikilivres.ru/Дневник_\(Сенькин-Садовский\)](http://vikilivres.ru/Дневник_(Сенькин-Садовский)) (дата обращения: 27.03.2016).
26. Советские композиторы : краткий биограф. справочник / сост.: Г. Б. Бернандт, А. Н. Должанский. М. : Совет. композитор, 1957. 695 с.
27. Сухиненко В. (псевдоним «В. С.»). Слушайте сегодня Иркутск // Восточно-Сибирская правда. 1936. 2 апр. С. 3.
28. Сухиненко В. Жизнь в музыке // Вост.-Сиб. правда. 1977. 18 марта. С. 4.
29. Сухиненко В. Концерты Р. М. Глиэра // Вост.-Сиб. правда. 1936. 12 апр. С. 4.
30. Харкеевич И. Ю. Музыкальная культура Иркутска. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1987. 280 с.

**ФИНАНСИРОВАНИЕ СЕТИ КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В БУРЯТИИ
(1985-2005 ГГ.)**

**FUNDING OF A NETWORK OF CULTURAL AND LEISURE FACILITIES
IN BURYATIA, 1985-2005**

В статье авторы развивают тему финансирования культурно-досуговых учреждений Бурятии в 1985-2005 годах. Финансирование учреждений культуры за 20 лет трансформировалось от командно-административной системы к рыночным отношениям, развитию платных услуг и предпринимательству. В практической деятельности культурно-досуговых учреждений в данный период сформировалось несколько способов финансирования.

In this article the authors develop the theme of funding of cultural and leisure facilities of Buryatia between 1985 and 2005. In 20 years funding of cultural institutions transformed from the command-administrative system to market relations, development of paid services and entrepreneurship. In this period several ways of funding formed in the practical activities of cultural and leisure facilities.

Ключевые слова: финансирование культурно-досуговых учреждений, перестройка (1985-1991 гг.), хозрасчет, постсоветский период, культурная экономическая политика, республиканские целевые программы.

Keywords: funding of cultural and leisure facilities, perestroika (1985-1991), cost accounting, post-Soviet period, cultural economic policy, republic's target programs.

Успешное развитие системы культурно-досуговых учреждений в регионах России зависит не только от профессионализма кадрового состава, уровня материально-технического обеспечения, но и в первую очередь от их финансирования.

Сеть учреждений культуры в Бурятской АССР в советский период полностью контролировалась и финансировалась самим государством. К 1970-м гг. в Советском Союзе начался застой в экономике, который привел советскую культуру к еще большей бюрократии, однообразию, жесткому тотальному контролю, в которой стали нарастать кризисные явления. Как следствие возникли конфликты на фоне национальной неприязни, появились неформальные объединения, альтернативные музыкальные направления и т.д. [1].

Однако, с объявлением о начале периода «перестройки и гласности» в 1985 г. ситуация в сфере культуры и в других отраслях начала меняться. В стране произошел переход от жесткого тотального контроля в сфере культуры к демократическим переменам. Советское государство официально разрешило предприятиям и организациям открывать кооперативы и вести коммерческую деятельность.

Одной из форм поддержки культурно-досуговых учреждений в это время, кроме государственного финансирования, являлся хозрасчет. «Хозяйственный расчет – метод планового ведения хозяйства, который заключается в соизмерении затрат на производство продукции с результатами хозяйственной деятельности на основе самокупаемости, самофинансирования, самоуправления» [2, с. 98]. В республике наиболее успешно эту деятельность развивала молодежь, которая осуществляла ее под знаменем научно-технического и культурного творчества. Молодежные хозрасчетные объединения регистрировались при местных комитетах ВЛКСМ.

К 1990 году в Бурятии насчитывалось 33 хозрасчетных предприятия при комсомоле, которые заключили договоры на сумму более 1,6 млн. руб.

Крупнейшими хозрасчетными организациями этого периода были: республиканское экспериментальное объединение «Фонд молодежных инициатив» и специализированный отдел экономического развития «Центр реализации идей» при областном комитете ВЛКСМ, хоз-

расчетное объединение при комитете ВЛКСМ БГПИ им. Д. Банзарова, хозрасчетное объединение «Авиасервис» при комитете ВЛКСМ Улан-Удэнского авиапредприятия. К ним же относились с 1987 года неформальные хозрасчетные организации, такие как рок-клубы «Амальгама», «Город», «Сталкер», литературное объединение «Олимп», объединение художников «Экорше», швейная мастерская «Дизайн-театр», которые объединились в молодежный центр, состоящий при Улан-Удэнском ГК ВЛКСМ [3, 4].

С распадом в 1991 году Советского Союза изменилась социально-экономическая обстановка, которая привела к обнищанию большей части населения страны. Она характеризовалась полной свободой в культурной деятельности (в том числе и в творческой и экономико-организационной ее части). Со стороны государства в 1990-е годы учреждения культуры продолжали недофинансироваться и нуждались в материально-техническом обновлении [5].

Постепенно в течение 1990-х командно-административные методы управления культурно-досуговыми учреждениями сменились экономическими.

Специфика финансирования культурно-досуговых учреждений в целом в государстве в этот период включала в себя следующие вопросы: 1) создание правовых условий для возникновения и функционирования организаций культуры различных форм собственности и организационно-правовых форм; 2) бюджетное финансирование; 3) установление для организаций культуры налоговых и экономических льгот; 4) создание и поддержка негосударственных и муниципальных организаций культуры; 5) стимулирование благотворительной деятельности в культуре; 6) условия приватизации государственной и муниципальной собственности [6, с. 370].

Новые процессы в финансировании культуры новая Россия начала с Закона об «Основах законодательства Российской Федерации о культуре» 1992 года, в котором говорилось о том, что Федеральный бюджет должен выделять на культуру 2% от всех расходов, а региональные власти – 6%.

Бурятия приняла аналогичный Закон «О культуре» в 1996 году, где также прописывалась финансовая сторона культурной отрасли. Однако поддержка учреждений культуры фактически составила 1% от федерального и республиканского бюджетов. Она в итоге не дала ощутимых эффектов и прежде всего из-за обострения социально-экономической обстановки в стране. Так, в 1993 году федеральный бюджет выделил на финансирование всей культуры страны 0,35% от всей суммы государственного бюджета, в 1994 году – 0,82%, в 1995 году – 0,95% [7, с. 62; 8; 9, с. 115].

Еще одним способом финансирования культурно-досуговых учреждений явился вариант введения различных форм их собственности. В стране выстраивалась система коммерческих и некоммерческих организаций культуры. Первые в основном финансировались за счет платных услуг, которыми не могло воспользоваться население со средним или низким достатком. Эти организации скоро приобрели форму развлекательных: рестораны, клубные и игровые заведения и т.д. [6, с. 372, 373].

В эти годы сформировался относительно новый источник финансирования культуры – благотворительные фонды. Так в Бурятии при помощи мегапроекта «Пушкинская библиотека», программы «Сельская библиотека» института «Открытое Общество» (Фонд Сороса) за период с 1991 по 2002 годы было получено 97 тыс. книг, а финансовая поддержка для библиотек республики составила свыше 198 тыс. долларов [9, с. 130].

В целях поддержки сферы культуры постсоветское государство разработало федеральные целевые программы для сохранения и развития культуры и искусств, принятые в 1993 и 1997 годах. В дальнейшем они получили статус президентских, которые действуют и по сей день. В Бурятии также как и в других субъектах России положительно зарекомендовали себя данные региональные программы, прописанные в Законе РБ «О культуре» 1996 года [8; 10, с. 453].

В указанный период правительство Бурятии разработало и приняло следующие программы, направленные на развитие и сохранение культуры и искусств: «Целевая комплексная республиканская программа развития культуры на 1991-1995 годы», целевая программа «Раз-

витие и сохранение культуры и искусства Республики Бурятия», целевая программа «Развитие и сохранение культуры и искусства Республики Бурятия (1999-2001)», «Развитие и сохранение культуры и искусства Республики Бурятия (2001-2003 гг.)», «Сохранение и развитие культуры и искусства Республики Бурятия (2004-2007)» [9, с. 129].

На Президентскую программу «Сохранение и развитие культуры и искусства Республики Бурятия (2004-2007 гг.)» республика должна была выделить по плану 351,29 млн. руб. (сумма указана по данным 2003 года), но фактически осуществлено – 100,9306 млн. руб. В 2004 году финансирование по плану предполагалось 83,95 млн. руб., фактически – 5,454 млн. руб. В 2005 году по плану на программу рассчитывали потратить 80,83 млн. руб., по факту – 8,274 млн. руб. [11].

Таким образом, изменения, произошедшие в бюджете республиканской Президентской программы «Сохранение и развитие культуры и искусства Республики Бурятия (2004-2007 гг.)» привели к недостаточному финансированию культурно-досуговых учреждений. Фактически сложилась порочная практика, по которой многие из этих учреждений не получали от Правительства республики необходимой материальной поддержки, которая требовалась для развития материально-технического оборудования, пополнения библиотечных и музейных фондов.

Относительно стабильными главными источниками финансирования консолидированного бюджета отрасли «Культура Республики Бурятия» являлись: федеральный и республиканский бюджеты (целевые программы), местный бюджет, платные услуги республиканских учреждений (в меньшей степени), республиканские целевые программы.

В 1998 году страна переживала сильнейший экономический кризис. Постепенно, по мере его ослабления, экономика России встала на путь роста, что неуклонно вело к улучшению материального благосостояния населения. Государство с каждым годом увеличивало финансирование на сферу культуры.

В период с 1999 по 2002 годы консолидированный бюджет отрасли «Культура» Республики Бурятия был увеличен с 110368,4 тыс. руб. до 388216,9 тыс. руб. (в ценах этих лет), а темпы роста (в % к предыдущему году) составили от 100% в 1999 году до 160% в 2002 году. Основную долю всего бюджета выделила республика и местное самоуправление. За 1998-2002 годы республиканский бюджет отрасли «Культура» увеличился с 14403,0 тыс. руб. в 1998 году до 77554,7 тыс. руб. в 2002 году [12, с. 38].

Театрально-зрелищные организации, кроме того, что формировали свой бюджет через республиканский и федеральный фонды, обеспечивали свою работоспособность непосредственно при помощи своей коммерческой профессиональной деятельности.

С 2000 по 2002 годы эти организации провели массово-развлекательных мероприятий на сумму 21635525 тыс. руб. При этом в данные доходы вошли мероприятия, организованные для детей, которые составили 4773910 тыс. руб. (таблица 1).

Год	Сумма общих поступлений от мероприятий (тыс. руб.)	Сумма поступлений от детских мероприятий (тыс. руб.)
2000	6404246	1331151
2001	7047513	1559284
2002	8183766	1883475
ВСЕГО	21635525	4773910

Таблица 1. Поступления от всех мероприятий театрально-зрелищных организаций Бурятии за 2000-2002 годы [10, с. 56].

Таким образом, несмотря на то, что сумма от детских мероприятий с 2000 по 2002 годы увеличилась, однако она составила всего лишь 22% от всей суммы поступлений театрально-зрелищных мероприятий. Этот показатель указывает на то, что детских мероприятий проводилось значительно меньше по сравнению с другими общественно-массовыми мероприятиями (театральными, музейными, музыкальными, праздничными). Второй причиной стала демогра-

фическая ситуация в стране, которая оставалась в плачевном состоянии после 10-летнего кризиса в России.

Финансирование библиотек Бурятии за период с 2000 по 2002 годы должно было составить 125339 тыс. руб. Большая часть данных средств выделилась из республиканского бюджета - 116184 тыс. руб., доходы от основной деятельности составили 8155 тыс. руб. (таблица 2).

Год	Сумма общих поступлений (тыс. руб.)	Сумма бюджетных поступлений (тыс. руб.)	Доходы от основной деятельности (тыс. руб.)
2000	23471	21001	1470
2001	37462	34587	2875
2002	64406	60596	3810
ВСЕГО	125339	116184	8155

Таблица 2. Финансирование библиотек Бурятии за 2000-2002 годы [10, с. 66].

Таким образом, собственные поступления библиотек увеличились незначительно, тогда, как сумма бюджетных средств повысилась в 3 раза. Это свидетельствует о том, что они только начали развивать свою коммерческую деятельность. Очень низкие коммерческие поступления не позволяли закупать необходимую технику и пополнять библиотечные фонды.

В 2002 году финансовое состояние музеев республики характеризовалось следующим образом: общая сумма поступлений – 14619,9 тыс. руб., из них бюджетное финансирование составляло 10864,6 тыс. руб.; доходы от уставной деятельности – 1591,2 тыс. руб.; прочие доходы и поступления – 2164,1 тыс. руб. (таблица 3).

Музеи	Сумма общих поступлений (тыс. руб.)	Сумма бюджетных поступлений (тыс. руб.)	Доходы от основной деятельности (тыс. руб.)	Прочие доходы и поступления (тыс. руб.)
Музей истории Бурятии им. М. Хангалова	4377,9	2772,6	152,6	1452,7
Художественный музей им. Ц. Сампилова	2520	2193	228	99
Этнографический музей народов Забайкалья	4240,0	2762,0	865,6	612,4
Музей природы Бурятии	1790	1542	248	---
Кяхтинский краеведческий музей им. В.А. Обручева	1692	1595	97	---
ВСЕГО	14619,9	10864,6	1591,2	2164,1

Таблица 3. Финансирование музеев Бурятии в 2002 году [10, с. 78].

Полученные данные свидетельствуют, что в 2002 году общая сумма поступлений музеев, не учитывая бюджетных ассигнований, в значительной мере пополнялась средствами от прочих доходов и поступлений. Материально-техническое обеспечение и пополнение музейных фондов формировалось не только из республиканского бюджета, но и при помощи благотворительности, спонсоров и различного рода платных услуг.

Клубные формирования Бурятии также не остались без финансовой поддержки. Общая сумма поступлений по статистическим данным за 2002 год составила 125082,6 тыс. руб. Бюджетное финансирование составило 117576,7 тыс. руб. (ассигнования от учредителей и бюджетов различных уровней на содержание по смете и улучшения материальной базы). Доходы от основных видов деятельности составили 5275,7 тыс. руб., прочие доходы – 2230,2 тыс. руб. (от предпринимательской деятельности, благотворителей и спонсоров) (таблица 4).

Наименование	Всего (тыс. руб.)	Ассигнования от учредителей (тыс. руб.)	Ассигнования из бюджетов различных уровней (тыс. руб.)
Бюджетное финансирование	117576,7	116810,1	776,6
Доходы от основной деятельности	5275,7	---	---
Прочие доходы	2230,2	---	---
Поступило всего за год	125082,6		

Таблица 4. Финансирование клубных формирований Бурятии за 2002 год [10, с. 87].

Таким образом, финансирование учреждений культуры за 20 лет (1985-2005 гг.) претерпело кардинальные качественные изменения. Перестройка 1985-1991 годов принесла мультикультурный плюрализм, государство ослабило идеологический контроль над сферой культуры. Культурно-досуговым учреждениям не запрещалось вести регламентированную предпринимательскую деятельность. В Бурятии, как и по всей стране, появились хозрасчетные организации при комсомоле, предоставляющие платные услуги, неформальные организации (рок-клубы, литературные клубы, элементы так называемой «уличной культуры»), первые зачатки развлекательных учреждений (рестораны, ночные клубы, игорные заведения).

Постсоветский период ознаменовался полным переходом к рыночным отношениям и новой экономической политикой в культуре. Финансирование учреждений осуществлялось тремя способами:

1. бюджетное финансирование, а также федеральные и республиканские программы и гранты;
2. платные услуги и уставная деятельность культурно-досуговых учреждений;
3. помощь различных организаций и спонсоров.

Однако, хотя доля платных услуг, а также благотворительная помощь с 1991 г. по 2005 г. возросла в финансовых поступлениях учреждений культуры, основная роль в экономическом обеспечении данных организаций отводилась бюджетному финансированию государства, республики и местному самоуправлению.

Примечания

1. Герасимов Г. И. История современной России: поиск и обретение свободы. 1985-2008 годы. М. : Ин-т обществ. проектирования, 2008. С. 24-26.
2. Яковер Л. Б. Краткий справочник по отечественной истории. М. : Сфера, 1996. С. 98.
3. История комсомола Бурятии : документы, факты, имена. 1920-1991 гг. Кн. 2. 1946-1991 гг. Улан-Удэ : ГКРБ МГФКиС, 2004. С. 591, 604, 622, 623, 626.
4. Бадмаев А. З. Комсомольские организации Бурятии накануне внеочередного XXI съезда ВЛКСМ // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2011. № 7. С. 95-96.
5. Гончикова Н. Культура и искусство: работать на перспективу // Бурятия. 2005. 28 апр. С. 2.
6. Бовтун В. С. Развитие учреждений культуры в Сибирском регионе. 1970-1990-е гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 1996. 457 с.
7. Культурная политика России : история и современность / отв. ред.: К. Э. Разлогов, И. А. Бутенко. М. : ГИВЦ Минкультуры РФ, 1996. 217 с.

8. О культуре [Электронный ресурс] : закон Респ. Бурятия от 1 февр. 1996 г. N 246-I. URL: http://minkultrb.ru/ministry/documentation/federal_legislation.php (дата обращения: 25.06.2015).

9. Затеева Н. А., Татарова С. П. Социально-культурная деятельность в Восточной Сибири: история становления, современное состояние и перспективы развития. Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2010. 169 с.

10. История русской культуры IX-XX веков : учеб. пособие / Л. В. Кошман [и др.]. М. : КДУ, 2006. С. 453.

11. О Республиканской целевой программе «Сохранение и развитие культуры и искусства Республики Бурятия (2004-2007 годы)» [Электронный ресурс] : постановление Правительства Респ. Бурятия от 4 июля 2003 года N 227. URL: <http://docs.cntd.ru/document/473804599> (дата обращения: 25.05.2016).

12. Культура и искусство в Республике Бурятия : информ. сб. / М-во культуры Респ. Бурятия ; под ред. В. Б. Прокопьева. Улан-Удэ : Тип. ИП Гармаев С. В., 2003. 141 с.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 398.5(Д6)(571.54)

Хундаева Е.О., Дамбаева А.Н., Гымпилова С.Д.

КУЛЬТОВО-КОСМОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ЭПОСЕ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ

CULTIC AND COSMOLOGICAL IDEAS IN THE EPIC OF THE ENDOGENOUS PEOPLES OF SIBERIA

В эпосах коренных народов Сибири хранятся культовые представления о небе, солнце, звездах, горах, реках, различных атмосферных явлениях. Во вселенной все возникает, как повествуется в эпосах, из природных стихий: воды, огня, воздуха, земли. Жизненное начало связывается с представлением о первоэлементах как основе всего сущего, утверждается необходимость бережного отношения к природе как источнику жизни на земле.

One can find the ideas of the origin of the earth in the epic of the Siberian endogenous peoples wherein mention is made of the sky, the sun and the moon, stars, clouds, various atmospheric phenomena, etc. Consideration is given to the prime elements including water, fire, air, as well as natural elements and objects like mountains, caves, trees, wind, river, rain, etc. Everything in the Universe emerges from the natural forces and substances like water, fire, air, earth, ether. The vital energy is connected with the prime elements as the basis of all that exists. Description is given of the highest divinities, celestial virgins as well as the creatures of the lower world. Much attention is given to the heroes who defend their land and people.

Ключевые слова: первоэлементы, небесные объекты, верховные божества, культово-природные объекты, принцип взаимодействия природных сил.

Keywords: origin of the Earth, prime elements, celestial objects, the highest divinities, cult and natural objects, the principle of interaction of natural forces.

Предпринята попытка кратко рассмотреть некоторые вопросы, связанные с эпическими образами и символами в эпосе коренных народов Сибири. К обзору привлечены бурятский, тюркские, эвенкийский, уральские и палеоазиатский эпосы. Ранее неоднократно высказывалась гипотеза о возможных параллелях в содержании эпосов разных коренных племен и народов, населяющих территорию Сибири. Эта гипотеза подтверждается в исследованиях ученых и в наши дни [17, с. 150]. Эпос у разных сибирских народов представлен неодинаково. У некоторых народов он получил широкое развитие, у других он менее развит, у третьих находится лишь в начале своего развития или отсутствует. К исследованию привлечены те народы, у которых в той или иной степени развития представлен эпос. Алтайская языковая семья включает монгольские языки, одними из носителей которых являются буряты, а также тюркские языки, носителями которых в числе других являются якуты, тувинцы, алтайцы, хакасы, шорцы. К тунгусо-маньчжурской языковой группе относятся эвенки. К уральской группе относятся ханты и манси, а также селькупы. В группе, так называемой, палеоазиатской семьи эпос представлен у нивхов. Оседлые рыболовы в бассейнах р. Обь, Амур – это нивхи, часть хантов, селькупов, манси.

Наблюдались непосредственные контакты между бурятами, якутами, алтайцами. Фольклорные связи в большей или меньшей степени также отмечены между хакасами, тувинцами, шорцами, эвенками, хантами, манси, селькупамы, нивхами и другими сибирскими народами. Их исторические судьбы, несмотря на разбросанность по огромной территории и удаленность друг от друга, тесно переплетались в течение веков. Поэтому в их фольклоре, в частности, в героическом эпосе, есть много общего. А.П. Окладников, А.И. Уланов, В.М. Жирмунский, С.С. Суразаков, В.В. Пухов и др. занимались сравнением эпоса тюрко-монгольских народов. А.П. Окладников показал их общность с эпическими памятниками древнейших народов Сибири. Исследователи подчеркивают этническую и историческую общность якутов, ал-

тайцев, хакасов, шорцев, тувинцев и бурят. Якуты поддерживали связь в глубокой древности с тюрко-монгольскими народами, когда находились в Прибайкалье и Приангарье. Хакасы, тувинцы, алтайцы, шорцы, якуты контактировали еще в первом тысячелетии н.э. Рассмотрен эпос бурятского народа и некоторых других народов алтайской языковой семьи; тунгусо-маньчжурской языковой ветви; уральской и палеоазиатской языковых групп.

Предпринята попытка рассмотреть образно-символические представления, отраженные в эпических произведениях коренных народов Сибири. В настоящей статье рассмотрены вопросы культово-космологических представлений в эпосе коренных народов Сибири.

Существуют две концепции, касающиеся устройства мироздания – горизонтальная и вертикальная. Горизонтальная концепция связана с движением вниз по течению реки в нереальный мир. Вертикальная концепция связана с движением на небо или под землю. Мир делится на три сферы – небесную, земную и подземную. Иногда горизонтальная и вертикальная модели как бы сливаются. Можно предположить наличие «некоей кривизны» мироздания, когда «движение в любом направлении приводит из мира реального в мир вероятностный» [13, с. 12, 15].

Дерево, река и возвышенности являются каналами связи между мирами, например, в понимании селькупов. В концепции миропонимания селькупов пространственной брешью между миром реальным и миром иным считались труба очага (дымовое отверстие чума) или сторона кострища, противоположная местонахождению героя, яма в земле или на кладбище, исток или устье реки. У бурят верхнее оконце юрты также считалось сакральным. Кроме этого, оно имело практическое значение, поскольку отмеряло время по солнечным лучам, проникавшим в жилище и хорошо обозначавшимся на вертикальных жердях. Жерди были «пронумерованы», и пространство между каждыми двумя жердями равнялось условно двум часам. Каждые два часа были предназначены для конкретных хозяйственно-рутинных дел. Каждые из этих двух часов имели свое наименование по названию животных, например, от 3 до 5 часов утра – время желтой лисы. Скотоводы по лучам знали, когда надо вставать, когда надо доить скот, когда выгонять его на пастбище, когда загонять обратно. У них вырабатывались свои «внутренние часы», когда и в пасмурные дни они хорошо ориентировались в «расписании» дел.

В мифах тувинцев и алтайцев девять небес связаны с женским божеством Хантыма и ее девятью дочерьми. На небесах также живут девять богов. Селькупы считают своим верховным божеством Нома (Нум).

Интерес представляет статья Б. С. Дугарова «Истоки бурят-монгольской Гэсэриады: концепт сына небес и эпос». Кратко остановимся на некоторых положениях, приведенных в этой статье. Хухэдэй мэргэн тэнгри, олицетворяющий мощную космическую стихию в понимании тюрко-монгольских народов, является богом-громовержцем, что прослеживается у протомонголов в легенде о рождении Таньшихая – основателя сяньбийского государства (2 в. н.э.). Его мать, услышав громовой удар, взглянула на небо, и в этот момент ей в рот упала градинка, отчего она забеременела. Номады «любят громовые удары». На месте, отмеченной молнией, кочевники зарывают барана и зажигают светоч с ножом. Мужчины много раз объезжают это место верхом под песнопение шаманки. Проводится обряд окропления кумысом сооружения из ивовых ветвей [5, т. 1, с.154, 215-216]. Подобный обряд под названием «тэнгэр дэгдэхэ» проводили шаманы эхиритского племени бурят. Он был посвящен Хухэдэй Мэргэну, его проводили шаманы, умеющие управлять грозой. Варианты имени громовержца в разных фольклорно-мифологических традициях включают тюркские (Кокэтэй, Когудей, Когольдей, Когодей), халха-монгольское (Хоходэй) и бурятское Хухэдэй [6, с. 25-32].

Приведём описание онгона Ухан-хагу из улуса Бахтай Аларского аймака (Иркутская область, Россия): «На куске синей материи размером 31,0 x 25,5 см по углам в верхней части расположены солнце и луна, внутри которой нарисованы человек и дерево. Между светилами проведены три параллельные линии (небо), между которыми располагаются звезды в виде больших точек. В средней части стоят в один ряд девять человеческих фигур, на голове каждой из них четыре вертикальных луча. Лицо и уши хорошо прорисованы, тело, туловище и ру-

ки с пятью пальцами обозначены одной линией. По углам нижней части стоят по ветвистому хвойному дереву с обозначенным комлем, между ними соответственно слева направо нарисованы рыба, лягушка, ящерица, змея. Под рыбой и лягушкой расположена лодка с веслами» [7, с. 221-222]. Здесь, как мы видим, присутствуют солнце, луна, дерево, звезды, рыба, лягушка, ящерица, змея. Они составляют все то, чему приличествует быть согласно ранним поверьям на трех уровнях мироздания, и в центре – человек со своими пятью пальцами. Число 5 – это символ человека: голова, две руки, две ноги.

В бурятском эпосе архетип небесного отцовского начала иногда связан с солярной тематикой: золотой поток в дымовом отверстии в верхней части юрты порой ассоциируется с зачатием сына. Буряты почитают «небесные камни» - буудалы, они считают, что если их хорошо умиловить, то обязательно пойдет дождь. Представления о них связаны с Хухэдэй мэргэн тэнгрием, который управляет осадками, небесными стрелами (камнями). Можно отметить космогонический зачин в бурятском эпосе, создание героя небесными богами, посылающими его на землю для уничтожения зла, трех небесных сестриц Гэсэра, тему «космического брака» или мотив рождения из растрескавшегося камня, явно небесного происхождения. Архетип небесного отцовского начала связан с солярной тематикой: золотой поток в дымовом отверстии юрты ассоциируется с зачатием сына [16, с. 34].

Культовое дерево украшалось светилами, в бурятском обряде посвящения в шаманы «луна» и «солнце» крепились к вершинам деревьев, вкопанных на месте ритуала. Изображения Луны, солнца и священного дерева часто встречаются на шаманских бубнах Западной Сибири и Алтая. Символ женской красоты у бурят – Урмай Гоохон, у неё эпитет «красное солнце». При описании бабушки Атай Улан тэнгрия – Хара Манзан ибии – упоминается подол в восемь клиньев, что ассоциируется с женской ипостасью – солнцем с восемью ножками. Восемь, иногда шесть ножек символизировали детей солнца. С луной дела обстояли примерно таким же образом. Это – распространенные фольклорные образы бурятского народа [16, с. 23].

В тувинском эпосе небесные покровительницы богатыря обычно спускаются на землю, узнав о смерти своего подопечного, и оживляют его. Главному герою богатырского сказания тувинского эпоса становятся близкими мифические представители иных миров: сын лунного хана Алдын-Моге (Золотой силач), сын солнечного хана Хулер-Моге (Серебряный силач), сын небесного хана Демир-Моге (Железный силач), сын хана земли Черзи-Моге (Деревянный силач) [10, с. 15].

Культовое дерево как символ космического звучания украшалось светилами. Символично, что в бурятском обряде посвящения в шаманы также представлены «луна» и «солнце», которые крепились к вершинам деревьев, вкопанных в землю. На святилище селькупского шамана Гаврилы Калина на сосне висела оловянная тарелка-месяц с изображением Кандальдука, а под деревом лежали еще две тарелки – медная (солнце верхнего мира) и оловянная (солнце нижнего мира). Также стоит упомянуть о том, что светила и священное дерево – устойчивое сочетание среди разнообразных рисунков на шаманских бубнах Западной Сибири и Алтая. Известен любопытный факт, что иногда символ – искусственное солнце «восполняет» отсутствие светила реального. В хантыйской деревне зимой на священную лиственницу вешали деревянное изображение солнца с лучами.

В эпосе встречаются образы небесных шаманок – дев-воскресительниц, дочерей неба, солнца, месяца и разных стихий, которым поклонялись древние племена Алтая. Те же представления разделяли и хакасы, считавшие солнце и луну двумя чистыми девами, которые для того, чтобы воскрешать людей, спускались к ним в образе золотых кукушек [8, с. 192]. Хакасы поэтически, с оттенком гордости называют себя народом «с солнечной грудью».

У селькупов есть мифы о небесных светилах. Жена Нома по имени Ылынта коты ушла жить глубоко под землю. Она породила слои верхнего яруса земли – обитаемую землю Среднего мира. У Ылынта коты две дочери с огненными лицами. Одна из них – небесное Солнце. Она каждое утро запрягает в нарту небесного оленя и объезжает мир. У второй дочери, которая живет вместе с матерью в подземном мире, лицо как зеленый огонь, это – солнце покойников. Когда это солнце выходит наверх, то на земле вспыхивает всей своей красотой и мощью

северное сияние. Спасаясь от дьявола, человек прыгнул на небо, дошел до чума дочери Солнца и женился на ней. Затем спустился на землю, дьявол опять погнался за ним, схватил, а дочь Солнца схватила мужа за другую половину; дьявол съел половину с сердцем, а свою половину дочь Солнца, положив в зыбку, стала качать. День прошел, муж стал половиной человека, жена велела ему быть ночным солнцем, сама стала дневным [12, с. 6, 14, 15].

В сибирских эпосах часты упоминания солнца и луны, даже в одежде богатырей присутствуют изображения этих светил. Например, у Когюдей-Мергена (Когутэй) есть «солнечная» доха, пуговицы сияют как «семьдесят два солнца», на шапке «луноподобная звезда». Куртка Когюдей-Мергена (Когутэй) – «луноподобная».

В якутском олонхо общий вид богатыря сравнивается с солнечным блеском или сиянием: «Как заходящего солнца блеск, вид его, / Как восходящего солнца сияние, облик его», «Если плечи приподымал, солнце и луну закрывал» [18, с. 448]. В алтайском эпосе «Маадай-Кара» о главном герое говорится:

*Светлолунное его лицо,
Как золото, сверкало,
Ярхосолнечное его лицо,
Как серебро, сияло.
Широкая, как поле, грудь
Сверкала, - таким он стоял.
Чистый, как луг, его лоб
Блестел, - таким он был.
Нос его - как прямой хребет [горы]
Ресницы - как северный лес,
Брови - как черный бархат.
Борода - как черное урочище,
Щеки-как радуга,
Лицо-как полная луна.
Глаза, подобно синим звездам,
Сияли-таков его взгляд.
Язык, как огненное пламя, -
Красноречивым он был.
(II, строки 3870-3887).*

Приведем описание алтайского богатыря Алтай Буучая, в котором он сравнивается с солнцем и луной:

*Самый храбрый, самый лучший
Богатырь Алтай-Бучай.
Он лицом луноподобным
Светит серебра светлей,
Он лицом солнцеподобным
Светит золота светлей.
[3, с. 77]*

Сын Алтай Буучая ищет способы оживить своего отца:

*Помощи от книги Лунной
Просит сын батыра юный:
Он читал ее шесть дней –
И прочел он вот что в ней:
“Над горными кручами,
За синими тучами,
За благоуханной
Третьей небесной
Высью чудесной,
Во дворце златояром*

*Живет дочь Тенгри-хана,
Наделенная даром
Мертвецов оживленья”.*

[3, с. 97]

Дочь Тенгри-хана оживляет мертвого с помощью природных сил и объектов: солнца, луны, молока кобылиц, черного камня.

*И схватила солнце сразу,
Из него густой настой
В золотой сосуд сцедила –
И глаза Алтай-Бучая
Были им исцелены!
А затем луну схватила –
И прозрачное лекарство
Отцедила от луны, -
И два пальца отрастила
На руках богатыря,
Снова чудо сотворя!
И семь рыжих нежеребых
Кобылиц потом доила,
Молоком парным целебным
Труп батыра окропила.
И на место, под которым
Богатырские – при жизни –
Легкие дышали жарко.*

[3, с. 100-101]

Архетип небесного отцовского начала в бурятском эпосе иногда связан с солярной тематикой: золотой поток в дымовом отверстии в верхней части юрты порой ассоциируется с зачатием сына. Буряты почитают «небесные камни» - буудалы, они считают, что если их хорошо умилостивить, то обязательно пойдет дождь. Представления о них связаны с Хухэдэй мэргэн тэнгрием, который ведает осадками.

Небо, солнце, луна и месяц упоминаются при описании героя в алтайском эпосе:

*На Алтае-господине,
На котором круглый год
Чист и ясен небосвод. <...>
Выплывет на небосклон
Месяца трехдневный серп –
На охоту едет он,
А войдет луна в ущерб,
Хоть бы летом, хоть зимой, -
Возвращается домой. <...>
Ехал он туда лицом –
Месяца затмил он лик,
Ехал он лицом сюда –
Заслонил он солнца лик!*

[3, с. 64-66]

Природные символы и образы широко представлены в фольклоре сибирских народов, как, например, образ солнца. Экологические ощущения и осведомленность человека о роли природных явлений и объектов в жизни человека выражены в символических представлениях. Эпос исконных народов Сибири говорит о том, как важно изучать природу как неотъемлемую часть существования человека. Природа занимает важное место в эпосе, она пронизывает мировоззренческие, сакрально-профанные, символические и эстетические представления сибирских народов.

Итак, вселенная или универсум, то есть то, что доступно человеческому наблюдению, непрерывно изменяется, но эти изменения происходят, как показывает эпос, за счет внутреннего взаимодействия. Можно сказать, что весь процесс эволюции системы «Вселенная» является процессом ее самоорганизации, проявления универсального свойства материального мира – кооперативного взаимодействия, принципа синергетики. В эпосе утверждается природное совершенство мироздания, где всё возникает из природных стихий: воды, огня, воздуха, земли, где доминирует божественное первоначало. Дается описание различных природных явлений. Жизненное начало в эпосе связывается с первоэлементами: огнем, водой, воздухом, землей как основой всего существующего в мире.

Примечания

1. Абай Гэсэр Богдо хаан. Бурядай морин ульгэр / РАН. Сиб. отд-ние, БИОН ; сост. С. П. Балдаев ; подгот. текста: М. И. Тулохонов, Д. Д. Гомбоин ; науч. ред. А. И. Уланов ; Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. 525 с.
2. Абай Гэсэр / запись Т. М. Болдоновой от сказителя П. Тушемилова ; пер., вступ. ст. и послесл. С. Ш. Чагдурова. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. госун-та, 2000. 256 с.
3. Алтайский эпос Алтай-бучай // Эпосы : в 3 т. Улан-Удэ : Респ. тип., 2009. С. 53-109.
4. Бурчинаа Д. А. Гэсэриада западных бурят : указатель произведений и их вариантов. Новосибирск : Наука, 1990. С. 115-150.
5. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. 1. М. ; Л. : Наука, 1950. С. 1-216.
6. Дугаров Б. С. Истоки бурят-монгольской Гэсэриады: концепт сына небес и эпос // Сборник статей международной научно-практической конференции «Изучение, сохранение и популяризация Гэсэриады как шедевра нематериального наследия Центральной Азии в современных условиях». Улан-Удэ, 17-18 июня 2014 г. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. С. 25-32.
7. Жамбалова С. Г. Профанный и сакральный миры ольхонских бурят (XIX –XX вв.). Новосибирск : Наука, 2000. 400 с.
8. Ким А. А. Очерки по селькупской культовой лексике. Томск : Изд-во науч.-техн. лит., 1997. 150 с.
9. Когутэй. Алтайский эпос / сказитель Ю. Ютканов ; пер. Г. Токмашова ; коммент. Н. Дмитриева. М. ; Л. : Академия, 1935. 205 с.
10. Куулар Д. С. Тувинский фольклор в контексте центрально-азиатских устно-поэтических традиций : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Улан-Удэ, 2009. 46 с.
11. Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. М. : Наука, 1973. 474 с.
12. Пелих Г. И. Материалы по селькупскому шаманству // Этнография Северной Азии. Новосибирск : Наука, 1980. С. 5-70.
13. Сагалаев А. М. Урало-алтайская мифология: символ и архетип. Новосибирск : Наука, 1991. 155 с.
14. Суразаков С. С. Алтайский героический эпос. М. : Наука, 1985. 255 с.
15. Хакасский эпос «Албынжи» // Эпосы : в 3 т. Улан-Удэ : Респ. тип., 2009. Т. 3. С. 311-380.
16. Хундаева Е. О., Эрдынеева Ч. В. Бурятский эпос о Гэсэре: символы и традиции. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 96 с.
17. Хундаева Е. О., Дамбаева А. Н. Эпос коренных народов Сибири : вопросы сюжета. Улан-Удэ : Изд-во БГСХА, 2015. 189 с.
18. Якутский эпос «Нюргун Боотур Стремительный» // Эпосы : в 3 т. Улан-Удэ : Респ. тип., 2009. Т. 3. С. 435-484.

ФЕНОМЕН МАТЕРИНСТВА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ БУРЯТ
PHENOMENON OF MOTHERHOOD IN THE TRADITIONAL CULTURE OF THE BURYATS

В статье рассматривается феномен материнства, особенности распределения материнских функций, материнского поведения и отношения к ребенку в традиционной культуре бурят.

The article discusses the phenomenon of motherhood, the signature features of maternal functions, maternal behavior and attitudes towards to the child in the Buryat culture.

Ключевые слова: мать, женщина, ребенок, бурятская культура.

Keywords: mother, woman, child, culture of Buryatia.

Изучение феномена материнства становится наиболее актуальным в настоящее время. Поскольку современное общество задает новые социальные нормы для подрастающего поколения девушек, в которых освоение одной из главных ролей женщины – роли матери – перестает занимать основное место в смысложизненных ориентациях современных девушек, что в итоге приводит к снижению уровня психологической готовности к материнству, а то и к полной психологической неготовности к материнству. Проблемами материнства занимаются специалисты многих наук. Актуальность таких исследований теперь уже не нуждается в дополнительном обосновании. Полученные в исследованиях материалы о влиянии материнского поведения и отношения на развитие личности ребенка во всех возрастах говорят сами за себя.

Аналізу феномена материнства свои исследования посвятили И.С. Кон, М. Мид, Э. Эрикссон, В.С. Мухина, Н.П. Коваленко, Г.Г. Филиппова и др., в которых институт материнства рассматривается «как исторически обусловленный, изменяющий свое содержание в процессе эволюции общества» [10]. Исследования этнокультурных вариантов материнства говорят «о различиях в типах семьи, детства и ценностей, принятых в исследуемой культуре. Интерес представляют особенности распределения материнских функций в разных культурах, варианты материнского поведения и отношения к ребенку, на разных возрастных этапах, которые обеспечивают формирование личностных качеств, необходимых в данной культуре» [1]. Мы же обратимся к анализу феномена материнства в традиционной бурятской культуре.

Особое место в жизни женщины принадлежит роли матери, «а высшим воплощением женского начала в традиционной культуре считается образ материнства». Многозначность материнского пространства в культуре бурят, как отмечает Николаева Д.А., «обусловлена осмыслением роли и места женщины в мифологическом сознании бурят» [8].

Многие исследователи бурятской культуры отмечали высокий статус матери. «Мать выполняла основные воспитательные функции в семье: следила за поведением молодых членов семьи, обучала детей и внуков элементарным трудовым навыкам, прививала нормы и этикет внутрисемейных и общественных отношений. Мнение хозяйки дома имело большое влияние не только внутри своей семьи, но и во всем кругу ближайших родственников. Ее голос всегда принимался в расчет, а иногда был решающим при распределении семейного имущества, заключении брака ее детей и т.д. Мать почитали как священную сокровищницу, приносящую благополучие» [9]. Недаром в памятнике народной педагогики «Зерцало мудрости...» особым пунктом выделено отношение к матери [5]:

*«...Коли мать прогневишь,
То ничем не согреть
Охладевшей души...
Коли мать огорчишь,
Не развеять ничем материнского горя...» (стих 2540)*

Народ по достоинству оценивал высокие нравственные начала в женщине, ее внутреннюю красоту и силу, которые она передавала детям. Согласно Д.А. Николаевой, «значимость

материнского статуса в структуре семьи и общества опирается не только на репродуктивные способности женщины иметь детей, но обращается к архаическим верованиям древних бурят. В соответствии с мифологическими представлениями мать в качестве хранительницы домашнего очага и чадородия выполняла ряд сакральных функций, способствующих благополучной реализации жизнедеятельности семьи и рода. Несомненно, основным было материнское начало и, соответственно, выполнение порождающих функций. И здесь следует отметить то, что именно с ней связывается формирование такого социального института как семья, что в принципе является архетипом традиционной культуры» [8].

У бурят сохранилось представление о генетическом наследии именно по линии матери. Актуальность этой темы отражена в пословицах и поговорках: «Не садись в глубине юрты, у которой дверь плоха. Не бери в жены девицу, у которой мать плоха»; «Руби дерево острым топором. Породнись с человеком из хорошего рода». Буряты придавали огромное значение генетически качественному наследию невестки. Заветной мечтой каждого буряты было иметь здоровое потомство, а потому большое значение придавали удха (корень, происхождение) девушки «не было ли среди предков умалишенных, хронически больных, бездетных, пьяниц, калек» [2]. «При выборе невестки в первую очередь обращали внимание на ее физическое здоровье, ум, сообразительность, и только в последнюю очередь – на внешность. Девушка, соответствовавшая требованиям, ценилась очень высоко, независимо от её социального происхождения. В силу того, что забота о благополучном потомстве и умелом ведении хозяйства играла немаловажную роль, состоятельные буряты нередко брали себе невестку с «хорошими качествами» из бедной семьи. Считалось, что от свойств невестки напрямую зависело будущее всего рода. Сохранились представления о влиянии определенных черт и качеств женщин на характерные особенности бурятских родов: «От спокойной женщины родившийся *бухут*. От умелой женщины родившийся *шарат*. От красивой женщины родившийся *готол*» [7]. Многие названия бурятских родов произошли именно по материнской линии. «Женщины, выполняя воспроизводящую функцию, выступали хранительницами *сулдэ* (душ) детей и животных как в качестве природного вместилища (материнское чрево), так и моделированного через женские атрибуты (одежда, украшения, утварь). В первую очередь к ним относятся украшения, которые отличаются обилием, многосоставностью и многокомпонентностью». Их внешний вид и ношение на груди как раз символизировало заключение в них и хранение «душ детей и животных». «Шум и звон, издаваемые украшениями при исполнении ритуальных танцев во время обрядов, символизировали активизацию и стимулирование репродуктивную основу женщин, которые в данный момент являлись воплощением божества женского шаманства. Репродуктивной энергетикой обладала и одежда матери. Бездетные женщины брали на время какой-либо предмет одежды рожавшей ранее женщины, надеясь приобрести плодовитость его владелицы. В бурятском мифе от матери зависит не только рождение героя, его воспитание и дальнейшая судьба, но даже формирование пола ребенка. С женщиной также связано воспроизводство материального благополучия дома. При выборе невестки важное значение придавали умению вести домашнее хозяйство, которому обучали девочек с самого раннего детства. От умения справляться с домашним хозяйством зависело уважение в обществе не столько молодой невестки, сколько ее семьи, особенно ее матери. Это связано с тем, что вся женская работа ассоциировалась с репродуктивной символикой, поскольку именно женская атрибутика имеет пронимальные знаки, использование которых предполагает погружение/протаскивание/порождение: полая утварь (посуда, корыта, бадьи, ступа и др.), к этому ряду также относятся многочисленные женские украшения и даже структура строения жилища» [3].

С матерью также связано выполнение магической охранительной функции, направленной на защиту потомства. К нему можно отнести не только *юроолы* (*торжественные песнопения*), исполняемые по праздникам, и ежедневные обращения к божествам, но даже регулярное исполнение колыбельных песен. Считалось, что эти песни через мелодию, интонацию, ритм, и текст, способствовали формированию, с одной стороны, психического здоровья («несчастный человек не слышал колыбельных песен матери»), а с другой, - моделировали будущее ребенка.

Особым образом почиталась материнская физиология. Например, «материнское молоко считалось *эрдэни* (драгоценность). Буряты полагали, что дети, которые не питались материнским молоком, вырастают бездуховными и безнравственными людьми. И наоборот, те дети, которые долго питались молоком матери, обычно вырастают не только здоровыми и устойчивыми к разным болезням, но любящими и сострадательными не только к своим матерям, но и к другим людям» [4]. В бурятском героическом эпосе материнское молоко обладает чудодейственным свойством, поддерживая силы богатырей:

*«Мать, выйдя вслед за ним,
Молоком грудным побрызгала,
Благословив его, осталась...»* [6].

К охранительному ряду можно отнести и волосы женщины, считалось, что если она обрежет волосы, то ее муж скоро умрет, если обрежет их во время беременности, то век ребенка будет коротким. Замужняя женщина не показывала волосы никому, в том числе мужу. Об уровне их сакральности говорит тот факт, что даже процедура расчесывания волос превращалась в церемонию. «Расчесывалась она только за занавеской, причем, сняв головной убор, она расчесывала одну половину волос, прикрывая второй рукой другую половину» [3].

С женщиной связывалось и понятие защиты благополучия дома, домашнего очага, о чем свидетельствует целый ряд предохранительных мер и обрядов, совершаемых хозяйкой дома в этих целях. Для того чтобы обладать полномочиями охранителя благополучия дома, молодая невестка во время свадебной церемонии обязательно проводила обряд угощения духов домашнего очага в домах родственников мужа: «кормлением хозяина очага в каждом доме она умилостивляла хозяина родового очага, родовых божеств». В послесвадебной обрядности невестка демонстрировала умение общаться с духами огня очага рода мужа, у которого будет просить чадородие. После чего она совершала ежедневные «брызгания» этим духам для призывания счастья и благоденствия своему дому [7].

Вместе с тем, в случае не реализации материнства, с женщиной связывалось много страхов и суеверий. Например, считалось, что она является воплощением проклятия. По архаическим представлениям, женщина могла своим несчастьем заразить людей, скот, даже землю. Нерожавших женщин не приглашали на праздники, не подпускали к ним детей, беременных и т.д., боялись ее «языка» и даже физических прикосновений. Во избежание унижительной участи такие женщины искали любые средства для избавления от бесплодия: совершали специальные обряды, посещали священные места и т.д. «В связи с этим следует отметить существование в бурятской культуре обычая, отмечавшегося многими исследователями и путешественниками – усыновление детей, которое происходило в следующих случаях. Во-первых, в случае потери всякой надежды на рождение собственных детей. Это мог быть ребенок или родственников, или чужой, как по крови, так и по национальности. Во-вторых, в традиционной культуре бурят было не принято оставлять на произвол судьбы детей-сирот. Поэтому их могли усыновлять семьи, уже имеющие детей. И, наконец, детей брали на воспитание в случае, когда умирали родные. Отношение к детям как родным, так и усыновленным было одинаково доброжелательным. Взять на воспитание чужого ребенка считалось делом добрым и благородным» [7]. Как отмечает Г.Р. Галданова, "родители зачастую отдавали своего ребенка родичам без колебаний и сомнений, так как чувство единой большой семьи у бурят было развито чрезвычайно сильно. Если семья, имеющая достаточно много детей, откажется отдать одного из них своим бездетным родственникам, этот поступок оценивался как безнравственный" [4].

Анализ этнокультурного материала показал, что буряты очень ответственно относились к пренатальному (дородовому) периоду как к базе формирования будущей личности, отвечающей идеалу человека, через комплекс запретов и предписаний для сохранения нормального физического и психического состояния женщины во время беременности. Выполнение функции материнства – рождение ребенка воспринималось как один из самых важных психофизиологических моментов, связанных с качественной сменой как функционального состояния женщины, так и ее социального статуса. Таким образом, анализ феномена материнства в традици-

онной культуре бурят свидетельствует о наличии культа матери – хранительницы домашнего очага, игравшей главную роль в продолжении рода.

Примечания

1. Андреева Л. А. Современная бурятская семья: психологические особенности детско-родительских отношений. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. госун-та, 2006. С. 51.
2. Балдаев С. П. Бурятские свадебные обряды. Улан-Удэ, 1959. С. 30.
3. Басаева К. Д. Семья и брак у бурят. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1991. 192 с.
4. Галданова Г. Р. Закаменские буряты. Новосибирск, 1992. С. 85.
5. Галшиев Э. Х. Зерцало мудрости, разъясняющее, принимаемое и отвергаемое по двум законам. Улан-Удэ : Бэлиг, 1993. С. 352.
6. Гэсэр: бурятский героический эпос / пер. с бурят. С. Липкина ; сводный текст Н. Балдано ; подстроч. пер. и предисл. А. Уланова ; ил. А. Сахаровской. М. : Худож. лит., 1968. 280 с.
7. Дондокова Л. Ю. Положение женщины в бурятском обществе (вторая половина XIX -начало XX вв.) : дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2002. С. 43-44.
8. Николаева Д. А. Мифологические представления о материнстве в традиционной культуре бурят // Россия – Монголия: культурная идентичность и межкультурное взаимодействие : программа и аннотации докл. междунар. науч. конф. (22–26 июня 2010 г., Улан-Удэ). СПб. : Изд-во филос. фак. СПбГУ, 2010. С. 10.
9. Николаева Д. А. Следы культа матери-прародительницы в традиционной культуре бурят // Этнографическое обозрение. 2008. № 3.
10. Филиппова Г. Г. Материнство и основные аспекты его исследования // Минск [Электронный ресурс] : Белорус. цифровая б-ка LIBRARY.BY. URL: http://library.by/portalus/modules/psychology/readme.php?subaction=showfull&id=1107779095&archive=1120045907&start_from=&ucat=& (дата обращения: 27.09.2015).

УДК 711. 4: 930.1

Кургузов В.Л.

**ВЕРХНЕУДИНСК – УЛАН-УДЭ:
ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА
(субъективный взгляд на проблему)**

**VERKHNEUDINSK - ULAN-UDE:
HISTORICAL, CULTURAL AND METHODOLOGICAL ISSUES OF THE PROVINCIAL
TOWN'S EVERYDAY LIFE
(A judgmental view)**

Содержание статьи в определенной степени восполняет пробел в современной российской аналитике вообще и культурологической аналитики, в частности, в которой вопросы методологии истории повседневности городов отражаются крайне редко. С другой стороны, содержание статьи актуализирует эту проблему в связи с 350-летием основания столицы Республики Бурятия - города Улан-Удэ. Кроме того, в статье выражена позиция автора по отношению к тем изменениям, которые произошли за полвека в культуре повседневности одного из городов Восточной Сибири – Улан-Удэ.

The content of the article, to some extent fills a gap in the modern Russian analytics in general and cultural analysis in particular, in which the issues of methodology of the history of urban everyday life are very seldom reflected. On the other hand, the content of the article actualizes the problem in connection with the 350th anniversary of the founding of Ulan-Ude, the capital city of the Republic of Buryatia. Besides, the article expresses the author's viewpoint on the changes that occurred throughout half a century in the everyday culture of Ulan-Ude, one of the cities of East Siberia.

Ключевые слова: город, провинция, культура, цивилизация, методология, история, повседневность.

Keywords: city, province, culture, civilization, methodology, history, everyday life.

В общественном мнении с незапамятных времен устоялся стереотип полного доверия только к объективным выводам и суждениям. Объективность любит власть, любят хозяйственные руководители, любят учителя на экзаменах, словом, все окружающие нас люди. Субъективность и критика у нас если и вспоминается, то чаще всего, выражаясь словами В.Г. Белинского, в «ругательном наклонении». При этом как-то уходит на второй план, в сущности, простая мысль, что все *объективное* первоначально рождается в чьей-то конкретной, *субъективной* голове в виде критической оценки действительности, события, факта. Затем этот субъективный вывод шлифуется, обрастает опять же *субъективными* мыслями других людей, результатом чего и является на свет *объективная* реальность, *объективное* суждение о ней.

Все это приходится говорить для того, чтобы подтвердить правомочность поставленной темы данной статьи о субъективности взгляда на город Улан-Удэ и культуру повседневности его жителей и, опять же, субъективного взгляда на проблемы методологии истории культуры повседневности провинциального города – с другой.

В сущности, субъективная точка зрения никого ни к чему не обязывает. К субъективности можно прислушаться, а можно отмахнуться от нее, как от назойливой мухи. Однако вряд ли стоит забывать, что в своей завершенности любое субъективное суждение может вылиться в глобальную философскую проблему взаимоотношений Личности и Общества, а между ними конфликт крайне не желателен. Между ними желательно взаимопонимание и гармония.

Не стоит забывать и то, что, так называемое «общественное мнение», как правило, дисгармонично, но, вот что странно, без его учета никакая власть долго не продержится... Выходит, что от дисгармонии мыслей, галактики человеческих представлений, лоскутков чьих то отдельно взятых субъективных суждений зависят все наши поступки, стратегия и тактика наших действий, именно из них складывается вся наша жизнь, жизнь не только сегодняшняя, но и завтрашняя. Но чтобы определить ориентиры этого будущего, ворваться в него, надо оглянуться назад, оттолкнуться от прошлого и потом уже сравнить его с настоящим.

Уже более полувека назад – в июне 1964 года – я приехал поступать в институт культуры и впервые сошел на перрон железнодорожного вокзала города Улан-Удэ. Здесь меня никто не ждал, у меня не было в этом городе ни родственников, ни друзей, ни, даже, просто, знакомых... Зато на перроне меня встретила фигура забавного, улыбающегося всем пассажирам медведя, не того невзрачного, который занял его место сегодня, а того, фигура которого была покрыта зеленью брусники вместо шерсти... Этот маленький штрих обыденной культуры подчеркивал самобытность этого города, радушие, веселый нрав и гостеприимство его жителей. Такого я нигде не встречал, поэтому маленький незначительный артефакт обыденной культуры Улан-Удэ остался в памяти навсегда.

Кто бы знал тогда, что этот город станет для меня поистине – родным. Он подарил мне профессию – здесь я получил высшее образование. В Улан-Удэ я работал на протяжении полувека и продолжаю работать сейчас, здесь я создал семью, здесь вырос мой сын и родился внук. В этом городе сложилась моя научная и творческая судьба.

Это он – мой город Улан-Удэ – наградил меня бесценным богатством. Он свел меня с выдающимися людьми современной истории Бурятии: композиторами и дирижерами, музыкантами и артистами, художниками и писателями, поэтами и учеными, спортсменами, врачами и учителями, героями войны и труда, руководителями города и республики, да и просто с простыми тружениками, любящими свою работу, свой дом и свой город. К сожалению, многих из тех, кого я знал, уже нет в живых, но память о них не исчезла. Она осталась в сердцах живущих, она отражена в книгах, кинофильмах, памятниках, мемориальных досках, в музейных экспонатах. В семейных фотоальбомах. Эта память стала тоже актом нашей культуры повседневности.

Историю делают люди. Сама же история состоит из «кирпичиков» повседневной жизни этих творцов истории. Что представляла собой обыденная культура города Улан-Удэ полвека назад? Калейдоскоп памяти высвечивает набор самых памятных «картинок» культуры той поры.

Куда я мог пойти отдохнуть полвека назад в Улан-Удэ? Если бы время удалось обратить вспять, то, прежде всего, я бы пошел и присел на скамейку в великолепном сквере, гармонично вписанным в пространство центральной площади города, который покрывался весной цветом черемухи и сирени. В центре сквера стоял памятник революционерам, кругом стояли скамейки. Тихо, чисто, уютно... Если бы я проголодался, то, скорее всего, пошел бы пообедать в столь популярную среди студентов столовую в здании Геологического управления или в единственную в городе позную на ул. Ленина. И уж, конечно, не обошел бы сверх популярную среди молодежи пирожковую в гостинных рядах с вкуснейшими пирожками, которые в течение всего дня регулярно подвозили с мясокомбината. Полиэтиленовых пакетов в те времена не было, и продавец ловко заворачивал покупку в кулек из обыкновенной газеты, в который вошло бы штук 25-30 горячих пирожков. Коллективное поедание этой выпечки было своего ритуалом, символом студенческого братства...

Под вечер (если бы сумел) я бы залез в переполненный до неимоверности трамвай, который бы привез меня на стадион, «поболеть» за любимую футбольную команду «Армеец» (позднее – «Селенга»). Вечером можно было бы сходить в уютное здание Русского драматического театра на улице Ленина или в театр оперы и балета. Если же меня не устроило бы ни то, ни другое, то, учитывая позывы молодости, можно было бы сходить в летнее время на танцплощадку в городском парке культуры и отдыха с огромным колесом обозрения, или на танцплощадки в железнодорожном парке или в парке культуры и отдыха ЛВРЗ.

В зимнее время молодежь до отказа заполняла городской каток и клуб строителей, в котором в те времена играл самый лучший эстрадный оркестр, костяк которого составляли преподаватели института культуры. Не пустовали и лыжные базы, расположенные на Верхней Березовке, лодочная станция в устье Уды. Всегда заполненными были и залы стареньких деревянных кинотеатров «Луч», «Восток» и «Байкал», которых сейчас уже нет. В середине 60-х годов в центре города появился кинотеатр «Прогресс», в фойе которого вечерами играл эстрадный оркестр.

Кроме кинотеатра в этом здании расположились Дворец бракосочетания и кассы Аэрофлота. Все это тут же послужило поводом для приехавшего в Улан-Удэ из Москвы конференсье Бориса Брунова пошутить на одном из концертов следующим образом: «В Улан-Удэ, - сказал он, - построили очень удобное здание, в котором можно посмотреть кино и познакомиться с девушкой, здесь же зарегистрировать свой брак, а затем, купив билет на самолет... разлететься в разные края».

Центр города в те времена на половину был застроен деревянными домами, преимущественно дореволюционной постройки. Исключение составляли, пожалуй, каменные дома на ул. Ленина, на проспекте Победы, микрорайонов ЛВРЗ, Авиационного завода и др. Что представлял собой мой любимый Октябрьский район? Если встать на перекрестке улиц Бабушкина и Терешковой – то свободно были видны ворота тонко-суконного комбината. Слева и справа в песчаных дюнах стояли редкие бараки, в которых жило немало цыган. Не знаю почему, но цыгане любили Улан-Удэ. Из самых заметных каменных зданий, пожалуй, можно назвать лишь корпуса Республиканской больницы, кирпичные общежития ВСТИ и ВСГИК по бульвару Карла Маркса сдали лишь осенью 1964 года, а кафе «Саяны» весной 1965 года.

Там, где сегодня находится великолепный ансамбль Русского драматического театра стояли три одинокие сосны и всё... Будучи студентами мы не один год занимались зелеными насаждениями на этом бульваре. Поэтому больно было смотреть, как несколько лет назад по приказу градоначальства безжалостно вырубались, «окультуривались» достаточно высокие акации. Я вообще не понимаю, зачем в нашем городе с таким неистовством вырубают зелень, кромсают шикарные кроны тополей, если он по озеленению в расчете на душу населения во много раз отстает не только от Иркутска, но и Читы?

Я не возражаю, кому-то может быть и нравится лунный ландшафт Боргойской степи, но зачем же превращать в него современный город, где число только автомобилей за последние годы увеличилось в десятки раз, а показатели предельно-допустимых норм загазованности в таких точках как остановка «Геологическая» или «Элеватор» в солнечный, безветренный день просто зашкаливают... В этих условиях нам надо, наоборот, сплошным порядком засаживать неприхотливыми деревьями все наши многочисленные дюны, а не распевать песню «Ээ-ей! Привыкли руки к топорам...».

Об облике нашего города в обыденном представлении говорит такой факт. Когда я получил квартиру и переехал с семьей в нее в 1972 году, то знакомые спрашивали: «Ты где получил квартиру? В 18 квартале, - отвечал я. А, это в районе Онохоя!». (Один из пригородных поселков). И это не было преувеличением. 18-ый квартал был далекой окраиной города...

Трамваи в те годы ходили только до фабрики ПОШ, а дальше домой надо было идти по колено в песке. Примечательный факт: я не один раз набирал грибов в сотни метров от своего дома, там, где сегодня располагаются основные корпуса технологического университета. А, уж, в районе сегодняшнего 43 квартала – в те годы был настоящий грибной рай... Сегодня из 18 квартала до центра города можно добраться за 15 минут. Культура современного мегаполиса сократила расстояние. Правда, добраться только на самом быстроходном транспорте – трамвае. На автотранспорте надо ездить тому, кто имеет желание вздремнуть. Автомобильные пробки предоставляют такую возможность. Борьба же новых транспортных развязок с пробками продолжается, явно не в пользу первых.

Вспоминая Улан-Удэ полувековой давности нельзя не вспомнить шумную, никак не обустроенную «барахолку» в районе Стрелки, бесконечно дребезжащие, тихоходные и страшно холодные зимой трамваи, или городской центральный рынок, где на широких дощатых прилавках из грубо оструганных досок ворохами лежали свежемороженый омуль, мясо коров, свиней и овец, кедровые орехи и свежемороженая ягода?

Когда вспоминаешь картину прошлого Улан-Удэ, становится понятен тот рывок, который сделал город за последние полвека своей истории. Но этот «рывок» ощущается не только и не столько в появлении новых жилых кварталов, новых улиц и площадей, новых средств коммуникации, новых предприятий, строек и учреждений. Он ощущается и в очевидных потерях.

Где сегодня была бы слава Приборостроительного завода или завода «Теплоприбор»? Куда исчез завод «Электромашин», продукцию которого (асинхронные двигатели) покупали не только страны Азии, но даже голландцы, испанцы и французы? Куда исчезли тонкосуконный комбинат и стекольный завод, продукция которых расходилась как «горячие пирожки»? Куда подевалась фабрика верхнего трикотажа, на которую я, будучи секретарем Октябрьского райкома партии, водил в свое время иностранцев, всегда восхищенных техническим оснащением фабрики, условиями труда и быта работающих?

Все перечисленное выше, наверно, можно как-то объяснить. Однако меня, как профессионального культуролога, в данном случае интересует не столько «базис», сколько «надстройка», более «скрытые» изменения в судьбе улан-удэнцев, отразившиеся в кардинальных изменениях их *культуры повседневности*, которая, в конечном счете, привела за последние полвека к существенным изменениям их менталитета. Однако я отдаю себе отчет в том, что этой проблеме должна быть посвящена отдельная публикация, в которой на конкретных примерах были бы проиллюстрированы все зримые приметы культуры повседневности города Улан-Удэ. Но в реализации этого интереса никак не обойтись без историко-методологического анализа города вообще, города, как феномена культуры повседневности, в частности. Именно этому и будет посвящен последующий дискурс.

Еще в начале XX века немецкий философ, историк и культуролог О. Шпенглер провозгласил, что культурный человек есть существо «строящее города», а история культуры человечества, есть история городов [1]. При всем кажущимся нарочитом преувеличении эта мысль является парадоксально выраженной правдой. И, хотя спор между сторонниками и противниками в области методологии изучения культуры города не завершен, но даже самый последо-

вательный «почвенник» вряд ли будет отрицать, что в истории человеческой культуры рост городов составляет один из определяющих моментов развития цивилизации.

В самом деле, именно город выступает рельефным проявлением историко-культурной деятельности человека, выразителем не только ее успешности, но и ее кризисов и тупиков. Именно это и ставит город в ряд важнейших объектов историко-культурных и культурологических исследований.

Поскольку, публикации, посвященные методологическим проблемам вообще и историографии российских провинциальных городов, в частности, целесообразно начинать с общих обзоров достигнутого научной рефлексией предмета исследования, мы не станем изменять этой традиции. Однако из-за заданных объемов статьи у нас нет возможности приводить названия многочисленных публикаций, посвященных феномену города и подробно анализировать их содержание. Современная компьютерная техника значительно упрощает поиск литературы. Мы ограничимся лишь именами некоторых авторов и фрагментарным вектором их научных интересов.

Среди аналитиков российского города можно назвать: Акиншина А.Н. (Воронеж) – генеалогические изыскания градоведения; Вдовину Л.Н. (Москва) – культурная жизнь городов, деятельность типографий; Загайнову В.Л. (Екатеринбург) – деятельность провинциальных театров; Иванову Л.В. (Москва) – проблемы отношения центра (области, края) и периферийных поселений в провинции; Кандаурову Т.Н. (Москва) – проблемы культурного потенциала провинциального города; Канищев В.В. (Тамбов) – интеллигенция провинциальных городов в годы Гражданской войны; М.Е. Каулен (Москва) – музеи столичных и провинциальных городов; Кошман Л.В. (Москва) – взаимоотношение столичных и провинциальных городов, влияние первых на культурную жизнь в провинции; Климову Г.П. (Елец) – культурная жизнь провинциального города Ельца; Ковригину В.А. (Москва) – состояние здравоохранения в провинциальных городах России; Кулакову И.П. (Москва) – генезис взаимоотношений столичной и провинциальной интеллигенции; Ласунского О.Г. (Воронеж) – просвещения, культуры, роль неординарной провинциальной личности; Сысоевой В.К. (Москва) – распространение монархической идеологии в провинции; Тропина Н.А. (Елец) – семантический подход в исследовании феномена провинциальной культуры. Чернявскую Е.Н. (Москва) – архитектурная среда провинциальных городов России и др.

Актуализация изучения истории города убедительно проявилась в акте создания в далеком 1917 году лаборатории русского города на историческом факультете Московского университета. Для начинающих исследователей города уместно сообщить, что сотрудниками этой лаборатории выпущено шесть сборников «Русский город», содержание которых является великолепным методологическим подспорьем для современных аналитиков.

В 1990 году издана, пожалуй, одна из самых примечательных работ по истории русского города [2]. Ее автор, Б.Н. Миронов, остается верен отмеченной выше тенденции в изучении проблематики русского города и, опираясь на массовую источниковедческую базу, применяя методы математической статистики, может быть, впервые дает широкую картину состояния численности и состава городского населения, его мобильности, отраслевой структуры занятости. Кроме того, Б.Н. Миронов обосновал типологию русского позднефеодального города, в основе которого лежит принцип его функциональности. К сожалению, проблем культуры, тем более, культуры *повседневности* горожан автор здесь практически не уделяет никакого внимания.

Для историков и культурологов, принявших решение изучить феномен того или иного города, весьма полезно в самом начале ознакомиться с типологией русского провинциального города. С этой целью следует обратить внимание на статью Л.В. Кошмана «К вопросу о типологии русского провинциального города (XVIII-XIX вв.)». Вместе с тем, как видим, и здесь период исследования касается давно минувших дней. Мне представляется справедливым вывод Л.В. Кошмана о том, что «...в современной историографии русского города *культурная жизнь* изучается явно *недостаточно*. Можно упомянуть лишь редкие книги по истории культуры отдельных городов или областей России (Самара, Волгоград и др.), изданные, как прави-

ло, в 60-е годы прошлого века [3]. В последнее время, - заключает он, - хотя и появляются монографии по отдельным проблемам культурной жизни провинциального города, но в целом эта проблема пока еще ждет серьезного научного исследования» [4].

На самом же деле, именно город выступает рельефным проявлением историко-культурной деятельности человека, выразителем не только ее успешности, но и ее кризисов и тупиков. Именно это и ставит город в ряд важнейших объектов историко-культурных и культурологических исследований.

Один из родоначальников отечественной истории российских городов и урбанографии в целом Н.П. Анциферов в присущем ему ярком стиле писал: «...город дает нам наиболее выразительный образ культуры своего времени. Он впитал в себя всю историю связанной с ним страны и волею своих граждан превращен в ковчег, в котором содержатся народные реликвии» [5].

В этой связи, провинциальный город Российской империи – Верхнеудинск (ныне столица Республики Бурятия – Улан-Удэ) - не может обижаться на невнимание к себе со стороны историков, этнографов и социологов [6]. О нем писали, пишут, и будут писать впредь, ибо «белых» пятен в его истории еще предостаточно. Однако, с нашей точки зрения, в большинстве работ он представлен, хотя и в ярко выраженных, убедительно доказанных, но, все же, деталях, в отдельных, порой не связанных между собой фрагментах реальной действительности. Тем более он существенно обделен вниманием *культурологов* вообще, аналитиков проблемы *культуры повседневности*, в частности, обыденной культуре горожан, как в прошлой своей истории, так и в условиях современности.

По этой причине мне затруднительно назвать какую-либо научную монографию или, хотя бы научную статью, посвященную нашему городу, в которой он был бы представлен, как *целостное* явление. Между тем, провинциальный город Верхнеудинск – один из тех историко-культурных феноменов, которые можно осмыслить только с помощью методологии его *целостного* восприятия.

Целостность понимается автором статьи, *во-первых*, как определяющий фактор города, то, что позволяет выделить его в качестве своеобразного феномена или явления. *Во-вторых*, целостность должна выступать как базисная ценность, как форма самого существования города. И, *в-третьих*, целостность является методом изучения, восприятия города. Можно сказать и так, что целостность в методологии воплощает собой комплексный подход, синтетический и синергетический методы исследования.

Понятие «целостность» наряду с понятиями «культурно-исторический организм», «синтетический метод» были введены в научный оборот в России еще в 20-е годы прошлого века, благодаря усилиям российских ученых И.М. Гревса и его ученика Н.П. Анциферова, стоящих в ряду первых российских историков культуры провинциальных городов и эти два имени по праву называют, когда говорят о «градоведении». По мнению академика Д.С. Лихачева, именно И.М. Гревсом были заложены основы городского краеведения [7]. Кроме того, ему мы обязаны и развитием в нашей стране экскурсионного метода изучения истории и культуры.

Что отличает труды практически всех исследователей истории Верхнеудинска? Прежде всего, то, что их всех объединяет, если можно так выразиться, *феноменологический* подход к объекту исследования.

В представлении практически всех аналитиков, Верхнеудинск предстает, как своеобразный феномен, по оценке А.П. Чехова, побывавшего здесь проездом на Сахалин – «...тихий, прелестный городок». Между тем, выстраивая свои методологические подходы, И.М. Гревс и Н.П. Анциферов шли скорее не от феномена города, а наоборот, - применяли к его изучению уже сложившиеся представления.

Город вообще, хоть в Европе, хоть в Азии (город Верхнеудинск, в частности), вначале всегда представлял собой своего рода крепость и место воинского гарнизона. Как безопасное и сильное в военном отношении место и как орган властвования город притягивал к себе окружающую территорию.

Верхнеудинск со дня своего рождения обозначался, как провинциальный город. В России же понятие «провинция» первоначально отражало территориальное деление, обозначая какую-либо единицу в составе губернии с 1719 по 1775 гг. Затем на рубеже XVIII-XIX вв., оно стало приобретать оттенок «вторичности», уничижительности. «Однако, - как совершенно справедливо подчеркивает Т.О. Размустова, - восприятие провинции как некоего «захолустья», а провинциальной культуры, как культуры «второсортной», стоящей по своему уровню ниже столичной, представляется упрощенным. Провинция всегда жила своей самостоятельной, само - достаточной жизнью. Неоднозначность и многомерность этого явления рельефно проступают в провинциальном городе вплоть до наших дней» [8].

Внешне провинциальный город (Верхнеудинск здесь не является исключением) как правило, повторяет столичный образец: те же сословия, те же управленческие структуры, учебные заведения и управленческие учреждения, культурные центры. Именно таким способом проявлялось извечное желание «провинциалов» разбиться в лепешку, но не ударить в грязь лицом перед столицей. Однако даже в этих, во многом наивных устремлениях выражалось и выражается до сих пор своеобразие каждого провинциального города, феноменальность его культуры повседневности.

Вместе с тем, вплоть до второй половины XX века, *повседневность* представлялась, как весьма специфическое явление, в котором господствует не разум, а чувства и воля, спонтанные, сиюминутные желания и страсти, характеризующие человека, чаще всего с отрицательной стороны. А все высшие духовные устремления личности (нравственный подвиг, поиск смысла жизни, борьба за идею и пр.) рассматривались за пределами повседневности.

В то же время, радикальность происходящих трансформаций настолько велика, что и повседневность, понимаемая ранее как одна из наиболее консервативных сфер человеческой жизни, испытывает на себе последствия этих глобальных культурных сдвигов. Именно эти процессы и обуславливают глубинный интерес к проблематике повседневности. В этом плане актуальным, на наш взгляд, представляется рассмотрение некоторых проблем отражения феномена культуры повседневности Верхнеудинска (Улан-Удэ) усилиями региональных исследователей, что позволит выявить все оттенки и нюансы этого феномена.

Именно по этой причине автор статьи полностью солидарен с выводом Ю.М. Лотмана, сделанным им во введении к его фундаментальному научному труду «Беседы о русской культуре» о том, что: «Было бы странно, если бы мы в предлагаемой книге, (посвященной, кстати сказать, быту, *культуре повседневности* (выделено мной – К. В.) русского дворянства XVIII – начала XIX века – К.П.) задалась бы целью решать спорные вопросы, связанные с этим понятием. Оно очень емкое: включает в себя и нравственность, и весь круг идей, и творчество человека, и многое другое» [9]. Соглашаясь с этим, мы тоже не станем ввязываться здесь в дискуссию о дефиниции понятия «культура повседневности», а сделаем лишь в заключение ряд выводов ко всему вышесказанному:

Во-первых, автор статьи пришел к выводу, что исследование культуры повседневности любого российского провинциального города нуждается в *комплексном* методологическом подходе.

Во-вторых, обратим внимание аналитиков на то, что человек, горожанин, в частности, в ходе истории, как известно, меняется, но, чтобы представить себе логику поступков людей не только прошлого, на которое мы в определенной степени равняемся сегодня и, с помощью которых поддерживаем связь с прошлым, нам надо представить себе, как эти люди жили, какой мир их окружал, каковы были их общие и нравственные представления в частности, их служебные обязанности, быт, обычаи, нравы, одежда, жилища, узнать, почему они поступали в определенных ситуациях так, а не иначе. А этого нельзя достигнуть без использования *диахронического* (исторического) подхода в изучении культуры быта, нравов, культуры повседневности в целом, культуры повседневности провинциального города Верхнеудинск, в частности.

В-третьих, нам, россиянам, давно пора избавиться от комплекса «неполноценности» в оценке нашей истории и, тем более, нашей культуры. Вряд ли стоит забывать, что десятки

имен выдающихся деятелей нашей науки и культуры, которыми гордится весь мир - дети из провинции. Имя М.В. Ломоносова – тому убедительный пример.

Избавившись от комплекса неполноценности, мы приобретем способность видеть уникальность в облике наших провинциальных городов, самобытность культуры повседневности их жителей. Только там мы увидим то, что уже давно исчезло в обыденной жизни жителей столиц.

Примечания

1. Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск : ВО Наука, 1993. 592 с.
2. Миронов Б. Н. Русский город в 1740-1860 гг.: демографическое, социально-экономическое развитие. Л. : Наука, 1990. 272 с.
3. Кошман Л. В. К вопросу о типологии русского провинциального города (XVIII – XIX вв.) // Провинциальный город: культурные традиции, история и современность. М., 2000. С. 7-13.
4. Кошман Л. В. К вопросу о типологии русского провинциального города (XVIII – XIX вв.) // Провинциальный город: культурные традиции, история и современность. М., 2000. С. 7-13.
5. Анцифиров Н. П. Пути изучения города как социального организма : опыт комплексного подхода. Л. : Сеятель, 1926. 151 с.
6. См. труды: Батуевой Т. Б., Бурлакова Н. Н., Буянтуева Б. Р., Воробьева В. В., Гирченко В., Дамбаева В. С, Дондукова Ц. Ц., Евдакимовой С. В., Ким Е. В., Шулунова Ф. М., Зимулы И. Ю. и др.
7. Лихачев Д. С. Образ города // Знание – сила. 1988. № 7. С. 10.
8. Цит. по: Размустова Т. О. Аспект целостности в феномене провинциального города // Провинциальный город: культурные традиции, история и современность. М., 2000. С. 28-33.
9. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – XIX вв.). СПб. : Искусство-СПб, 1994. 398 с.

УДК 021.13

Езова С.А.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕДОСТУПНОЙ БИБЛИОТЕКИ В ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕНТРЫ

REFLECTIONS ON TRANSFORMING FROM PUBLIC LIBRARIES TO MULTIFUNCTIONAL CENTERS

Обосновывается значимость создания в общедоступной библиотеке многообразия центров, приводится дискуссионный материал о целесообразности их функционирования. Акцентируется внимание на типах поведения библиотекаря: интроверта, экстраверта, на роли библиотечного пространства в трансформации библиотеки.

The author reasons the importance of creating a variety of centers in public library, provides a debating theme on the expediency of their functioning, and draws attention to behavior patterns of librarians: introverts and extroverts, in the role of library space in the library's transformation.

Ключевые слова: общедоступная библиотека, библиотечные центры, общественное, публичное пространство, дискуссия, типы поведения библиотекарей.

Keywords: public library, library centers, public, public space, discussion, behavior patterns of librarians.

Общедоступная библиотека включена в социум, функционирует на его средства (налоги), следовательно, ее основная миссия в удовлетворении потребностей жизнедеятельности

местного сообщества посредством библиотечных ресурсов, что является ее сущностным отличием от других организаций общества.

Социальные потребности группы местного сообщества являются двигателем изменений, которые происходят в библиотеках. Это касается и зарубежных и отечественных библиотек.

В «Модельном стандарте деятельности общедоступной библиотеки» (2014 г.) речь идет о том, что они в соответствии с функциями обеспечивают возможности культурного просвещения и воспитания, интеллектуального досуга населения, являются центрами межкультурного и межнационального взаимодействия, площадками культурно-просветительской деятельности, обучения, центром предоставления информационных услуг, коммуникационными площадками интеллектуального развития и культурного досуга и т.д. [7].

Таким образом, в данном документе артикулируются центры и площадки в функционировании библиотеки.

В Толковых словарях Ожегова, Т.Ф. Ефремовой центр в переносном смысле трактуется как место средоточия (сосредоточения) чего-нибудь, какой-либо деятельности.

Общедоступная библиотека позиционирует себя как полифункциональная организация. Пользователей различных центров объединяют потребности (движущая сила развития их личности) и активности.

Большое распространение получили центры поддержки чтения, информационный (центр правовой, экологической информации, деловой литературы), медицентр, культурные центры, культурно-досуговые центры, центры общения (межкультурной, межличностной коммуникации), центры творчества, игровые центры и др.

Потребности пользователей художественной литературы дифференцированно удовлетворяются в центрах поэзии, приключенческой, фантастической, детективной литературе и др.

Познавательные потребности пользователей реализуются в образовательных, интеллектуальных центрах, для библиотечных специалистов существуют центры повышения профессиональной квалификации. В библиотеках развиваются центры национальной культуры (татарской, немецкой, французской и др.), центры краеведения, библиотека-музей и т.п.

Для отдельных групп, категорий людей функционируют центры семейного чтения, центр обслуживания людей с ограниченными возможностями, центр детского чтения, молодежный центр чтения и др.

Социальные партнеры библиотеки объединяются в центры местного сообщества.

Откликаясь на социальные потребности общества, библиотеки создают центры проката (бытовой и др. техники), сервисные центры, центры по сбору отработанных батареек, лампочек (участие в решении экологически важной задачи общества по сохранению природных ресурсов) и т.д. Полагаю, что порождаемые обществом потребности и в дальнейшем станут мотиватором для создания новых центров при библиотеках.

Библиотекарей начинают обучать работе в своей организации как центре, например, в Санкт-Петербурге в III-ей Молодежной Библиолаборатории их учат посредством воркшопов (групповых методов работы) организации деятельности с локальными сообществами, способам создания положительного мнения о библиотеке как информационном центре, имеющем доступ для каждого жителя района. Начал функционировать корпоративный университет (Москва) как центр развития межличностных коммуникаций.

Эволюционирование роли общедоступной библиотеки, ее функций обуславливают развивающиеся потребности членов местного сообщества, на которые влияют различные факторы: географический, исторический, религиозный, национальный и другие.

Поразмышляем о некоторой роли психологического фактора в жизнедеятельности библиотеки.

Общедоступная библиотека выстраивает свое поведение с внешней средой в ракурсе интроверсии-экстраверсии. Это обусловлено потребностями пользователей, их психотипом.

Пользователи интроверты имеют направленность на себя, свой внутренний мир, предпочитают одиночество или пребывание в небольшой компании единомышленников, в обще-

нии с которыми они раскрывают и реализуют свои потребности. Учитывая эти особенности, библиотеки создают для них личное пространство, выделяют коворкинги для занятий небольших групп, организуют индивидуальное обучение ИКТ и т.д. Есть опыт функционирования идеальной библиотеки для интровертов. Она располагается в Японии в Токио в университете Seikei и представлена в футуристическом стиле. Читатель может ощущать себя в ней как на космическом корабле в прозрачных стенах стеклянных шаров-залов, т.е. в открытом пространстве, но в уединении [4].

Коммуникативная функция библиотеки, которая, по мнению Д.К. Равинского [10] становится ведущей в деятельности зарубежных публичных библиотек, убеждает в функционировании библиотеки как экстраверта. Об этом свидетельствует материал Е. Линдеман в ее блоге «Библиотекарша»: «От библиотеки интроверта к библиотеке – экстраверту» (материал отражен в Фейсбуке). Сотрудники одной из библиотек штата Миннесота (США), трансформируют ее в соответствии с потребностями пользователей в поведение библиотеки – экстраверта, причем, сущность изменений касаются не дизайна, не выделения специальных зон для читателей, а именно поведения [8].

Библиотека с ярко выраженным типом поведения экстраверта социально адаптирована в отличие от интровертированной библиотеки, которой свойственна социальная изоляция и пассивность во взаимоотношениях с местным сообществом.

Пользователи–экстраверты тяготеют к общению, подпитываются, заряжаются положительной энергетикой от других людей в процессе общения на групповых, публичных мероприятиях. Ярко выраженную коммуникабельность они могут выразить в таких мероприятиях, как квесты, дискуссии, ситуационные, ролевые игры и др. Большую популярность приобретают интерактивные формы, суть которых – взаимодействие, обратная связь.

В специальной печати существуют талантливо выписанные образы библиотеки с поведением интроверта и экстраверта. Имею в виду книгу Е.Ю. Гениевой «Библиотека как центр межкультурной коммуникации» [3]. Автор не использует данную терминологию, но концептуальные модели библиотек, исследуемые им: просвещенческая (монологическая) и коммуникативная (плюралистическая, поликультурная) вписываются в эти типы поведения: интроверсию–экстраверсию. Мне импонирует ода коммуникативным практикам, написанная Екатериной Юрьевной. Деятельность ВГБИЛ им. Рудомино, которую она много лет возглавляла, с ее многочисленными центрами являет собой ярко выраженный тип поведения экстраверта. Это не значит, что библиотека игнорирует другие типы поведения.

На мой взгляд, научную значимость представило бы исследование функционирования библиотек в различные исторические периоды в контексте «интроверсии–экстраверсии». Поведение современных библиотек обусловлено их типом, видом и тоже представляет интерес с точки зрения «интроверсии–экстраверсии».

Существенную роль в трансформации общедоступных библиотек играет организация их пространства.

В процессе создания центров целесообразно учитывать как общие особенности общественного и публичного библиотечного пространства, так и специфические, обусловленные социальной ролью того или иного центра.

Проблема пространства актуализирована и глубоко раскрыта во многих статьях [6], подготовленной к изданию книги С.Г. Матлиной «Библиотечное пространство: воображаемый образ и реальность». В анонсе к книге издательства «Библиомир», в частности, отмечено: «Книга впервые освещает пространственную организацию библиотечно-информационной деятельности как необходимую предпосылку ее позитивного развития. Такой подход меняет традиционное представление о различных библиотечных процессах, особенностях раскрытия и продвижения ресурсов во взаимосвязи физического и медиапространства».

Во втором номере «Библиотечного дела», ответственным редактором которого является С.Г. Матлина, сделана интересная подборка публикаций о библиотечном пространстве.

Так в статье «10 принципов создания библиотеки нового типа» раскрывается специфика создания пространства в зависимости от функционирования библиотеки как центра соци-

альной активности и коммуникации [9]. В ней описан опыт библиотеки им. Н.В. Гоголя (Санкт-Петербург), которая организует пространство, учитывая различные виды активности пользователей и в целом местного сообщества, которое библиотека должна объединить вокруг себя. Авторы убедительно показывают, как библиотекарь выступает фасилитатором активности в изменяющейся библиотечной среде, и как выстраивает коммуникацию с активными пользователями. Взаимодействие через различные виды активности и объединяет пользователей.

В библиотечной печати по меткому замечанию некоторых специалистов произошло «тиражирование» термина «активности», он стал притчей во языцех, т.е. теряет актуальность своего глубокого смысла.

«Активность личности – особый вид деятельности или особая деятельность, отличающаяся интенсификацией своих основных характеристик (целенаправленности, мотивации, осознанности, владения способами и приемами действий, эмоциональности), а также наличием таких свойств, как инициативность и ситуативность» [1].

Источником активности являются потребности, побуждения к деятельности.

Однако далеко не все специалисты позитивно оценивают происходящие изменения в деятельности общедоступной библиотеки.

Автор дискуссионной статьи в «Литературной газете» А. Гачева следующим образом подметила отношение к библиотекам в «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года»: «Впрочем, справедливости ради надо отметить, что библиотеки в «Стратегии...» упоминаются. Но только в той ее части, где речь идет о текущем положении дел. Причем предстают они здесь... как своего рода атавизм, отживающие учреждения, сокращение численности которых в связи с «развитием информационно-коммуникационных технологий», «распространением домашних форм проведения досуга» (!) и, конечно, пресловутой оптимизацией абсолютно логично и особого сокрушения у авторов «Стратегии ...» не вызывает». И далее: «В части же, касающейся перспектив, библиотек нет и в помине. Зато появляются «многофункциональные культурно-образовательные центры». Они, надо полагать (почитаем-ка между строк), и сменяют «устаревшие библиотеки, а часть благополучно умрет естественной смертью» [2].

После избрания А.Г. Гачевой библиотекарем года (2014 г.) в отклике на ее «представление профессии», т.е. еще до этой ее публикации М.М. Самохина в своем блоге «Кот ученый» отмечала, что свои знания о современной библиотеке А.Г. Гачева черпает, скорее всего, из профессиональной прессы, а не из личных знаний библиотечной практики, что влияет на неприятие ею реформ, тех преобразований, которые происходят в живой библиотечной практике [5].

На мой взгляд, в Интернете и в отечественной профессиональной печати библиотеки продолжают позиционировать себя в качестве разнообразных центров, например, началась активная перезагрузка в деятельности общедоступных библиотек Красноярска, они трансформируются в центры творчества и общения.

Таким образом, все эти преобразования в современных библиотеках нацелены на повышение качества жизни местного сообщества, т.е. социальную полезность посредством продвижения среди него специфичных библиотечных услуг. Изучение и обобщение опыта общедоступных библиотек в качестве полифункциональной организации может стать предметом диссертационного исследования.

Примечания

1. Активность личности [Электронный ресурс]. URL: ru.wikipedia.org (дата обращения: 18.02.2016).
2. Гачева А. Библиотека: прошлое или будущее // Литературная газета. 2016. № 10-11.
3. Гениева Е. Ю. Библиотека как центр межкультурной коммуникации : монография. М. : РОССПЭН, 2005. 208 с.
4. Как выглядит специальная библиотека для интровертов [Электронный ресурс]. URL: joinfo.udcurious/1156774_Neverojatno-fakt (дата обращения: 17.03.2016).

5. Куда зовет нас Библиотекарь года – Кот ученый mmsamochina [Электронный ресурс]. URL: <http://kot-semen.livejournal.com/86807.html> (дата обращения: 18.03.2016).
6. Матлина С. Г. Библиотечное пространство: от публичного к общественному (Новые понятия и их смыслы) // Библиотечное дело. 2014. № 21. С. 2-9.
7. Модельный стандарт деятельности общедоступной библиотеки. М. : [б. и.], 2014. 21 с.
8. От библиотеки-интраверта к библиотеке-экстраверту [Электронный ресурс]. URL: biblioteka.rsha.blogpost.ru/2015/11/blog-post (дата обращения: 17.02.2015).
9. Пузин А., Богомолов Е., Терещенко Н. 10 принципов создания библиотеки нового типа // Библиотечное дело. 2016. № 2. С. 15-17.
10. Равинский Д. К. Библиотеки и гражданское общество: изучая зарубежный опыт. СПб. : Рос. нац. б-ка, 2013. 168 с.

УДК 069:415.4

Мишакова О.Э., Сартакова А. В.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ДЕФИНИЦИЙ – «МУЗЕЙ» И «МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК»

THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE STUDY OF DEFINITIONS – “MUSEUM” AND “MUSEUM-PRESERVE”

В статье предпринята попытка проследить эволюцию, а также этимологию таких понятий как «музей» и «музей-заповедник». Как в разное время под влиянием политического, социального и культурного развития различных государств формировалось дискуссионное поле теории вопроса. Интерес к дефиниции – музей-заповедник обусловлен тематикой магистерской работы одного из авторов статьи.

The article attempts to trace the evolution and etymology of such concepts as “museum” and “museum-preserve”. As at different times a discussion theoretical space of the issue formed under the influence of political, social and cultural development of the various states. The interest to the definition of “museum-preserve” is explained by the topic of master's thesis of one of the authors.

Ключевые слова: дефиниция, музей, музей-заповедник, ИКОМ.

Keywords: definition, museum, museum-preserve, ICOM.

К вопросу о выявлении и формулировании понятия музей в теоретическом смысле обращались представители различных областей знаний на протяжении многих столетий, начиная с эпохи Возрождения. Специалисты изучали его с разных позиций. Но основной массив исследований, относящийся к этимологии данного понятия, был накоплен музеологической наукой сравнительно недавно (с середины XIX в. – до настоящего времени).

Понятие музей в привычном для нас значении возникает в эпоху Ренессанса. Изначально его предвещал длительный процесс собирания и коллекционирования различных предметов культа, культуры и природы, уходящими своими истоками в эпоху Античности. Именно с античной культурой связана этимология понятия музей (с греч. «museion», с лат. «museum» – «храм муз»), претерпевшее с того времени существенную трансформацию. Изначально древние греки связывали с этим словом место для занятий литературой, искусством, наукой и научного общения. Аналогичным было толкование термина и в Древнем Риме. Однако в эллинской и ранней римской культуре бытовали и другие названия: «ликей», «академия», «кабинет», «союз, посвященный музам» [2].

В Средние века слово музей было забыто, и лишь в эпоху Возрождения вошло вновь, которая наполнила его новым смыслом. Именно в этот период начинается процесс становления музея как социокультурного института. Во второй половине XVI в. под понятием музей стали понимать помещение, где хранятся и экспонируются коллекции предметов истории,

культуры, природы и различных редкостей, изъятых из прежней среды бытования, т.е. утративших утилитарные и социальные функции [2].

Новый аспект в формулировке термина музей был внесен эпохой Просвещения. На данном этапе эволюции понятия, под ним понималось «учреждение, открытое для широкой публики, определяющими признаками которого являются: наличие коллекций, их хранение, изучение и показ» [2].

Термин музей вплоть до XIX в. применялся в целом к коллекциям. Кроме того, его также использовали для обозначения таких книг, как каталоги («печатный музей») и таких коллекций текстов, как антологии, энциклопедии и журналы. Интересным примером такого использования термина музей является заглавие написанного Бернхардом Валентини (немецкий врач и коллекционер) путеводителя по европейским коллекциям – «Museum museorum» (1714 г.) [1, с. 284].

Период, связанный со становлением музея, предопределил его понимание как специфического научно-культурного учреждения. Так, например, энциклопедист Дени Дидро считал, что «музей – это место, где собраны вещи, имеющие отношения к искусствам и музам, как материализованную энциклопедию наук и искусств, доступную для ознакомления в целях просвещения» [2].

Происходившие в обществе социальные преобразования, поставили перед музеем новые задачи, обусловленные тем, что научно-культурный потенциал музея может быть использован в целях образования. Это ярко проявилось в бурном развитии образовательной деятельности музея во второй половине XIX в. в таких странах как Великобритания, Германия, Франция, США и Россия.

В отечественной истории музей характеризовался как «источник знания», «наглядная школа», «образовательное учреждение», «лаборатория открытий и знаний», «праздник, отдых от будничной жизни для всех» [14, с. 30]. В XIX в. завершается процесс формирования музея как социокультурного института.

В конце XIX в. складывается концепция идеального музея отечественного философа-утописта и космиста Н.Ф. Федорова, являющийся единственным философом, в работах которого уделено внимание учению о музее. Первое системное исследование музея как институции с точки зрения философии было осуществлено им в трактате «Музей, его смысл и назначение». Н.Ф. Федоров пишет: «Музей есть не собрание вещей, а собор лиц; деятельность его заключается не в накоплении мертвых вещей, а в возвращении жизни останкам отжившего, в восстановлении умерших по их произведениям живыми деятелями... Музей есть выражение памяти общей для всех людей, как собора для живущих, памяти, неотделяемой от разума, воли и действия, памяти не о потере вещей, а об утрате лиц. Деятельность музея выражается в собирании и восстановлении, а не в хранении только; он не может быть пассивным, страдательным, равнодушным выражением раздора и безучастным к утратам, из него происходящим... Музей есть исследование, производимое младшим поколением под руководством старшего. Он может быть открыт для всех только путем учения» [13, с. 375-376].

Первый обобщающий научный труд по истории музеев был написан шотландским исследователем Дэвидом Марри и опубликован в 1904 г. под названием «Музеи, их история и их использование». Д. Марри понимал под музеем «собрание древностей, а также других предметов, представляющих интерес для ученых, систематизированное и экспонируемое в соответствии с научными методами» [15].

В начале XX в. под термином музей нередко понимали собрание предметов, представляющих интерес для ученых, систематизированное и экспонируемое в соответствии с научными методами. В 1930-е гг. в СССР музей превращается в трибуну для проводников коммунистической идеи, мощный идеолого-воспитательный центр. Данная ситуация привела к тому, что музей в своей деятельности стал ориентироваться на все слои населения.

Однако уже в 1960-е гг. в отечественной мысли появляются новые взгляды на смысл и назначение музея. Это было связано с изменениями политической ситуации и вступлением СССР в Международный совет музеев (далее ИКОМ) в 1957 г., в результате чего советские му-

зейные организации стали активно участвовать в общественных мероприятиях, а также были налажены контакты с музеями разных стран.

В 1972 г. на основании исследования дефиниции музей З. Странский – выдающийся чехословацкий ученый (1926-2016 гг.) дал его определение, отражающее уровень развития музееведческой мысли того времени: «музей – это особенное научное и культурное учреждение, которое выбирает и собирает природные и публичные объекты, являющиеся подлинными ценностями, используемыми в научных и культурных целях» [14, с. 34].

В 1974 г. профессиональным музейным сообществом в Уставе ИКОМ было закреплено следующее определение: «Музей – постоянное некоммерческое учреждение, признанное служить обществу и способствовать его развитию, доступное широкой публике, занимающееся приобретением, хранением, исследованием, популяризацией и экспонированием материальных свидетельств о человеке и среде его обитания в целях изучения, образования, а также для удовлетворения духовных потребностей» [4]. Здесь необходимо отметить, что Устав ИКОМ является одним из основных международных документов в области музеологии и основные понятия, которыми он оперирует, в том числе музей до настоящего времени не раз подвергались редакции.

Проблема выработки дефиниции обсуждалась в дискуссионном формате на различных конференциях и симпозиумах профессиональных сообществ. Например, в Эспоо (Финляндии, 1987 г.) Международный комитет музеологии (далее ИКОФОМ) на последней сессии симпозиума «Музеология и музеи» детально рассмотрел вопрос: «Зачем необходимо определение?». Стало ясно, что мнения специалистов в музеологическом мире расходятся и предъявляют к определению понятия музей различные требования. На этом симпозиуме прозвучала следующая мысль: «Научному сообществу определение музея было необходимо для осуществления своей деятельности. ИКОМ и другие профильные организации могли использовать его в качестве критерия для определения членства; музейный мир испытывает потребность в определении для того, чтобы четче очертить собственную идентичность, зачастую связанную с потребностью прояснения легального статуса; власти нуждаются в таком определении по административным причинам и т.д. Разные требования ведут к тому, что акцент в определении будет смещаться с одних аспектов на другие» [1, с. 282].

С развитием музеологической мысли, как было сказано выше, изменилась и терминология в Уставе ИКОМ. В 2007 г. состоялась последняя на данный момент редакция термина музей. Теперь под ним понимается «постоянное некоммерческое учреждение, служащее делу общества и его развитию, доступно широкой публике, занимающимся приобретением, хранением, исследованием, популяризацией и экспонированием материального и нематериального наследия человечества и его окружения в целях образования, изучения, а также для удовлетворения духовных потребностей» [4, с. 48].

Голландский социолог Ф. Ньюенс отмечает, что дефиниции музея обычно составляются с позиций их владельцев или управляющих органов. Он предлагает альтернативную, философскую дефиницию, разработанную с точки зрения посетителя музея, т.е. его пользователя: «Музей – это место, которое особым образом располагает к размышлениям и медитациям относительно нашего человеческого устремления к истине, добру и красоте. Эти размышления и медитации, с одной стороны, проясняют нашу незначительность и эфемерность, но с другой – усиливают ощущение нашей таинственной связи с Непреходящим» [1, с. 282].

Голландский музеолог П. Потт в своей работе «В контексте курса по музейным исследованиям» (1981 г.) дает музею следующее определение: «Музей – это институция, открытая для публики, которая под руководством ответственного куратора и при помощи квалифицированного штата коллекционирует предметы и документацию в какой-то более или менее определенной области искусства, науки, техники, природы, исторического или общественного развития и, используя все доступные технические средства, регистрирует, хранит, консервирует, обрабатывает, изучает и экспонирует их таким образом, чтобы ожидаемая публика получила пользу или удовольствие от своего визита, в соответствии с программой и политикой данной институции» [1, с. 286].

В «Проекте реестра музеев» (1983 г.) Музейная ассоциация (Великобритания) для регистрационных целей предлагала использовать определение музея, данное ИКОМ. «Группа музейных профессионалов» (The Museum Professionals Group) из Великобритании и Канады почитала его не приемлемым и создала специальную рабочую группу для разработки нового определения. Оно было сформулировано в июне 1984 г.: «Музей – это институция, которая для общественной пользы собирает, сохраняет, выставляет и интерпретирует материальные свидетельства и связанную с ними информацию». Позже «выставляет» заменили на «экспонирует», дабы подчеркнуть обязанность музеев демонстрировать, по крайней мере, часть своих коллекций публике. Уточненное предложение было принято правлением Музейной ассоциации и, наконец, утверждено на ежегодной общей встрече ее членов в сентябре 1984 г. в Гвернси (островное государство между Великобританией и Францией): «Музей – это институция, которая собирает, документирует, сохраняет, экспонирует и интерпретирует для общественной пользы материальные свидетельства и связанную с ними информацию» [1, с. 289].

В 1988 г. отечественный музеолог А.М. Разгон, зам. директора по науке НИИ «Культурологии» отмечает: «Музей – исторически обусловленный многофункциональный институт социальной информации, предназначенный для сохранения культурно-исторических и естественнонаучных ценностей, накопления и распространения информации посредством музейных методов. Документируя процессы и явления природы и общества, музей комплекзует, хранит, исследует коллекции музейных предметов, а также использует их в научных, образовательно-воспитательных и пропагандистских целях» [5, с. 113].

Необходимо отметить, что в России дефиниция музей закреплена на законодательном уровне. Так в Федеральном законе Российской Федерации №54 от 26 мая 1996 г. «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» используется следующее определение: «Музей – некоммерческое учреждение культуры, созданное собственником для хранения, изучения и публичного представления музейных предметов и музейных коллекций, а также для достижения иных целей, определенных настоящим Федеральным законом» [12].

В конце XX – в первом десятилетии XXI вв. понимание музея связано с развитием теоретического музееведения, которое позволяет осмыслить социокультурное назначение музея на современном этапе. Это послужило толчком по формированию различных подходов к определению понятия музей, что возможно проследить в научной, энциклопедической, справочной и другой литературе. Так, например, в одном из социологических словарей приводится следующее определение: «Музей – научно-исследовательское и культурно-просветительное учреждение, которое осуществляет комплектование, учет, хранение, исследование и популяризацию памятников истории и культуры и природных объектов»; в историческом и археологическом словарях приведено одинаковое понятие: «Музей – учреждение, занимающееся сбором, хранением и выставкой чего-либо»; философский словарь, художественная и современная энциклопедии дают такое определение: «Музеи – научно-просветительское учреждение, осуществляющее комплектование, хранение, изучение и популяризацию памятников истории, материальной и духовной культуры» [11]. Помимо приведенных выше, существует еще ряд определений термина музей. Обозначенные нами определения не противоречат друг другу, а встречающиеся различия между ними носят непринципиальный характер и обусловлены многообразием взглядов и подходов к изучению термина.

Проведя анализ существующих толкований, можно подытожить, что большинство исследователей склонны определять музей, как социокультурный институт через выполняемые им функции. Данная трактовка подтверждается публикацией в Российской музейной энциклопедии: «музей – исторически обусловленный многофункциональный институт социальной памяти, посредством которого реализуется общественная потребность в отборе, сохранении и репрезентации специфической группы природных и культурных объектов, осознаваемых обществом как ценность, подлежащая изъятию из среды бытования и передаче из поколения в поколение, – музейных предметов» [9].

Следует отметить, что под словом музей в культурологической литературе чаще употребляются термины «институт культуры», «культурный институт» и «социальный институт в культуре» [15].

В 2009 г. в журнале «Музей» были опубликованы материалы дискуссии об актуальных терминологических проблемах современного музееведения, в том числе и сам словарь, в котором сформулировано понятие музея следующим образом: «Музей (лат. museum, от греч. Museion – храм муз), культурная форма, выработанная человечеством для сохранения, актуализации, трансляции последующим поколениям наиболее ценной части культурного и природного наследия. В процессе генезиса и исторической эволюции музей реализуется как открытое для публики некоммерческое учреждение, осуществляющее свои социальные функции на благо общества. Являясь институтом социальной памяти, музей отбирает, хранит, исследует, экспонирует и интерпретирует источники знаний о развитии природы и общества – музейные предметы, их коллекции и другие виды движимого, недвижимого и нематериального культурного наследия» [7].

Некоторые музеологи XXI в. все еще определяют музей как коллекцию, а другие как здание, но самым распространенным является понимание музея как института [1, с. 284].

Современное общество рассматривает музей как средство, которое способно оказать существенное влияние на развитие образования. В настоящее время под словом музей понимают исторически обусловленный многофункциональный институт социальной информации, предназначенный для сохранения культурно-исторических и естественнонаучных ценностей, накопления и распространения информации. Документируя процессы и явления природы и общества, музей комплекзует, хранит, исследует коллекции музейных предметов, а также использует их в научной, образовательно-воспитательной и пропагандистской целях [3, с. 23].

Таким образом, сегодня существует множество определений термина музей, что в значительной степени объясняется сложностью и многоликостью самого феномена. Во второй половине XX в. под влиянием интеграционных процессов в культуре изменилось отношение к историческому, культурному и природному наследию, как в мире, так и в каждой отдельной стране. Вместе с тем и музей усилил и видоизменил свое влияние на общество. Поэтому потребовалось унифицированное, приемлемое для любых сообществ определение музея. Так XX в. подарил человечеству не только законодательно закрепленное на международном уровне понятие музей, но и новые типы музеев. Один из них – музей-заповедник, который был создан с целью сохранения уникальных историко-культурных и природных объектов в их естественной среде.

Музей-заповедник – один из видов музейной институции, в состав которого помимо экспозиций входят архитектурные, исторические и природные памятники, важные для сохранения историко-культурного и природного наследия страны или региона. С целью защиты данных памятников государство дополнительно наделяет такие музеи правовым статусом заповедника, что предусматривает особые режимы охраны и использования расположенных на его территориях и объектов. С XV в. в России «заповедниками» называли леса, которые «заповедывались», т.е. было запрещено вырубать. Первоначально слово применяли только к природным объектам [10].

С конца 1950-х гг. статус музей-заповедник стали присваивать официально. Данный статус присваивался: местам раскопок древних поселений; литературным музеям (часто с прилегающими природными ландшафтами); местам наиболее известных военных сражений; музеям-усадьбам; музеям-дворцам; монастырским ансамблям; фрагментам среды исторических поселений; особо ценным природным и антропогенным ландшафтам [8].

В Модельном законе «О государственных музеях-заповедниках» от 24 ноября 2001 г. приведено следующее определение: «Государственный музей-заповедник – учреждение культуры, созданное собственником в установленном законодательством порядке для обеспечения сохранности, восстановления, изучения и публичного представления целостных историко-культурных и природных комплексов, материальных и духовных ценностей в их историче-

ской, культурной и природной среде в научно-исследовательских, культурно-просветительских и туристско-экскурсионных целях» [6].

Понятие музей-заповедник относится к статусной позиции музея; это юридический статус, присваиваемый музею указом соответствующих государственных органов. В 2011 г. был принят Государственной думой и подписан президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации». Этим актом в ФЗ №54 от 26 мая 1996 г. «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» была добавлена статья 26.1. – «Музеи-заповедники». Согласно этой статье музей-заповедник получил определение как «музей, которому в установленном порядке предоставлены земельные участки с расположенными на них достопримечательными местами, отнесенными к историко-культурным заповедникам, или ансамблями» [12].

В Российской музейной энциклопедии дается следующее определение: «Музеи-заповедники – группа музеев под открытым небом, обладающих особой ценностью и получивших по постановлению правительственных органов статус заповедников. Музеи-заповедники создаются на основе музеефикации территорий, ансамблей, комплексов и отдельных памятников истории, культуры, природы в их естественной среде. Имеют важное значение для сохранения историко-культурного и природного наследия в его целостности. Статус заповедника предусматривает особые режимы сохранения и использования включенных в него территорий и объектов» [8].

Несмотря на то, что понятие музей-заповедник закреплено на законодательном уровне, теоретические разработки определения продолжают и в настоящее время.

На основе вышесказанного, можно сделать ряд выводов:

- понятие музей зародилось в Древней Греции и претерпело множество трансформаций в ходе формирования и развития музеологической мысли до наших дней;
- определение музей прошло длительный путь развития, но разногласия относительно обоснованности и важности составляющих его элементов, тем не менее, существуют, так как вопросов оно поднимает не меньше, чем решает;
- именно в дискуссионном формате были оформлены теоретические основы термина музей, которые позднее были закреплены на международном, в том числе нормативно-правовом уровне;
- современное понимание термина музей представляет собой сложный и одновременно уникальный процесс, который подвержен изменениям;
- причина многообразия терминов музей и музей-заповедник связано с развитием теоретического музееведения и различных исследовательских подходов специалистов, а также постановкой ими целей и задач при формулировании дефиниции;
- в сознании как музейных работников, так и широкой публики музей-заповедник прежде всего является музеем под открытым небом, сохраняющим в целостности ансамбль недвижимых памятников или живой фрагмент историко-культурной и природной среды.
- музей является общедоступным и общественно-культурным учреждением, хранящим в виде материальных и духовных ценностей, историческую память, и способствующий ее передачи и социализации не только одного человека, но и всего общества;
- сегодня музей, это культурный, научный, образовательный и досуговый центр;
- дать исчерпывающее, бесспорное и всех устраивающее определение музей невозможно.

Примечания

1. Ван Менш П. Музейная дефиниция // Вопросы музеологии. СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т, 2014. № 1. С. 282-291.

2. Генезис музея [Электронный ресурс]. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/3193845/page:8> (дата обращения: 16.02.2016).

3. Дашкова Е. В., Некрасова О. В. Современный музей: определение научных дефиниций // Сборники конференций НИЦ Социосфера. Прага : Vedecko vydavatelske centrum Sociosfera-CZ s.r.o, 2014. Вып. 28. С. 21-27.
4. Ключевые понятия музеологии / сост.: André Desvallées, François Mairesse. М. : ИКОМ России, 2012. 105 с.
5. Комлев Ю. Э. Методология исследования управления музейными коммуникациями // Теория и практика общественного развития. Краснодар : ХОРС, 2011. № 5. С. 113 -118.
6. О государственных музеях-заповедниках : модельный закон от 24.11.2001 // ГАРАНТ [Электронный ресурс] : информ.-правовое обеспечение. URL: <http://www.garant.ru/> (дата обращения: 16.02.2016).
7. Решетников Н. И. Музей и проектирование музейной деятельности : учеб. пособие. М. : МГУКИ, 2014. 159 с. : ил.
8. Российская музейная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp?40> (дата обращения: 16.02.2016).
9. Субботина О. В. Музейная образовательная среда как средство формирования культурного опыта личности [Электронный ресурс]. URL: http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=2885 (дата обращения: 15.01.2016).
10. Все музеи Москвы : справочник-путеводитель / гл. ред. Ю. П. Пищулин. М. : Журн. "Мир музея", 1997. 304 с.
11. Термин «музей» по словарям [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/word/m/Muze-11640.html> (дата обращения: 02.02.2016).
12. О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон 26.05.1996 г. N 54-ФЗ (ред. от 1.12.2014 г.) // ГАРАНТ [Электронный ресурс] : информ.-правовое обеспечение. URL: <http://www.garant.ru/> (дата обращения: 16.02.2016).
13. Федоров Н. Ф. Музей, его смысл и назначение // Собрание сочинений. М., 1995. Т. 2.
14. Шляхтина Л. М. Основы музейного дела: теория и практика : учеб. пособие. М. : Высш. шк., 2005. 183 с.
15. Юренева Т. Ю. Музей в истории мировой культуры: генезис и эволюция [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. культурологии : 24.00.01. М., 2004. 36 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/muzei-v-istorii-mirovoi-kultury-genezis-i-evolyutsiya#ixzz3uyj904KJ> (дата обращения: 16.02.2016).

УДК 94 (571.54)

Ваганова Е. В., Вантеева А. О.

**ИСТОРИЧЕСКИЙ НЕКРОПОЛЬ КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ С. БАРГУЗИН РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИИ)
HISTORICAL NECROPOLIS AS A CULTURAL HERITAGE OBJECT
(A CASE STUDY OF THE VILLAGE OF BARGUZIN OF THE REPUBLIC OF
BURYATIA)**

В статье представлен исторический некрополь как памятное место, элемент культуры, социальное пространство. Работа посвящена Баргузинскому историческому некрополю: описывается его история, дается характеристика основным захоронениям, выделяются его особенности. В статье Баргузинский некрополь представлен как одна из категорий объектов культурного наследия.

The article presents historical necropolis as a place of memory, element of culture, and a social space. The paper is devoted to the Barguzin historical necropolis. It describes its history, major

graves, and highlights its features. The article presents the Barguzin necropolis as one of the categories of cultural heritage objects.

Ключевые слова: некрополь, историческое захоронение, эпитафия, наследие, историко-культурное наследие, объект культурного наследия, памятное место, декабристы, евреи.

Keywords: necropolis, historical burial, epitaph, heritage, historical and cultural heritage, object of cultural heritage, a memorable place, the Decembrists, the Jews.

В истории человечества с древнейших времен некрополь является существенным компонентом духовной культуры. Само наличие обряда захоронения является одним из основных признаков, выделяющих человека из мира животных. Социокультурная значимость некрополя определяется его непосредственной связью с вечной проблемой жизни и смерти. В основе существования этого явления лежит представление о сохранении памяти об умерших, о предыдущих поколениях и представлений о прошлом вообще. Некрополь и его восприятие в разные исторические эпохи – показатель отношения общества к своей истории [18].

Шокарев С.Ю. в своей статье «Русский средневековый некрополь: обряды, представления, повседневность» под некрополем понимает: «сочетание захоронений (включая места, где уничтожены мемориальные памятники) и комплекса источников по истории формирования и существования кладбищ. Кладбища – это наиболее традиционные и актуальные для жителей провинциальных городов России памятные места; это - «узловые» элементы культурной топографии города, связанные с фиксацией, хранением и трансляцией коллективной памяти о значимых для сообщества персонах и событиях» [18].

Традиции, сложившиеся вокруг явления смерти, отражают принципиально важные черты, характерные для того или иного общества, а через отношение к смерти раскрывается отношение к жизни и окружающему миру. Память о предках и ритуалы погребения, зачастую имеющие важную пространственную составляющую, лежат в основе географически обусловленного феномена культуры любого народа. Надгробные памятники и надписи отражают реалии повседневной жизни, так или иначе связанные с кончиной человека: его социальное положение, основные деяния и достижения на служебном, общественном и других поприщах, наличие родственников и т. д. [10]. Немаловажное значение имеет и изучение эпитафий, которые расцениваются как литературные памятники, отражающие социальные условия и мировоззрение своей эпохи. В целом некрополь представляет собой «родословное древо» города и является ценным источником для изучения генеалогических связей [9, с. 257].

В обширной литературе, посвященной некрополю, можно выделить множество направлений. Самостоятельные области представляют, во-первых, многочисленные философские исследования, в которых кладбища рассматриваются, в основном, в их отношении к равным формам концептуализации смерти; во-вторых, специальные работы, касающиеся организационно-хозяйственных вопросов и технологий захоронения; в-третьих, историко-этнографические труды о традициях погребальных обрядов; в-четвертых, многочисленные историко-культурологические описания конкретных некрополей, представляющих историческую ценность и т.д. [8, с. 4]. Все эти направления позволяют рассматривать некрополь как пространство, в котором сходятся разнообразные интересы живых людей. Это особая территория для усопших, которая выделяется, оформляется живыми и является местом осуществления определенных видов деятельности. Кладбища включены в сферу общественных потребностей населения и имеют большую социальную значимость. Их справедливо можно отнести к особой категории социальных пространств. Таким образом, некрополь, понимается как совокупность захоронений, мемориальных памятников, источников по его истории и комплекса представлений, как сложное социокультурное явление, имеющее особое значение как объект культурного наследия [8, с. 6].

Исторический некрополь с. Баргузин – один из его основных достопримечательных объектов, впервые он вносится на карту в 1798 г. В то время Баргузин представлял собой небольшое поселение, состоящее из 18 обывательских дворов и казачьего гарнизона. До уста-

новления Советской власти на кладбище была часовенка, сторожка, и оно было в надлежащем состоянии. В первые годы после революции комсомольцами и пионерами оно было буквально разграблено: снесены чугунные и металлические ограждения, надгробия, кресты, разбиты гранитные и каменные надгробия [12].

Очевидно, что отношение человека к смерти и захоронениям составляет основу культурных универсалий, однако оно не бывает одинаковым. Различия культур заключаются в понимании сущности жизни и смерти, в отношении к мертвым, в особенностях обрядов и ритуалов, и они столь существенны, что по ним можно судить о типах культурной идентичности, а это особенно важно в ситуации полиэтничности [14]. В связи с тем, что в Баргузине на протяжении истории проживали народы разных национальностей, которые исповедовали разные религии, для церкви они создавали свои трудности, поскольку именно она определяла устройство кладбища по религиозно-национальному признаку характерного для старого кладбища. Основной процент захоронения принадлежит сосланным иноверцам-евреям, которые впоследствии приняли христианство, ссыльным разных времен и национальностей, крещеным «инородцам» - бурятам и эвенкам [11]. В 1840 г. территория кладбища была разделена на две части: еврейские и православные захоронения. Наиболее старые захоронения Баргузинского некрополя находятся именно в православной части. К 1925 г. кладбище стало состоять из четырех частей: северная часть – еврейские захоронения; центральная часть – захоронения иноверцев, некрещеных младенцев и «подснежников» – преступников, бежавших из мест отбытия наказания и умерших в тайге; южная левая часть – православные захоронения и южная правая часть – захоронения иноверцев, принявших православие [12].

Наиболее важными для истории Баргузина являются захоронения Михаила Карловича Кюхельбекера (1798-1859 гг.) - декабриста, активного участника восстания на Сенатской площади, Зенона Францевича Сватоша (1886-1949 гг.), российского учёного- зоолога, одного из основателей и второго директора Баргузинского заповедника и Шандора Петефи (1823-1849 гг.) – национального поэта Венгрии, революционного демократа, одного из руководителей революции 1848-1849 г. в Венгрии. Очень известна в Сибири и в Забайкалье фамилия Новомейских: купцы первой гильдии, ведущие золотопромышленники, внесли в развитие экономики, культуры, образования, здравоохранения Баргузинской долины весомый вклад. Хайкель Новомейский, его жена Агарь, их сын Абрам Новомейские так же похоронены на Баргузинском кладбище.

Могила Михаила Карловича Кюхельбекера является объектом культурного наследия федерального значения [5]. В 1975 г., к 150-летию юбилею со дня восстания декабристов на Сенатской площади, правительством СССР было вынесено Постановление об увековечивании памяти декабристов и установлении на местах их захоронений памятных знаков. Перед началом работ на старом Баргузинском кладбище требовалось точно определить место нахождения захоронения М.К.Кюхельбекера, поскольку к 1975 г. оно было утеряно, а само кладбище с 1960 г. было закрыто для захоронений. Изначально место захоронения определили в той части кладбища, в которой хоронили иноверцев, принявших православную веру. Было известно, что Михаил Карлович в Бога не верил, особо со священниками не общался и бывал в церкви по необходимости – во время бракосочетания, которое церковными властями было отменено, как незаконное, и во время крещения своих детей; крестика не носил, обряды не соблюдал [6, с. 113].

В 1975 г. Министерством культуры Бурятской АССР на кладбище был установлен памятник декабристу на его предполагаемом захоронении. Был насыпан новый земляной холм высотой 1 метр, на котором были уложены три плиты из розового мрамора, образующие водоедино надгробие 2,1x0,92x0,25 метров с чугунным пальмовым венком диаметром 0,45 метров. На плите расположена рельефная надпись: «Декабрист Михаил Карлович Кюхельбекер, 1798-1859», памятник был обнесен ажурной литой чугунной оградкой 5x4,5 метров на бетонном стилобате высотой 0,3 метра. За памятником в ограде расположен чугунный стенд со словами А. С. Пушкина: «Во глубине сибирских руд храните долгое терпенье, не пропадет ваш скорбный труд и дум высокое стремленье...» [15, с. 75].

В 1989 г. во время работы экспедиции «Мегаморв - Петефи» была установлена личность Шандора Петефи, а также было установлено истинное захоронение М. К. Кюхельбекера. 17 июля 1989 г. в пятом по счету открытом захоронении был вскрыт скелет мужчины северного нордического типа. Антропологические признаки, сравненные с двумя портретами и описаниями полиции декабриста М.К. Кюхельбекера, позволили группе антропологов экспедиции высказаться в пользу принадлежности обнаруженного скелета декабристу. Рядом с ним лежал скелет новорожденного ребенка [12]. Известно, что рядом с ним была похоронена его новорожденная дочь, умершая незадолго до смерти отца. Покойный лежал в стеганом халате, хорошо известном по воспоминаниям лиц, хоронивших декабриста в 1859 г., объяснялась даже необычность расположения покойного в гробу: под его правым боком лежала деревянная подпорка для придания телу горизонтального положения [13, с. 114]. По воспоминаниям баргузинцев М.К. Кюхельбекер умер на завалинке и был найден только под утро. Значит, окоченевшее тело уже нельзя было выправить. Наличие православного крестика на груди объясняется тем, что священники отказывались хоронить умершего до тех пор, пока родственники не согласятся на погребение по православному обряду, о последнем свидетельствовали и воспоминания жен декабристов [12]. После проведенной работы скелетные останки в этом захоронении были ими признаны как останки, принадлежащие М.К. Кюхельбекеру. Антропологами был составлен черновик «Акта об идентификации останков в захоронении №5 как принадлежащие М.К. Кюхельбекеру», расположенном в центральной части старого Баргузинского кладбища, ближе к северной части забора. В 1990 г. этот акт был официально подписан в Академии наук СССР [12]. На истинной могиле М. Кюхельбекера установлен деревянный крест, на котором расположено его фото, могила обнесена оградой.

Баргузин является местом, связанным с памятью венгерского поэта и революционера Шандора Петефи. С 1846 г. Шандор Петефи предпринимал первые попытки сплотить венгерское национально-освободительное движение. Он возглавлял революционную организацию «Молодая Венгрия». Он сыграл одну из ключевых ролей в разворачивании революционной борьбы в самой Австрийской империи, участвовал в разработке требований авангарда венгерской революционной демократии, переданных 13 марта 1848 г. австрийскому престолу и ставших впоследствии программой демократической революции [16]. В 1989 г. во время проведения международной антропологической экспедиции, упомянутой выше, были обнаружены останки, которые соответствовали 27 антропологическим признакам революционера, которые были перевезены сначала в Москву, а затем в Венгрию, а на могиле был установлен временный знак. В течение более 10 лет велась научная дискуссия о том, кому принадлежат эти останки. Проблема Петефи рассматривалась на уровне Совета Министров СССР [17]. Однако Совет Министров СССР предложил вначале образовать независимую авторитетную международную комиссию для проверки принадлежности обнаруженных останков Шандору Петефи. Московская экспертиза поставила под сомнение правильность выводов комиссии, поскольку останки уже не подлежали идентификации, а скелет, скорее всего, был женским. В 2012 г. Институт криминалистики чешской полиции провел суперпроекцию черепа венгерского поэта, а в 2014 г. Институт судебной экспертизы министерства юстиции Китая сделал ДНК крови его «европейских» потомков. Первый доказал тождество с фотографиями Петефи, а второй — идентичность с родственниками Петефи по матери, живущими в Венгрии. Результаты этих исследований подтвердили, что останки из Баргузина принадлежат Шандору Петефи [7].

В истории Баргузина значительную роль сыграла массовая ссылка еврейского населения. Одной из основных причин их ссылки являлась контрабандная торговля на границах России. К концу XIX в. еврейская община в Баргузине составляла около 10% городского населения. Баргузинские евреи открывали торговлю в дальних селах, строили большие продовольственные склады на приисках и т.д. [15, с. 49]. Здешний край дал им прекрасную возможность развернуться: отсутствие жесточайшей конкуренции, неразвитая инфраструктура и незаполненные ниши в экономической деятельности и в целом доброжелательное отношение местного населения способствовали проявлению их экономической инициативы. Особый вклад баргузинские евреи внесли в золотодобычу и стали её монополистами [4]. Кроме того, они всегда

уделяли большое внимание образованию своих детей, что способствовало развитию сети образовательных учреждений в крае, повышению уровня образованности населения. Евреи были заинтересованы в создании народных библиотек, строительстве общественных зданий, да и сами строили собственные дома по особым проектам, что способствовало украшению внешних видов поселений. Доля еврейского купечества, довольно высокая ко всему купечеству региона, была особенно значительной в Баргузине, где оно составляло более 88 % купеческого сословия города [1]. Еврейские торговцы и золотопромышленники составили первое поколение еврейского купечества Баргузина. Особенно большую роль сыграла семья Новомейских, купцы I гильдии, ведущие золотопромышленники, внесли в развитие экономики, культуры, образования, здравоохранения Баргузинской долины весомый вклад [4].

Особенно видными представителями баргузинского купечества были Абрам Новомейский и Яков Фризер. Абрам Новомейский (1853-1916 гг.) был самым богатым золотопромышленником в Баргузине и состоятельным купцом, имевшим в городе большой магазин. За товаром он ездил не только в Читу, Иркутск и Верхнеудинск, но и в Санкт-Петербург и Москву, заключал сделки на Нижегородской ярмарке. В Баргузине он держал 10-12 лошадей, а на соседнем прииске, где имелись просторные пастбища, постоянно выращивал по 50-60 голов молодняка [3, с. 188]. В короткое время он стал одним из самых крупных золотопромышленников Забайкалья, купцом I гильдии [3, с. 108]. Хайкель Новомейский, его жена Агарь, их сын Абрам Хайкелевич Новомейские похоронены на баргузинском кладбище. После революции и установления в Баргузине советской власти многие еврейские семьи покинули Баргузин.

Всего на еврейской части кладбища установлено 218 захоронений [2]. На сегодня Баргузинский исторический некрополь находится в руинированном состоянии. Еврейская часть Старого кладбища раньше была отгорожена, но теперь ограда утрачена. В других частях кладбища многие надгробия разрушены и установить имена захороненных нет возможности. Сбиты имена на надгробиях. От многих могил остались лишь следы захоронений. Многие надгробия упали или разбиты.

Могила З.Ф. Сватоша ученого-зоолога, организатора Баргузинского заповедника является объектом культурного наследия регионального значения [5]. Он был первым и единственным в мире ученым, проводившим опыты по выращиванию соболей баргузинской породы в неволе. В 1916 г. правительство России приняло решение о создании соболиного заповедника на берегу Байкала, основателем и научным директором которого стал З. Сватош. Ученый проделал огромную работу по организации Баргузинского заповедника, по охране поголовья соболя и его воспроизводству, внес неопределимый вклад в науку о животном и растительном мире Баргузинской тайги. Научным руководителем и директором Баргузинского заповедника З.Ф. Сватош работал в 1916-1938 гг., а затем в 1942-1945 гг. после ухода на заслуженный отдых по его предложению был создан первый в районе музей природы, в котором многие экспонаты были собраны им лично [6, с. 156]. Умер Зенон Францевич Сватош в 1949 г. и был похоронен на Баргузинском кладбище. В 1985 г. состоялось торжественное открытие памятника известному биологу, краеведу, первому директору-основателю Баргузинского заповедника Зенону Францевичу Сватошу. На надгробии памятника вылит его рельефный портрет, пальмовые ветви и табличка: «Один из основателей Баргузинского заповедника Зенон Францевич Сватош». В выложенную из камней стелу вмонтирована бронзовая фигурка баргузинского соболя [15, с. 125].

Итак, Баргузинский исторический некрополь является полноправным объектом культурного наследия со своей богатой и уникальной историей. В некрополе преобладают особые по конструктивному решению и способу изготовления надгробные сооружения, которые отражают социально-экономические и эстетические приметы времени, когда они были установлены, здесь можем отметить и минимальную эпитафику. Планировка некрополя отличается присутствием четкого деления в зависимости от веры усопших и их социального положения.

Некрополь — это не только место физического захоронения людей, но и форма сохранения памяти о них. Некрополь является полноправным объектом культурного наследия, изучение его важно, как для истории искусства и истории градостроительства так и истории в це-

лом. Исторический некрополь может являться как материалом для изучения генеалогии, социологии, истории общественного сознания, истории литературы и языка, так и других направлений исторических и культурологических исследований.

Примечания

1. Еврейская община Западного Забайкалья [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/> (дата обращения: 23.02.2016).
2. Молчанова Т. Е, Филиппова Т. С. Инвентаризация старого еврейского кладбища в Баргузине. [Электронный ресурс]. URL: <http://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2014/02/05/inventarizatsiya-starogo-barguzinskogo-evreyskogo-kladbishcha> (дата обращения: 20.02.2016).
3. Новомейский М. От Байкала до Мертвого моря. Иерусалим : Библиотека-Алия, 1979. 274 с.
4. Об истории евреев в Сибири (общая информация) [Электронный ресурс]. URL: <http://forum.j-roots.info/> (дата обращения: 23.02.2015).
5. Свод объектов культурного наследия Республики Бурятия. Т. 1. Памятники архитектуры и истории / Респ. служба гос. охраны объектов культурного наследия ; [редкол: И. А. Петрова [и др.]; науч. ред. В. К. Гурьянов]. Улан-Удэ : Респ. тип., 2010. 326 с.
6. Потхоев С. У., Гармаев С. В. Мы – из Баргузинской долины. Улан-Удэ : Респ. тип., 2004. 267 с.
7. Беседа с Филипповой Т. С., директором Историко-краеведческого музея Баргузинской СОШ, 1960 г.р. [Рукопись] // ПМА.
8. Разумова И. А. Некрополь как социальное пространство: функциональные аспекты // Некрополи Кольского Севера: изучение, сохранение, коммуникация : сб. науч. ст. / науч. ред.: П. В. Федоров, И. А. Разумова. Мурманск : МГГУ, 2013. 172 с.
9. Рафиенко Л. С. Проблемы выявления и публикации некрополей Урала и Сибири (О подготовке к изданию Пермского некрополя) // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.) : сб. ст. памяти В. И. Буганова. М., 2001. С. 252-259.
10. "Русский некрополь" великого князя Николая Михайловича [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/> (дата обращения: 23.02.2016).
11. Старое Баргузинское кладбище [Электронный ресурс]. URL: <http://barguzin.su/forum/index.php?/topic/58-staroe-barguzinskoe-kladbishe/> (дата обращения: 03.02.2016).
12. Тайна баргузинского кладбища [Электронный ресурс]. URL: <http://barguzinmuseum.narod> (дата обращения: 06.02.2016).
13. Тиваненко А., Демин Э. В. Тайна баргузинского узника: венгерский поэт и революционер Шандор Петёфи // Байкал : лит.-худож. журн. Улан-Удэ, 1985. № 5. С. 113-126.
14. Традиции некрокультуры как форма сохранения социально-исторической памяти [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 06.02.2015).
15. Угрюмов Н. Ф. Баргузин-край, где мы живем... : [сб. краевед. очерков]. Баргузин : [б. и.], 1998. 176 с.
16. Шандор Петёфи [Электронный ресурс]. URL: <http://www.biografguru.ru/> (дата обращения: 09.02.2016)/
17. Шандор Петёфи [Электронный ресурс]. URL: <http://visit-baikal.ru/> (дата обращения: 23.02.2016).
18. Шокарев С. Ю. Русский средневековый некрополь: обряды, представления, повседневность (на материалах Москвы XIV-XVII вв.) [Электронный ресурс]. URL: <http://ricolor.org> (дата обращения: 23.02.2016).

**МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ
В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ
YOUTH SUBCULTURES OF THE REPUBLIC OF BURYATIA IN TRANSITION**

В настоящей статье автор рассматривает развитие молодежной субкультуры в современных условиях на материалах Республики Бурятия.

In this article the author examines the development of youth subculture in modern conditions on the materials of the Republic of Buryatia.

Ключевые слова: молодежь, молодежные субкультуры, панк-культура.

Keywords: youth, youth subculture, punk culture.

Молодежь, как социально-демографическая общность, характеризуется не только структурной неоднородностью, но и чрезвычайной подвижностью и изменчивостью. Многообразные молодежные общности на протяжении долгого времени порождали и по сей день продолжают создавать уникальные по своей сути субкультуры, представляющие собой нечто большее, чем простое объединение по интересам. Каждая такая субкультура имеет собственную философию, систему мировоззрения, нормы, ценности, культуру досуга, моду и стиль поведения. Субкультура является той уникальной средой, в которой молодой человек может реализовать потребность в общении и идентичности.

Возникновение неформальных молодежных движений в нашей стране, быстрое их распространение по регионам, стало ярким явлением в культурной жизни. Каждая молодежная субкультура по своей сути уникальна. Это культ независимости и силы металлистов; мрачная и депрессивная субкультура готов с их темной эстетикой; тотальный нигилизм панков с полным отрицанием государства и общества и многие другие. Между тем, неоднородность, закрытость, автономность, и в некоторой степени агрессивность, стали серьезным препятствием в процессе их познания и научной интерпретации.

Только дифференциация молодежных субкультур по вышеперечисленным нами основаниям, дает возможность исследователю увидеть их изнутри, составить четкое представление о сущности каждой из них, оценить динамику развития каждой.

Очевидно, что современные молодежные движения очень многочисленны. Параллельно уже давно существующим, продолжают возникать все новые и новые субкультуры. Подчас причины, по которым молодежь продолжает объединяться в различные группировки, иногда могут показаться странными и неожиданными.

Отметим, что большой интерес для исследования вызывает, например, та позиция, которую занимает отдельно взятая субкультура по отношению к обществу (от нейтралитета до агрессии). При этом доля неконформистки настроенных субкультур все еще достаточно велика, что объясняется особенностями молодежного возраста, протестными настроениями, присущими молодежи в силу объективных причин. По сути, протест является сущностью и двигателем любой субкультуры. Наряду с этим в последнее время среди молодежи все большую популярность приобретают экстремальные увлечения, часто напрямую связанные с риском для жизни, к примеру, зацепинг. Так, излюбленным увлечением зацеперов (как правило, молодежи от 18 лет) стало сегодня катание на вагонных сцепках и крышах вагонов, что ежегодно становится причиной гибели сотен молодых людей.

Молодежные субкультуры – феномен второй половины XX века. Появление в этот период рок-музыки и выделившиеся в ее рамках многочисленные стили и направления, породили такие же разнообразные субкультуры, многие из которых актуальны и сегодня. Между тем, под привычными названиями, зачастую кроется уже иная сущность и другие смысловые характеристики. Данный процесс является закономерным, в виду того, что молодежь нового тысячелетия, живет в иных политических, социально-экономических и культурных условиях, не-

жели их предшественники. В качестве примера можно привести одну из самых популярных сегодня субкультур — хипстеров. Первые хипстеры (сложная и безусловно, богатая по содержанию, субкультура) появились в Америке еще в 40-х годах XX века. В то время субкультура формировалась из представителей молодежи всех слоев общества, зачастую не самых богатых. Как пишет один из крупных исследователей молодежной культуры А. Керви, по для хипстеров не существовало ни расовых ни социальных границ [1]. Первые хипстеров помимо прочего объединяла любовь к джазу и джазовым исполнителям. В то же время современные хипстеры — это в основном обеспеченные молодые люди, так называемая «золотая», прогрессивная молодежь, зачастую имеющая не глубокие представления о музыке. Хотя некоторые параллели между хипстерами 1940-х и все-таки возможно провести.

Стремительное распространение молодежных субкультур в нашем государстве, привело к тому, что они довольно быстро проникли и в пространство провинций, где каждая из них обрела свое уникальное лицо. Ниже, мы несколько подробнее остановимся на некоторых аспектах возникновения, развития и трансформации молодежных субкультур Республики Бурятия с целью составить более полное представление о молодежном сообществе города Улан-Удэ.

Итак, возникновение молодежных субкультур на территории нашей республики можно отнести к концу 1980 – началу 1990-х гг. Следует иметь в виду, что в этот период еще не приходится говорить о какой-либо полноценной субкультурной среде, а скорее лишь о наличии некоторых составляющих ее элементов, которым только предстояло оформиться в некую целостность. В то время в республике еще не существовало четкого разделения между разными молодежными течениями (ввиду их малочисленности). Расцвет же их приходится, по нашему мнению, на середину 1990-х гг. Именно с этого времени они обособляются и стабильно развиваются приблизительно вплоть до середины 2000-х гг. Безусловно, сейчас не представляется возможным с точностью до года определить, какая из субкультур и когда появляется в культурном пространстве города. Между тем, обобщая имеющиеся данные, можно отметить, что одними из самых ранних молодежных субкультур на бурятской почве стали металлисты, панки, хиппи (последние были не многочисленны), скинхеды. Позднее (к началу 2000-х) появляются и другие популярные молодежные субкультуры, например, такие как готы.

В основе молодёжной культуры всегда лежит свойственный молодежи бунт и протест. Во время молодежной революции 1968 года во Франции он был вызван социально-политическими, экономическими катаклизмами, происходившими в стране. В то время участников молодежного движения объединяло общее стремление сделать общество более справедливым и солидарным, ощутить свою значимость, освободиться от опеки взрослых, а также завоевать определенные права. Посредством лозунгов: «Нет» слову «Нет!», «Будьте реалистами – требуйте невозможного!» и «Изменяйте жизнь!», молодые люди требовали коренного обновления устоявшейся общественной системы.

Молодежные субкультуры Советского Союза расцветали на фоне идеологического давления, тотального контроля со стороны властных структур. В связи с чем молодежные протесты того времени носили во многом политический подтекст. О негативном отношении общества к неформальной молодежи того времени свидетельствует письмо в редакцию одного из советских журналов: «Люблю музыку, но считаю, что металл-рок и рок вообще не несут ничего положительного. Наоборот, уводят от насущных проблем, действуют как своеобразный наркотик. Именно эти металлисты, панки и т.п. – самые злостные прогульщики комсомольских собраний, именно они совершенно безразличны к общественной деятельности. Необходимо разработать серьезную, четкую программу борьбы» [2]. Совершенно очевидно, что молодежные субкультуры на этом этапе воспринимались как социально опасное явление. Интересно, что и до сих пор некоторые исследовали так и не преодолели этого негативного отношения к представителям «неформальной» молодежи.

Но в Республике Бурятия, к началу 1990-х не могло быть и речи о серьезном политическом протесте среди молодежи. Кроме того, молодежные движения начинают популяризоваться во многом благодаря средствам массовой информации. Так, уже в середине 1990-х гг.

самые деструктивные и агрессивно настроенные молодежные субкультуры и их представители появляются на экранах республиканского телевидения. Отсутствие цензуры привело к тому, что на экранах телевизоров открыто стали демонстрироваться сцены с распитием спиртных напитков и вскрытием вен на сцене во время концертов. В это же время стало разрешено проведение концертов-сейшенов, которые на определенном этапе стали неотъемлемой частью местной молодежной культуры и собирали как подростков, так и молодежь более старшего возраста. В тот период популярными сценическими площадками стали ДК ВСЖД (в молодёжной среде называемый «Дом алкогольного творчества»), ДК им. Серова, ДК «Савва», кинотеатр «Дружба», музыкальный колледж им. П.И. Чайковского. В 1997 году в центре города, на площади Советов выступила со своей музыкальной программой одиозная панк-группа «Оргазм Нострадамуса» (О.Н.). Делая попытку дать характеристику неформальному молодежному движению города Улан-Удэ первого периода, нельзя обойти стороной творчество указанной музыкальной группы. В рамках (и благодаря) деятельности этого коллектива возникла и активно стала развиваться философия «анархо-аморализма», а музыкально-песенное творчество коллектива стало философией, религией и одновременно образом жизни целого поколения молодежи города и республики. Более того, «движение гидроцефалов» получило настолько широкое признание в молодежных кругах, что снискало себе популярность и в других регионах России. Пожалуй, в г. Улан-Удэ на тот момент не было более яркого и своеобразного явления среди всех существовавших молодежных субкультур.

Лидер данного панк-коллектива Алексей Фишев («Угол»), трагически ушедший из жизни в 2003 году, стал крупным лидером молодежного движения и по сей день является центральной и особо почитаемой фигурой в рок-культуре республики. В целом это отдельная, большая страница в истории молодежной культуры Бурятии.

Для молодежи Бурятии, как и везде, на первом месте было характерное стремление выделиться из толпы, быть не таким как все, не подчиняться и не следовать общепризнанным нормам и правилам поведения. Особое значение приобрели эпатаж и ярко выраженное противопоставление себя «массе». Выражаясь молодежным языком, это значило «быть вне системы». А этому в свою очередь способствовал необычный внешний вид и соответствующая атрибутика, вкупе с шокирующей, агрессивной манерой поведения. Необходимо отметить, что в молодежной субкультуре часто мораль оказывается перевернутой.

К сожалению, к концу 2000-х гг. молодежные субкультуры в таком виде в каком они существовали в 1990-х гг. фактически сошли на нет. Сегодня из них исчез некогда свойственный им социальный протест, открытый бунтарский дух. Вместо этого, как совершенно точно отмечают исследователи, осталась ленивая, игровая имитация. Для подтверждения данной мысли проведём некоторые сравнения.

Во-первых, внешний вид представителей молодежных субкультур, некогда являвшийся наиважнейшим средством идентификации, консолидации, помогавший выделиться в толпе «своего», со временем утратил эту важную функцию. В 1990-х «неформально» одетый молодой человек на улицах города был скорее нонсенсом, вызывал в массах удивление и негодование, но сегодня молодежная атрибутика стала привычным явлением, некоей данью моде. Все реже можно встретить молодых одетых в «банданы», «балахоны» с названиями музыкальных групп или иной символикой, носящих «торбы», значки, цепи или ошейники. Более того, подобные проявления даже в среде той или иной субкультуры сегодня открыто осуждаются, не одобряются и вызывают насмешки. Слишком «пестро» одетый молодой человек стал восприниматься с некоторого времени как «пионер» (новичок) в противовес «олдовым» (старым) членам неформальных групп и по сути уже серьезно «своими» не воспринимается.

Во-вторых, по-нашему мнению, в прошлое уходит такая неотъемлемая часть субкультуры как «стрит» или уличное музицирование, которое было особо актуально в конце 1990-х - начале 2000-х гг. В это время многочисленные группы молодежи можно было встретить на главной улице города – улице Ленина (сегодня «Арбат»), в подземном переходе на Элеваторе (хотя там и сегодня эпизодически можно встретить музыкантов). Сезон «стритования» некогда начинался довольно рано, с наступлением первого мартовского тепла. Можно сказать, что это

были не просто уличные концерты, а особый ритуал, место встречи и общения, знаковое, символическое событие, объединявшее молодежь. Уличные концерты приносили не большие деньги, которые тратились на разные цели от покупки музыкальных инструментов до выпивки. «Стритование» является формой и разновидностью «аска» (попрошайничества), характерного для всей культуры андеграунда. Кроме него есть еще прямое попрошайничество, путешествие автостопом и пр.

В-третьих, давно утратили свое значение некогда популярные места встреч («тусовок») молодежи. Такие как «Шпиль» (памятник на пл. Революции), «Стена» («Стена Цоя») - располагающаяся за театром кукол «Ульгэр», «Болото» - кусты у в районе памятника воинам, погибшим в ВОВ на Проспекте Победы, «Модогойка» («МДГ», «Мордобойка») – в сквере им. А.У. Модогоева у здания Народного Хурала Республики Бурятия, «Гробы» - напротив главного корпуса БГУ, у памятника погибшим красноармейцам, «Санта Барбара» - за Бурятским Государственным Академическим театром оперы и балета и др. Современная же молодежь больше предпочитает проводить время не на улице, а в кафе, пабах и других, более комфортных местах.

Таким образом, мы считаем, что истинная сущность многих молодежных субкультур в Республике Бурятия на сегодня оказалась выхолощена и претерпела мощные изменения в сторону упрощения. И примитивизации. Молодежные движения влились в так называемый мейнстрим.

Примечания

1. Керви А. Молодежные субкультуры США и Великобритании с конца 40-х по наши дни [Электронный ресурс]. URL: <http://vookstock.narod.ru/diplom.html> (дата обращения: 02.05.2016).
2. Тантуров Г. Люди гибнут за металл! // Мы. 1989. № 5. С. 175-186.

УДК 738

Никульская А.Б.

ОБЕРЕЖНАЯ СЕМАНТИКА АНИМАЛИСТИЧЕСКИХ МОТИВОВ В ЮВЕЛИРНОМ ИСКУССТВЕ БУРЯТИИ

CHARM SEMANTIC OF ANIMALISTIC FORMS IN JEWELRY ART OF BURYATIA

В статье дается представление о значении анималистических мотивов с позиций обережной функции на примере традиционных образов, используемых в ювелирном искусстве Бурятии.

This article devote to meaning of animalistic forms from positions their charm function on the example of traditional images using in jewelry art of Buryatia.

Ключевые слова: ювелирное искусство Бурятии, обережная семантика, анималистические мотивы, традиционные ремесла Бурятии.

Keywords: jeweler art of Buryatia, charm semantic, animalistic forms, traditional crafts of Buryatia.

Популярное на современном этапе этнокультурное многообразие предполагает активный интерес к традиционной культуре, самобытности народов, в том числе к национальной культуре Бурятии. Это проявляется в восстановлении старинных обычаев, традиций, ремесел. В настоящее время в декоративно-прикладном искусстве широко используется включение разнообразных традиционных элементов в предметы быта и культа, одежду, в ювелирные украшения, через стилизацию элементов и их имитацию, что в свою очередь приводит к изучению и восстановлению национальных ремесел.

Ювелирное искусство Бурятии базируется на глубинном пласте национальной культуры края. История формирования бурятского этноса уходит корнями в далекое прошлое современного региона, в то время, когда на данной территории жили разные племена и народы, что в свою очередь воплотилось в синкретичном характере ювелирного искусства региона. Традиционно ювелирным искусством в Бурятии занимались «белые кузнецы» (сагаан дархад), в их сферу деятельности входила работа с цветными металлами, в отличие от «черных кузнецов» (хара дархад), которые работали в основном по железу, создавая орудия охоты, военного снаряжения (наконечники стрел, ножи, копья, топоры, шлемы, доспехи), предметы быта и орудия труда, принадлежности конской сбруи [11].

Изделиями из металла бурятские мастера украшали колчаны, элементы конской сбруи, детали костюма, например, мужские кожаные пояса [2]. Искусные дарханы производили также многочисленные женские украшения, как то: повседневные кольца, браслеты, амулеты, а также украшения для праздничного костюма: височно-нагрудные, накосные, боковые, наплечные, поясные. Украшениями дополнялся национальный костюм бурят, что вкупе производило впечатление единого ансамбля [3]. В процессе создания ювелирного изделия применялся широкий набор художественных техник, такие как гравировка, филигрань, штамповка, насечка, чеканка, чернение и серебрение и пр., что уже само по себе свидетельствует о развитой тореvтике бурятского этноса.

Искусность бурятских ювелирных изделий и мастерство самих ювелиров отмечались в различных трудах исследователей региона. Так знаменитый исследователь Сибири XVIII в. И. Георги упоминает в своих публикациях «братских (бурятских) кузнецов, среди которых есть «нарочито искусные... Работы свои производят так же проворно, как Тунгусские кузнецы, однако несколько совершеннее. Железные их вещи с серебряною насечкою славны по всей России под именем «братских». Они разбивают самое чистое китайское или так называемое ханское серебро в весьма тонкие листы, по сделанным из бересты образцам вырезают из оных птиц, зверей, цветы, двуглавых орлов и другие разные изображения. Ежели железные наборы

к уздам, седлам, колчанам ... хотя бы оными украсить, то разжигают в горнах и оптом накладывают серебряные вырезки, и насекают оными молотками и шероховатыми бороздками, на подобие терпугов, а чрез то серебро с железом как будто сваривается и пристаёт так крепко, что никогда не отваливается» [8]. Другой исследователь Сибири XVIII в. И. Гмелин так же подтверждает наличие у бурят высокоразвитого ювелирного искусства: «Они умеют накладывать железо серебром или золотом так красиво, что это выглядит как дамасковая работа...» [9].

В конце XIX – начале XX вв. национальное искусство еще сохраняло черты, уходящие своими истоками в глубокую древность. Особенно это касается бурят Иркутской области и соседних с ними обитателей предгорий Саянского хребта, Тунки, Оки, Закамны и некоторых других районов Прибайкалья. В этот период отчетливо появляются характерные особенности одежды и украшений различных регионов Бурятии и Читинской области.

Как и у других народов мира, первоначально украшения у бурят создавались в целях магической или обережной функции, защищая от злых духов и опасностей. Считалось, что чем древнее и старее были украшения, тем большую ценность они собой представляли. Ювелирные изделия еще именовались «вечной ценностью» (зуудхэл, гоёолто), а выполненные из драгоценных металлов помимо декоративной, знаковой (статусной) и эстетической функций, также воспринимались как носители «жизненной силы», отводящие от носителя различные виды зла, болезни. Такое сакральное отношение к ювелирным изделиям было тесно связано с культом огня и железа, со времен пришедшего на данную территорию шаманизма. Бурятами издавна почиталось железо, как божественный дар, что в свою очередь приводило к наделению металла магической силой. По этой же причине деятельность кузнецов приравнивалась к жреческой.

Бытовало представление о том, что у каждого человека есть своя жизненная энергия – душа, которая по какой-либо причине может покинуть тело, после чего с человеком происходили разного рода несчастья, ухудшение здоровья и иные отклонения. Так ночью жизненная энергия через выступающие конечности тела (будь то пальцы, уши, глаза, ноздри или рот) могла покинуть тело. Для того чтобы воспрепятствовать этому процессу, человек должен был носить кольца, серьги, цепочки, браслеты, тем самым сохраняя душу или жизненную энергию в своем теле. Лечебными и обережными силами наделялся железный топор или нож, положенный в непосредственной близости от больного или спящего человека [11].

Ювелирное искусство Бурятии носит синкретичный характер и состоит из множества образов, как собственных, так и заимствованных из других культур в период формирования этноса. Бурят-монгольские анималистические образы в ювелирном искусстве относят нас к первоисточкам кочевого уклада жизни этноса, где основным источником создания данных мотивов выступает окружающая природа. К ним относятся натуралистические или схематизированные изображения фигур животных, частей их тела. На самых разных предметах встречаются изображения пяти главных видов скота («табан хушуун мал»), разводимых кочевниками Центральной Азии: морин эрдэни (букв. «конь драгоценный»), ухэр (крупный рогатый скот), хонин (овцы), ямаан (козы), тэмээн (верблюды) [10].

Символ коня очень популярен и любим в народном искусстве Бурятии, так как он считается небесным священным животным. Для кочевников конь представлял собой надежного помощника, богатство, оружие, радость и гордость, служил источником пропитания, как в подсобном, так и в прямом смысле слова, потому атрибуты, связанные с конем сакрализировались и украшались. По сей день образ коня так или иначе встречается в произведениях современных мастеров-ювелиров Бурятии, таких как Д. Намдакова. Редкий бурятский ювелир обходит данный образ в своих творениях.

Не менее популярны изображения животных восточного календаря, вкуче символизирующих пожелание благоденствия и долголетия [1]. Наиболее распространенным мотивом данной группы является изображения рога – эбэр угалза (букв. «рогатый орнамент»). Слово «угалза» имеет также другую трактовку – обозначая самца горного барана, который распространен в некоторых районах Бурятии, а также в Монголии. Традиционной основой жизни скотоводов являлся скот: бараны, козы, коровы. Логично предположить, что самый отличительный

тельный элемент тела животного – рога – был взят в основу бурятского орнамента, символизируя благоденствие, достаток, процветание, а также плодородие скота и в целом хозяйства.

Также к анималистическим бурят-монгольским мотивам следует отнести тотемные символы. По преданию каждое родовое объединение бурят имело свое чтимое животное – тотем, с которым оно связывало свое происхождение. Галданова Г.Р. в своей работе отмечает, что существует четыре племени бурят: булагат, эхирит, хори и хонгодор [7], названные так по именам своих легендарных предков. У племени эхирит тотемом был пестрый налим, булагаты имели в качестве тотема сивого подоза (быка), племя хонгодор – лебедя, племя хори – гуся [4]. Также в трудах некоторых ученых отмечается, что некоторые рода ведут свое начало от волка (шоно), вепря (бодонгут), орла (у части хоринских родов, с ольхонской стороны).

Однако в ювелирном искусстве эти мотивы встречаются довольно редко, за исключением рыб (мотив парных рыбок по сей день встречается в женских нагрудных украшениях – *һиихэ*, а также стилизованных узорах в виде чешуек), еще реже быков (в медальонах). Древние боевые доспехи кочевников (шлемы, панцири) выглядели имитацией рыбьей чешуи, ей же украшалось обрядовое шаманское облачение – *хуяг*, которое надевалось во время подношения природным духам (*камлания*) черными шаманами. В буддийской традиции изображение парных рыбок (*сырня*) являлось одним из символов – жертвоприношений («найман тахил»). Рыба, как существо, связанное с водой, одним из символов четырех стихий, символизирует бдительность, также выступала одним из распространенных атрибутов женской символики.

Также к анималистическим мотивам, встречающимся в украшениях, можно отнести совокупность индо-тибетской и китайской символики, вошедшей в традиционное ювелирное искусство Бурятии с принятием буддизма. Так, на календарях Литэ (12-тигодичный бурят-монгольский календарь), на ножнах, на нагрудных украшениях *гуу* изображают 12 животных восточного календаря. Изображение каждого животного имеет свой определенный смысл. Так, мышь – животное, с которого начинается 12-летний цикл, – атрибут божества Намсарая, дарующего людям богатство. Из рта её падают священные камни *чиндамани* (*зэндэмэни*), приносящие людям богатство, изобилие. Обезьяна означает человеческую фантазию, которая развивается на древе воображения; тигр – храбрость, в буддизме – один из четырех животных – оберегов; змея – мудрость. Дракон – гибрид нескольких животных, включая змею, ящерицу, птицу и даже льва – мифический персонаж, используемый во многих культурах. Древнейшая символика дракона как варианта змеи ассоциируется с ритмической жизнью, иногда как *ипостась* змеи – символ мудрости, бессмертия и вечного возрождения [12].

Не менее популярным мотивом зооморфной группы является львиный образ. Изображение с его фигурой встречается в мебельной росписи: на сундуках, божницах, а также на изделиях бурятских мастеров-чеканщиков – на мужских поясных комплектах: ножнах ножей, на огнивах, помимо этого образ льва мог наноситься и на женские поясные украшения – *һанжуурга*. Однако, его фигурами украшались различные культовые предметы, так как лев считается символом силы и сильным оберегом против зла. Изображения львов нередко трансформируются в образы собачек, более понятных и близких для скотовода. Существует множество художественных трактовок льва, но даже со свирепым оскалом он предстает по сути добрым, каким и должен быть в народном представлении, защитник и помощник людей [5].

Образ черепахи присутствует в ювелирном искусстве Бурятии в мотиве орнамента «шоу», олицетворяющим черепаший панцирь: он выполнен в форме круга, с симметричными сегментами внутри. Символ черепахи древен, как и представления о мире, зачастую ее образ олицетворяет земную твердь, а панцирь уподобляется небесному своду. В монгольской традиции черепаха выступала в роли посредника между небом и землей. Узор на черепашьем панцире воспринимался за своеобразный лабиринт, витиеватое письмо, потому черепаха символизировала мудрость, помимо этого также считалась символом долголетия, бессмертия.

На современном этапе ювелирное искусство проникло практически во все области деятельности человека. Ювелирное произведение может включать элементы живописи, скульптуры, графики, выступать как инсталляция, перформанс [6]. В ювелирном искусстве сложилась своеобразная система образов, которая включает в себя традиционные, растительные, анима-

листические, геометрические, антропоморфные, космогонические образы и мн. др. Также современный период предполагает эклектику в ювелирных украшениях, где в одном изделии иногда искусно сочетаются элементы самых разных эпох и исторических стилей. Однако, несмотря на выступающую на передний план декоративную функцию украшений, бережная семантика анималистических мотивов, тесно переплетенная с традиционными образами ювелирного искусства Бурятии, по сей день пусть и завуалированно, но продолжает выполнять свою функцию.

Примечания

1. Бабуева В. Д. Мир традиций бурят. Улан-Удэ : Улзы, 2001. 142 с.
2. Бадмаев А. А. Ремесла у агинских бурят [Электронный ресурс]. Новосибирск, 1995. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01000102784#?page=1>. (дата обращения: 23.03.2016)
3. Бадмаева Р. Д. Бурятский народный костюм. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1987. 141 с.
4. Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. Ч.1. Булагаты и эхириты. Улан-Удэ, 1970. 362 с.
5. Баторова Е. А. Декоративно-прикладное искусство // Буряты. М. : Наука, 2004.
6. Габриэль Г. Н. Интеллектуальные игры в ювелирном искусстве: XXI век // Тр. Санкт-Петербург. гос. ун-та культуры и искусств. 2013. Т. 198.
7. Галданова Г. Р. Доламаистские верования бурят. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1987. С. 44-58.
8. Гирченко В. Русские и иностранные путешественники XVII, XVIII и первой половины XIX веков о бурят-монголах. Улан-Удэ, 1939. С. 19.
9. Жамбалова С. Г. Буряты. Скотоводство [Электронный ресурс]. URL: http://irkipedia.ru/content/buryaty_skotovodstvo (дата обращения: 31.03.2016)
10. Маншеев Д. М. Развитие кузнечного ремесла на северо-востоке Центральной Азии // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2012. Вып. 8.
11. Материальная культура и искусство народов Забайкалья : сб. ст. Улан-Удэ : БФ СО АН СССР, 1982. 94 с.
12. Соктоева И. И. Традиционное творчество и народные промыслы Бурятии // Проблемы традиционной культуры народов Байкальского региона. Улан-Удэ, 1999. С. 188-191.

УДК 792(571.52)

Найдакова В.Ц.

ТУВА ТЕАТРАЛЬНАЯ, ТУВА ГОСТЕПРИИМНАЯ, ОТКРЫВАЕТ СЕБЯ МИРУ THEATRICAL TUVA, HOSPITABLE TUVA IS OPENING TO THE WORLD

В статье рассказывается как широко и красиво отмечали в Туве юбилей 80-летия Национального музыкально-драматического театра им. Виктора Кок-оола. Юбилей прошел как общенародный праздник для всех жителей и гостей республики. Организаторы щедро делились ценностями древней культуры и достижениями современного национального искусства Республики Тува.

The article tells about the beautiful celebration of the 80th anniversary of the National Music and Drama Theatre named after Victor Kok-ool. It was celebrated as a national holiday for all the citizens and visitors. The organizers presented the values of the ancient culture and the achievements of modern national art of the Republic of Tuva.

Ключевые слова: Республика Тува, национальный театр, драматург, режиссер, культурные центры, скульптурный комплекс, «Центр Азии».

Keywords: Republic of Tuva, national music and drama theatre, playwright, director, centers and sculptural complex, “the Center of Asia”.

В соседней с нами республике Тува, где дружно живут более 100 этносов, 2016 год объявлен годом гостеприимства. И как пояснил сотруднику газеты «Гостеприимная Тува» № 1 (10) 2016 глава республики Шолбан Валерьевич Кара-оол: «Главная тема года родилась не случайно – настало время по-настоящему открыться миру, познакомить его с нашей древней культурой, историей, уникальными природными и археологическими памятниками. Приглашаю в Туву. Мы рады гостям». И возможно, одна из первых встреч с гостями в этом году состоялась совсем недавно, в марте, когда в Кызыл съехались гости, приглашенные на юбилей 80-летия Национального музыкально-драматического театра Республики Тува им. В. Кок-оола. Прибыли гости из разных городов России, дальних и ближних: Санкт-Петербург, профессура государственной академии театрального искусства, подготовившей 4 выпуска актеров для тувинского театра; Москва – главный редактор журнала «Театральная жизнь» О.И. Пивоваров; Казань – дирекция академического татарского театра им. Г. Камала; Горноалтайск – министр культуры Э. Малчинов, художник Горноалтайского театра Э.Иришева; Абакан – делегация трех театров Хакасии: РДТ им. М. Лермонотова, Национальный драматический театр им. А. Топанова, театр для юношества «ЧИТИГЕН»; представительная делегация из Улан-Батора (МНР), директор академического театра им. Нацагдоржа М. Цэрэнсамбу с мастерами и руководители периферийных театров. Бурятию представляла профессура Восточно-Сибирского государственного института культуры в составе 3-х человек. Юбилей 80-летия Национального музыкально-драматического театра им. Кок-оола прошел как большой красивый праздник культуры и искусства Республики Тува. В нем было задействовано все самое интересное, ценное, интригующее людей сегодня: сокровища, хранящиеся в Национальных музеях, туристические и скульптурные комплексы, различные культурные центры, а также театральные коллективы, работающие здесь в Кызыле рядом с торжествующим юбиляром – Национальным музыкально-драматическим театром им. В. Кок-оола. Программа для гостей была очень насыщенной, содержательной, увлекательной. Мы едва успевали покинуть свои автобусы, чтобы ознакомиться с достопримечательностями Национального музея – редкостными золотыми находками, раскопанными археологами и волонтерами в курганах Долины царей, удивиться и восхищаться искусством древнейших мастеров, как надо снова удивляться и восхищаться тут же, выйдя на берег Енисея, знакомясь с экспонатами скульптурного комплекса «Сердце Азии», созданном по проекту нашего замечательного земляка Даши Намдакова. Комплекс удивительный, чарующий и открывающий для нас таинственный мир ушедших времен. И в какой совершенной форме все это представлено! Нас снова ждут автобусы, едем за город в степь, горы и лес. Здорово! В 45 км расположен туристический комплекс «Алдын-Булак». Надо было, полюбовавшись красотой пейзажа, подняться на достаточно высокий склон, то есть «горку» под тем же названием Алдын-Булак и поучаствовать в шаманском обряде Сан-Салары, проведенном живо, артистично, известным шаманом Монгуш Лазо. Для многих из нас это было неведомо, занятно, интересно. Обедаем в юрте, оборудованной как ресторан, а затем садимся в машины и подъезжаем к помещению, где сейчас располагается государственный театр кукол, смотрим спектакль «Пор бажын». Это опять о тайнах старины, о том, что услышал заблудившийся путник, нашедший ночлег у священного дерева, неподалеку от развалин древнего сооружения. Актеры все молоды, увлечены своим делом, «ушли» совсем в своих героев. Смотреть на них, вслушиваться в их речь приятно. Мы пообщались с исполнителями, узнали про их проблемы, пожелали им успехов в творчестве и поехали ужинать в ресторан-юрту, уже другую. На следующее утро посещение национального музея «Алдан-Маадыр». Я давно люблю этот музей, познавала некоторые факты из истории Тувы по материалам, выставленных в нем. Это ценно, дорого для сердца, ибо республика изучает и хранит свою историю бережно, обучая этому посетителей. Но был неожиданным для меня концерт, прослушанный нами в цокольном зале музея, где Галина Мунзук вместе со своими партнерами Илья Синкин – фортепиано, Эльвира Докулак – вокал, доставила нам, зрителям, большое удовольствие. Галина Мунзук, дочь прославленных мастеров Тувинского театра Кара-Кыс и Максима Мунзуков, много лет играла в театре после окончания училища им. Щукина в Москве, стала народной артисткой республики. А несколько лет назад решила перейти на эстраду – читает стихи, рассказы, разыгрывает миниспектак-

ли. В этот день она читала стихи русских и современных поэтов. Читала артистично на русском языке удивительно тонко, проникновенно, артистично. Я получила большое удовлетворение, слушая любимые стихи Лермонтова, Пушкина и других авторов. Не упомянуть об этом концерте я не могла. Это было истинно хорошо. А главное представление состоялось все же в первый же вечер, 25 марта на сцене Национального театра-юбиляра. Это была премьера спектакля «Сын синего неба», по пьесе только что завершённой Э. Мижитом, очень талантливым драматургом, в постановке главного режиссера Музыкально-драматического театра Алексея Ооржака. Это рассказ о жизни выдающегося драматурга Тувы Виктора Кок-оола, развернутый с детства (6-7 лет) и по этапам до последних дней. Сложная смесь-коллаж почти достоверных, документальных моментов с лирико-поэтической непосредственной подачей некоторых периодов жизни и с погружением в драматические переживания талантливого автора, столкнувшегося с непониманием его творческих идей. Конечно же, этот незаурядный спектакль будет жить и углубляться в дальнейшем, ибо есть моменты донныне мало кому известные. И художественная правда, правда искусства тут будет найдена достойно.

Четыре исполнителя, начиная со школьника младших классов и до заслуженных и народных артистов, заняты в роли главного героя. Алексей Кара-оолович Ооржак удивительно неожиданный глубокий талант, выходящий в своих спектаклях к истинным ценностям. Всегда думала, что тувинскому национальному театру крупно повезло, что лидер такого масштаба возглавляет его. Ведь с конца 90-х гг. Тувинский музыкально-драматический театр им. Кок-оола много раз становится победителем международных фестивалей тюркоязычных театров в Уфе, Казани, Стамбуле; лауреатом на фестивале «Белая Вежа», «Сибирский транзит» и даже премии «Золотая маска» в Москве. А в 2003 г. конгресс интеллигенции России в Москве признал Тувинский театр лучшим театром года, наградил Почетной золотой медалью им. Д. Лихачева.

Торжественный вечер, посвященный юбилею 80-летия Национального музыкально-драматического театра им. Кок-оола начался 27 марта открытием музея театра-юбиляра. Все зрители прошли по залам цокольного этажа, где была представлена с подробностями вся интересная история театрального коллектива, который стал гордостью республики. Чествования, поздравления творческого коллектива прошли очень хорошо. И здесь задавал тон глава республики Тува Ш. Кара-оол вместе с членами правительства. Все деятели театра – юбиляра были по заслугам награждены, отмечены правительственными наградами. А меня тронуло еще дальнейшее – руководство театра в свою очередь отметило и наградило весь персонал театра, всех работников, которые готовят каждую новую постановку в своих цехах, на своем рабочем месте. Были названы, приглашены на сцену, получили вознаграждения в виде почетных грамот, благодарственных писем, медалей, каких-то подарков. От бутафоров, парикмахеров, гримеров, осветителей до дежурного на вахте, от пожарника до техников, отвечающих за чистоту и порядок – все получили вознаграждения за свою работу. Важно было наблюдать этот процесс, быть свидетелем торжества, праздника для всех в день юбилея Национального театра.

Приехав на юбилей театра, я увидела, открыла для себя новую Туву, радовалась ее динамичному развитию, широте новых улиц, новым многоэтажкам, замечательному скульптурному комплексу «Центр Азии», ценностям Национальных музеев, блеску туристических центров и комплексов. Я увидела своими глазами – республика Тува хочет и становится гостеприимной, ее глава Ш. Кара-оол ратует за единение народов. А это сегодня самое главное в нашей жизни.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ БУРЯТСКОЙ ТАНКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ SOME ASPECTS OF THE CONTEMPORARY BURYAT TANGKA

В данной статье рассматривается состояние бурятской танка в нач. XXI в. На примере работы факультета живописи Буддийского университета им. Д.Д. Заяева, деятельности преподавателя университета танкописца Доржиева Чимит ламы разбирается процесс обучения студентов, собственные работы в технике танка и скульптуры, написанные по заказу дацанов Бурятии. Таким образом, на современном этапе сохраняется преемственность традиции бурятской танка.

This article discusses the status of the Buryat tangka at the beginning of the 21st century. The author uses the example of the faculty of painting of the D. D. Zayaev Buddhist University and the activity of the university instructor, the tangka painter Chimit Lama Dorzhiev, to understand the teaching process, analyses his work in the tangka technique and sculpture, painted and sculpted by order of the datsans of Buryatia. Thus, at the present stage there is a continuity of traditions of the Buryat tangka.

Ключевые слова: буддизм, дацан, скульптура, стиль, танка, традиция, цвет.

Keywords: Buddhism, temple, sculpture, style, tangka, tradition, color.

В настоящее время в Бурятии продолжает развиваться искусство танка. Современные мастера следуют по пути почти трехвекового развития этой традиции. Глубокий кризис, который претерпело буддийское бурятское искусство в годы советской власти, оставил глубокий след разрушений. В советский период вплоть до 80-х гг. XX в. искусство бурятской танка было на грани исчезновения, но, благодаря выдающимся личностям, таким как Данзан Дондоков (1895-1983 гг.), Жимба-Жамсо Цыбенев (1904-1995 гг.), а также их ученикам, работы которых относятся к 1980-м гг.: Нимацырен Дондоковой, Дашицыренову Цыван ламе, Александру Кочарову, Батодалай Дугарову, Николаю Дудко, живая традиция бурятской танка была сохранена. В нач. XXI в. начинают работать молодые художники танка, среди них Василий Цыбиков, Доржиев Чимит-лама, Баярма Ободоева.

Остановимся на периодах развития. Ранняя бурятская танка датируется 30-40-ми гг. XVIII в. и продолжается до середины XIX в., когда начинается т.н. «стилевая реконструкция» бурятских храмов. Период с сер. XIX в. продолжается до конца первой четверти XX века, связан с расцветом всех видов дацанского искусства. Следующий период – это 60-80-е гг. XX в. Современный период можно определить хронологически с 90-х гг. XX в. по нач. XXI в.

Бурятские танка XVIII в. практически не датируются по десятилетиям, о дацанском искусстве данного периода мы узнаем из записок путешественников, первых ученых Сибири, например, «... во время второй камчатской экспедиции Г.Ф. Миллера (1733-1743 гг.) ... в петербургские фонды Кунсткамеры поступили танка бурятской работы [2, с. 179]. В связи с танка XVIII в. можно говорить не о школе, а об отдельных мастерах, которые стали не просто копировать образцы, а создавать собственную манеру исполнения; «...своеобразие «старинной» бурятской иконы возникло на основе местной переработки тибетской и монгольской иконы XVI-XVII вв.», – пишет К.М. Герасимова [1, с. 246]. Ранние бурятские танка отличает строгое цветовое сочетание, в том числе, с применением черной краски. Фигуры почти полностью заполняют плоскость, оттого они кажутся монументальными, привлекают крупными пропорциями, отсутствием мелкой детализации. Фон наполнен ощущением простора, представляя единое цветовое пространство. Тем не менее, размеры танка в среднем равны 40х30 см, исходя из данных альбома «Буддийская живопись Бурятии» (по материалам фондов музея Истории Бурятии им. М.Н. Хангалова) [3].

В сер. XIX в. формируется целое поколение художественных школ бурятских мастеров. Наиболее известные: Оронгойская художественная школа, основателем которой является Сан-

жи-Цыбик Цыбиков (1877-1934) и школа хоринских дарханов, о которой пишет С.-Х.Д. Сыртыпова [2]. Сложилась традиция внутреннего убранства бурятских цокчинов, с обязательным перечнем танка у входа, стен, алтаря. Можно отметить, что в этот период утверждается иконографический канон в образовательной системе монастырей гелуг-па, преобладает стиль менри. Танка этого периода отличаются обилием мелкой детализации фона, царственных украшений, драпировок. Вводятся новые цветовые тона: фиолетовый, салатный, бардовый, белый, чаще применяется позолота. Сюжетная линия танка наполняется новым содержанием: тантрические божества, космология, в том числе изображение мандалы; появляются житийные сцены, анималистика, а также, сюжеты к буддийским притчам. В нач. XX в. под влиянием социально-культурных научно-технических изменений, под влиянием обновленческого движения ламаизма, художники стремятся обновить содержание танка, вплоть до начала репрессий 1930-х гг. В годы советской власти буддийское искусство танка «ушло в подполье», передавалось от учителя к ученику, таким образом, сохраняя традицию.

В данной статье мы обратились к деятельности бурятского танкописца Доржиева Чимита. Чимит-лама с 2009 года преподает в Буддийском университете Даши Чойнхорлин им. Д.Д. Заяева, на факультете живописи. Открытие факультета живописи в 2000 г. стало важным событием в деле возрождения и укрепления искусства бурятской танка, а также системы буддийского монастырского образования. Можно отметить, что первые преподаватели, бурятские художники-ламы: Д. К. Цыбиков, Ц. П. Санжиев, Б. Эрдынеев, обучались в Монголии, в монастыре «Гандан Тэкчэнлинг Хийд»; там же обучался Чимит-лама. В настоящее время он живет на своей родине, в селе Верхняя Иволга, Иволгинского района. Здесь окончил школу, затем стал хуваракком (бур.), то есть студентом Иволгинского дацана, и через год поехал на учебу в Монголию. Доржиев Чимит-лама сегодня стал авторитетной фигурой в области буддийского искусства и буддийского образования. С 2012 г., ежегодно, по инициативе Республиканского центра народного творчества (РЦНТ) г. Улан-Удэ, Доржиев Чимит-лама проводит мастер-классы, посвященные стилю «буряад-зураг» (бур.) на примере живописи, для всех интересующихся бурятским традиционным искусством. Среди его работ: портрет XII Хамбо Ламы Д. Д. Итигэлова (2,5x2 м, 2008 г. Дворец Хамбо Ламы, Иволгинский дацан); танка Белой Тары для дворца Белой Тары в местности Талын Харгана (80 см x 1,80 м, 2007 г.), для того же дворца написаны в 2014 г. три танка одного размера (1,10 x 1,50 м): танка с изображением Д. Д. Заяева, "Будда Шакьямуни", "Ямантака"; танка "Три божества долголетия" (2,20x1,80 м. 2014 г.), танка "Отошо" (1,20x1,50 м 2014 г.) для Тамчинского дацана. Довольно большие размеры работ сделаны по предложению заказчиков. Сам Чимит лама говорит: «Танка должна помогать людям – это главная задача художника, тогда он сам получает *буин* (бур.) добродетель, накопление добродетели важно для обретения здоровья, семейного благополучия, для художника-ламы буин – это также возможность рисовать танка» (из беседы от 24.01.16 г.).

В планах факультета живописи провести совместную выставку иконописных работ педагогов и студентов. В 2002 г. выставка такого формата проводилась в музее Истории Бурятии им. М. Н. Хангалова (ныне Национальный музей РБ). Такие выставки проводятся не столько для раскрытия авторства, сколько с целью просвещения народа, стремления содействовать всестороннему интересу к бурятской танка.

Кроме преподавательской деятельности на факультете живописи Буддийского университета с 2006 г. ведутся реставрационные работы, в ряде случаев проводится совместная работа с реставраторами из центральной части России. Так, из фондов музея Истории Бурятии им. М.Н. Хангалова переданы в Иволгинский дацан произведения выдающегося бурятского мастера оронгойской художественной школы Санжи-Цыбик Цыбикова (1877-1934 гг.): скульптуры Зеленой Тары и Белой Тары, сейчас находятся в алтарной композиции цокчин дугана; статуя Богдо Цзонхавы находится в алтарной композиции Джуд дугана. Также для цокчин дугана была отреставрирована статуя Зугдэр Намжилма, принадлежащая школе С.Ц. Цыбикова. Совместно с искусствоведом, танкописцем Н.Д. Дондовой была отреставрирована статуя Будды Авалокешвары одиннадцатиликого божества, которая, по мнению мастеров, принадлежит к произведениям китайской школы, не ранее второй пол. XIX в.

Большое количество работ создается по заказам дацанов республики. В.В. Цыбиков, Ц.П. Санжиев выполнили скульптурную композицию Будды и шестнадцати архатов для дацана Закаменского района, две танка «Гомбо Сахюусан» и «Дуйнхор» написаны для цокчин дацана Мурочинского дацана и др. В 2006 г. преподаватели факультета Д.К. Цыбиков, В.В. Цыбиков, Ц.П. Санжиев выполнили деревянную скульптуру XVII Пандито Хамбо Ламы Лубсан-Нимы Дармаева, одного из основателей Иволгинского дацана (1946 г.), тем самым возродив традицию бурятской буддийской деревянной скульптуры. Для работы использовали кедр и минеральные краски. Чимит- лама также обращает внимание на развитие скульптурного мастерства, уже сегодня выполнены со студентами несколько работ в технике жидкого камня.

Преподавательская деятельность на факультете живописи рассчитана на пять лет. В первый год обучения студенты учатся наносить контуры, тонировать, выполнять элементы земли, воды, огня, ветра. Далее следуют изображения растений, цветов, затем животных: тигров, слонов, драконов, птиц. На старших курсах студенты переходят к написанию самой танка. Тема дипломной работы назначается преподавателем, который дает разрешение на самостоятельную работу, оценив, как профессиональные, так и духовные качества своего студента.

Процесс развития и укрепления бурятской танка движется, творчество молодых танкописцев является примером продолжения традиции. В настоящее время кадровый вопрос в буддийских дацанах Бурятии уже не стоит с такой остротой как ранее, в 90-е гг. XX в. Деятельность танкописцев на современном этапе все более востребована в дацанах Бурятии, востребована в качестве реставраторов старинных танка и скульптур, а также в качестве преподавателей в системе буддийского образования.

Примечания

1. Герасимова К. М. Вопросы методологии исследования культуры Центральной Азии. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. 341 с.

2. Буддизм в истории и культуре бурят / ред. И. Р. Гарри. Улан-Удэ : Буряад-Монгол Ном, 2014. 418 с.

3. Буддийская живопись Бурятии (из фондов музея Истории Бурятии им. М. Н. Хангалова) : альбом / вступ. ст. Ц.-Б. Бадмажапова. Улан-Удэ : Нютаг, 1995. С. 211.

УДК316.77

Олзоева Г. К.

УЧАСТИЕ ВСГИК В МЕЖДУНАРОДНОМ ИССЛЕДОВАНИИ «ВИЗУАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ ВО ВСЕМ МИРЕ» (ВИЗУАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНФОРМАЦИИ)

THE PARTICIPATION OF EAST SIBERIAN STATE INSTITUTE OF CULTURE IN THE INTERNATIONAL RESEARCH PROJECT “VISUAL INFORMATION ALL OVER THE WORLD” (VISUAL METHODS OF INFORMATION RESEARCH)

В статье освещаются основные этапы участия в международном исследовании проводимым университетом Торонто (Канада). Объектом исследования были студенты выпускных курсов ВСГИК - будущие специалисты библиотечно-информационной сферы и музейного дела. Освещается методика и процедура визуального исследования. Приводятся результаты первых этапов и намечены перспективы дальнейшей работы по проекту.

The article highlights the major stages of participation of East Siberian state Institute of culture in the international research done by the University of Toronto (Canada). The graduates of East Siberian state Institute of Culture, future specialists in library-information and museum management spheres, were the object of the research. The methods and procedure of visual research are given. The results of the first stages are presented and the perspectives of further project work are outlined.

Ключевые слова: информация, международное исследование, Университет Торонто, визуальные исследования.

Keywords: information, international research, University of Toronto, visual research.

Подготовка библиотечно-информационных кадров и специалистов музейного дела во многом основана на изучении теории информации, закономерностей функционирования ее в обществе, сборе, хранении, переработке, организации и использовании. Одной из проблем, изучаемых специалистами в области информации, является терминологический анализ понятия «информация». Оно стало исходным для многих наук и вошло в теоретические основы не только гуманитарных, но и математики, экономики, естествознания и др. Исходным для определения этого понятия принято считать латинское «informatio» - «разъяснение, осведомление, понимание, сообщение или сигнал, совокупность данных, сведения, рассматриваемые в контексте их содержания, структурной организации, динамики (процессов создания, передачи, восприятия, использования, репрезентирования, анализа, хранения и т. п.)» [1]. Можно отметить неоднозначность трактовки этого понятия в разных науках. Не вдаваясь глубоко в терминологический анализ, можно сказать, что существующие подходы к изучению этого феномена дают широкую возможность проникновения в сущность этого явления. Именно поэтому нас заинтересовало международное исследование, которое проводит университет города Торонто (Канада), их инновационный подход к изучению природы информации – «Визуализация информации во всем мире». Мы считаем, что оно в полной мере соответствует современной тенденции визуализации культуры, которая проявляется во многих социальных явлениях и, особенно, четко – в менталитете молодежи. В последние годы достаточно большое распространение получили визуальные исследования, которые позволяют расширить горизонты понимания различных явлений. Такой подход, осуществленный в данном исследовании, несомненно, будет способствовать более глубокому пониманию природы информации. В июле 2014 года кафедра библиотечно-информационных ресурсов Восточно-Сибирского института культуры получила приглашение от университета г. Торонто (Канада) принять участие в данном исследовании. Руководство института и заведующих кафедр библиотечно-информационных ресурсов, музейных технологий и охраны наследия одобрили участие в данном исследовании. Важным

для нас является то, что университет Торонто также ведет подготовку библиотечно-информационных и музейных кадров. Наш институт 55 лет готовит кадры культуры и неоднократно принимал участие во всероссийских и региональных исследованиях, но в международном – редко. Особый интерес представляет то, что будущая профессия наших студентов тесно связана с информацией, ее спецификой в разных видах библиотечно-информационной и музейной деятельности.

Организатор исследования профессор **Дженна Хартельский**, Университет Торонто, Канада [2]. Проект реализуется в странах, готовящих кадры для библиотек и музеев. Наш институт является одним из одиннадцати стран, принимающих участие в исследовании: **Стефани питания** Университет Торонто, Канада, Павел Danzanov, Университет Торонто, Канада, Lucas Алмейда Федеральный университет Параиба Бразилия, **Adriana Карла Силва де Оливейра** Федеральный университет Параиба, Бразилия, **Fidelia Ibekwe-Санхуан**, Экс-Марсель университет, Франция, **Isto Huvila**, Академия Або Финляндия, **Зохре Дегани Champiri**, Исфahan университета медицинских наук, Иран и университет Малайи, Малайзия, **Галина Olzoeva**, Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств, Россия, **Тянь-I Tsai**, Национальный университет Тайваня, Тайвань **Ребекка Noone**, университет Торонто, Канада То-ни Карбо, Drexel University.

Дженна Хартель разработала методику визуального исследования в соответствии с этическими принципами для проведения исследований с участием человека. Дизайн исследования был одобрен Управлением по этике научных исследований университета Торонто. Разработаны этические принципы сбора карточек iSquares при работе со студентами: забота о безопасности; получение устного согласия студентов для участия в исследовании; возможность отказа – участие не является обязательным; анонимность исследования. Цель проекта состоит в анализе полученных рисунков, определить общие визуальные представления об информации среди студентов по всему миру. Объектом исследования являются студенты выпускных курсов, обучающиеся по программам «Библиотечно-информационная деятельность», «Музейное дело и охрана памятников», «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия». Предметом исследования является визуальное восприятие информации.

При получении методических и исследовательских методик мы приступили к их тщательному изучению. Надо отметить, что все методические рекомендации составлены четко, понятно, удобно для проведения исследования. Никаких вопросов по процедуре исследования не возникло ни у преподавателей, ни у студентов.

К подготовке проведения исследования подключился учебный отдел: была выделена аудитория, предоставлен квалифицированный фотограф. В процессе проведения исследования принимали участие заведующие кафедр, которые были заинтересованы в приобщении студентов к международному исследованию. Именно они провели предварительные беседы со студентами и получили их согласие на участие в исследовании. Все они отмечали, что студенты проявили большую заинтересованность и даже горды тем, что представляют Россию в международном исследовании.

Сама процедура исследования была проведена четко по методическим указаниям. Они разработаны Д. Хартли в «Инструкции по сбору данных iSquares» [3]. Преподаватель, проводивший исследование, зачитывал вступительные слова точно по Инструкции. После этого студентам были розданы белые картонные карточки размером 10 на 10, одинаковые шариковые ручки с черной пастой. Им было предложено на чистой стороне квадрата в виде рисунка ответить на вопрос «что такое информация». Затем на обратной стороне надо было написать несколько слов о своем рисунке. Время заполнения карточек 10 минут. После этого карточки были собраны, студентам и преподавателям выражена благодарность за участие в проекте. Всего опрошено сорок студентов. Они были информированы о том, что они могут увидеть свои iSquares на сайте исследовательского проекта (www.Squares.Info). Преподаватель, проводивший исследование, четко по Инструкции заполнил информационный лист, все рисунки и фотографии запечатал в один пакет и отправил в Торонто, авторам проекта. Наша работа была принята, оценена положительно и в адрес организатора пришло благодарственное письмо от

университета Торонто. По результатам отчета нам предложили принять участие в международной видеоконференции. Видеоролик с результатами данного этапа был составлен с синхронным переводом на английский язык и продемонстрирован 8 ноября 2015 года в Сент-Луисе, Миссури [4] Hartel, Ж. (2015). *Визуализация информации по всему миру*. Панель на АСИС&Т 2015: 78-й ежегодной встрече американского общества информационной науки и технологии (Сент-Луис, Миссури, 7-12 ноября 2015). С Тони Карбо, Ребекка никто, Стефани Мощность, Павел Danzenov, и Бриджит Келли.)

Следующий этап исследования направлен на анализ рисунков. Каждый из стран-участников обрабатывал карточки своих студентов. Руководители проекта разработали компьютерную методику кодирования элементов рисунка. Мы осуществляли обработку своих сорока карточек. Нам прислали по интернету кодировальную таблицу, по которой мы должны ввести наши карточки. Сама методика достаточно интересная. Все визуальные символы разбиты на шесть Переменных (блоков) с подробной инструкцией их заполнения, в каждом из которых от 5 до 32 позиций. Всего их 68. Каждую карточку необходимо зафиксировать по каждой из них. Работа не столько сложная, сколько кропотливая, требующая максимум внимания, четкости и точности. В качестве примера можно привести одну Переменную «J Информация и коммуникативные технологии». Она исследует наличие информационных и коммуникационных технологий. Требуется выявить такие элементы как сети, настольные компьютеры / ноутбуки, портативные устройства, фотокамеры, периферийные оборудования (кабели, консоли), Интернет / веб-сайт. В данной переменной 8 позиций, в каждой из которых надо отметить «да» или «нет». И так по всем восьми переменным, по 68 позициям отметить сорок карточек наших студентов. Работа выполнена, отправлена руководителю проекта, принята с положительной отзывом.

После просмотра заполненных карточек, мы увидели, что большинство рисунков содержат большое количество элементов, что свидетельствует, на наш взгляд, о творческом подходе в осмыслении природы информации. Уже после, на занятиях, студенты задавали вопросы о специфике данного исследования. Особенно большой интерес оно вызвало у будущих библиотечарей, чья профессиональная деятельность особенно тесно связана с информацией. Наши студенты неоднократно принимали участие в ряде социологических исследований по изучению читателей, но с таким методом встретились впервые. На занятиях мы пришли к выводу, что данное творческое, инновационное исследование будет способствовать более глубокому проникновению в природу информации.

Следующий этап исследования – создание коллективной монографии. Она будет состоять из статей участников международного проекта. Каждый из них самостоятельно анализирует карточки своих студентов. Если до этого мы при обработке данных строго следовали разработанным авторами проекта методике, то сейчас нам предложили проанализировать полученные результаты самостоятельно. Аннотация к нашей части работы была выслана в адрес руководителя проекта, получила положительный отзыв и к июлю 2016 года мы должны представить результаты своего исследования. Дальнейшая обработка будет осуществляться по утвержденному краткому реферату, который является и планом этого этапа исследования: 1. Характеристика базы и объекта исследования. В разделе раскрывается участие России в исследовании «Визуальная информация во всем мире». Объектами исследования были студенты выпускных курсов Восточно-Сибирского института культуры (горд Улан-Удэ), обучающиеся по специальностям «Библиотечно-информационная деятельность» и «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия». Дается краткая характеристика данного высшего учебного заведения, выпускающих кафедр, содержание подготовки и области профессиональной деятельности будущих специалистов.

1. Основные этапы и процедура исследования. Описываются основные этапы исследования – получение приглашения, организационная подготовка и сама процедура исследования. Присланные методические материалы были безупречны и не вызвали никаких дополнительных вопросов ни со стороны преподавателей, ни со стороны студентов.

2. Результаты исследования. Кратко раскрывается участие в кодировке карточек, заполненных нашими студентами. В дальнейшем излагаются результаты проведенного автором ис-

следования. Первое – с использованием метода контент-анализа. Он позволяет выявить тенденции в трактовке понятия «информация» двух студенческих групп. Для определения критериев, конкретных признаков, делается краткий экскурс в природу, свойства и особенности восприятия информации. Второй метод обработки данных направлен на изучение рисунков, которые трактуются как рисуночные тесты и обрабатываются по методике психологических рисуночных тестов.

3. Внедрение результатов исследования в учебный процесс. Итогом данного исследования для студентов и магистрантов нашего института является рассмотрение на занятиях всех этапов исследования, что позволит им глубже проникнуть в природу информации.

Примечания

1. Информация // Большая российская энциклопедия : в 30 т. М. : Большая рос. энцикл., 2008. Т. 11. С. 493.

2. Hartel J. A visual response to the perennial question: What is information? // Proceedings of the 2012 iConference. URL: www.jennahartel.info (дата обращения: 23.11.2015).

3. Hartel J. New views of information // Alternative event at the Conceptions of Library and Information Science Conference. Copenhagen, 2013. URL: www.jennahartel.info (дата обращения: 23.11.2015).

4. Hartel Ж. Визуализация информации по всему миру // Панель на АСИС&Т 2015 : 78-й ежегодной встрече Американского общества информационной науки и технологии (Сент-Луис, Миссури, 7-12 нояб. 2015 г). URL: <http://www.isquares.info/international-study.html> (дата обращения: 28.12.2015).

УДК 316.647:303.4:377

Татарова С.П.

ОЦЕНКА МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СРЕДНЕ-СПЕЦИАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

ASSESSMENT OF THE INTER-ETHNIC RELATIONS IN SECONDARY VOCATIONAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS (BASED ON THE RESULTS OF A SOCIOLOGICAL RESEARCH)

В публикации анализируются результаты социологического исследования, отражающие ситуацию в плане межнациональных отношений в сузах Республики Бурятия, отражают роль семьи и педагогов в формировании толерантности.

In this paper the author analyzes the results of a sociological research reflecting a situation in the relationships between nationalities in secondary vocational educational institutions of the Republic of Buryatia, emphasizing the role of family and teachers in tolerance formation.

Ключевые слова: толерантность, интолерантность, межнациональные отношения, воспитание в средне-специальных учебных заведениях, толерантность в семье, профилактика экстремизма.

Keywords: tolerance, intolerance, international relations, upbringing in secondary vocational educational institutions, tolerance in a family, prevention of extremism.

Республика Бурятия – многонациональный регион, в котором сложился достаточно благоприятный межэтнический диалог представителей разных национальностей спокойная межнациональная обстановка. Однако толерантные отношения между представителями разных национальностей – это достаточно хрупкая субстанция, а потому ее прочность зависит от усилий органов власти, деятельности социальных институтов, общества в целом. Наиболее ответственная задача стоит перед педагогической общественностью республики, которая заключа-

ется в совершенствовании форм и методов работы с молодежью по пропаганде принципов толерантности и по формированию благоприятного межэтнического взаимодействия.

Давнее сотрудничество в данном направлении сложилось у Восточно-Сибирского государственного института культуры и Комитета по межнациональным отношениям и развитию гражданских инициатив Администрации Главы Республики Бурятия и Правительства Республики Бурятия. За годы взаимодействия проведен опрос школьников Республики Бурятия, подготовлен ряд мероприятий по обучению педагогов технологиям профилактики интолерантности и экстремизма в обществе, обучению способам гармонизации толерантности в обществе, выпущено методическое пособие по формированию толерантности (Базарова А. В., Татарова С. П., Харитоновна С. А.). Изучение толерантности школьников: психолого-педагогические и социологические методики исследования. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. госун-та, 2010. 72 с.), опубликована монография (Харитоновна С. А., Татарова С. П. Условия и факторы развития толерантности в современном обществе. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. госун-та, 2011. 156 с.) и т.д. В ноябре 2015 г. по заказу Комитета по межнациональным отношениям и развитию гражданских инициатив Администрации Главы Республики Бурятия и Правительства Республики Бурятия в рамках подготовки круглого стола было проведено пилотажное исследование «Толерантность в современном обществе» среди учащихся средне-специальных учебных заведений. В опросе приняли участие Колледж искусств им. П.И. Чайковского, Бурятский аграрный колледж им. М.Н. Ербанова, Бурятский республиканский педагогический колледж, Бурятский республиканский хореографический колледж, Байкальский колледж сервиса и туризма, колледж СибГУТИ. В выборку попали случайные группы, находящиеся на обучении во время посещения анкетеров. Всего опрошено 172 респондента.

Исследование было направлено на выявление межнациональных отношений в средне-специальных учебных заведениях города, а также на определение условий и факторов, детерминирующих их состояние.

Благоприятные межнациональные отношения способствуют эффективному взаимодействию людей друг с другом, обмену опытом, духовными ценностями и т.д. Большинство граждан республики, не задумываясь, поддерживают дружеские, производственные, учебные отношения с представителями других национальностей. Однако нередко они переходят из формы мирного сотрудничества к противоречиям, недопониманию, а межнациональные отношения не всегда находят одобрение и поддержку у других людей. Нарастание социального напряжения в отношениях между народами может провоцироваться даже ближайшим окружением. В связи с этим, нам хотелось выявить, как относятся окружающие к существующей дружбе респондентов с представителями других национальностей. В ходе исследования выяснилось, что большая часть респондентов (54,1 %) никогда не сталкивалась с какими бы то ни было запретами на дружбу с представителями других национальностей. Однако, некоторый процент (четверть опрошенных) учащихся ответили, что их дружба с представителями других национальностей наталкивалась на запреты и осуждение со стороны окружающих. При этом в 12,8 % случаев это были родители и в 12,2 % друзья той же национальности что и респондент.

Во многом первые представления об окружающем мире мы получаем в родительской семье. Родители выступают одним из важных звеньев воспитательного процесса. В семье на примере взаимоотношений между ее членами у каждого ребенка формируется отношение к обществу в целом и каждому человеку отдельно. В семье личность усваивает нормы, связанные с межэтническим взаимодействием. Это служит в дальнейшем базой для осознанно толерантного или интолерантного ее отношения к представителям других этносов, в связи с чем, семья может рассматриваться как исходный и первичный фактор формирования межэтнической толерантности. На сегодняшний день процесс приобщения детей к гуманным нормам взаимоотношений между людьми осложняется ситуацией в обществе, кризисом в экономической, политической культурной жизни общества. Тем не менее, сущность семейного воспитания остается неизменной: ребенок усваивает образцы поведения, заложенные в семье.

К сожалению, можно констатировать, что не всегда из родительской семьи мы выносим положительный опыт относительно межнациональных отношений. Так, в ходе исследования

выявлено, что треть респондентов в той или иной степени сталкивались с тем, что их родители вели себя не вполне корректно в отношении представителей других национальностей. Так, в 22,1 % случаев это происходило на улице, в общественном транспорте и т.д., и в 8,1 % эпизодах за семейным столом. В разговорах родители недобро высказывались о своих коллегах – представителях других национальностей. При этом, радует то обстоятельство, что большая часть опрошенных (68%) ничего подобного от родителей не слышали и не замечали.

Общая оценка межнациональной напряженности в колледжах, в которых обучаются респонденты, представляется нам весьма не однородной. Безусловно, часть опрошенных (42,4 %) учащихся ссузов считают, что отношения между представителями различных национальностей спокойные, без напряжения. Однако вновь практически треть студентов считают, что в той или иной степени напряженность присутствует. Так, ответили, что имеется некоторая напряженность в отношениях (18,6 %), и налицо сильная межнациональная напряженность (8,7 %). Так же стоит отметить, что около трети опрошенных (29,1 %) выбрали вариант «затрудняюсь ответить», что с одинаковой вероятностью может быть отнесено как к той, так и другой позиции.

Оказавшись в учебном коллективе, молодой человек вступает во взаимодействие с людьми из разных микросоциумов. Естественно, при общении могут возникать противоречия. Уточняя состояние межнациональных отношений в средне-специальных учебных заведениях, нами выявлено, что большая часть респондентов (70,9 %), заявляют, что какие-либо оскорбления в связи с национальностью исключены в их студенческой группе. Однако вновь треть респондентов (29,1 %) отмечают, что подобные проявления с разной вероятностью все же случаются. Так, 12,2 % респондентов отмечают, что это достаточно распространенное явление в их группе, и 16,9 % респондентов считают, что подобные случаи иногда встречаются.

При выявлении поведения респондентов в конфликтных ситуациях, во время ссоры нами выявлено, что половина опрошенных (51,7 %) студентов стараются держать себя в рамках и не переходить на оскорбления. Треть (32,6 %) считают, что, даже переходя на оскорбительный тон, они стараются не затрагивать национальное достоинство оппонента. И лишь 14 % респондентов признаются, что иногда позволяют себе перейти грань и оскорбить национальное достоинство своего коллеги по группе.

В случае, если студенты оказываются свидетелями оскорблений коллег или знакомых, их реакции также становятся неоднозначными. Четверть опрошенных (25%) не станут ничего предпринимать. Более половины могут встать на защиту представителя своей национальности, однако, при наличии разных условий. Так, 6,4 % опрошенных считают, что встанут на защиту без всяких оговорок, 21,5 % стараются заступиться, 19,2 % оговаривают, что не всегда достаточно только их желания, порой для этого нет возможности, и для 25,6 % студентов значимым становится близость респондента и оскорбляемого человека.

В любом учебном заведении определенный тон отношений задают педагоги. Для педагога важно вовремя обнаружить межэтническую напряженность в коллективе, которую необходимо свести к минимуму путем выработки уважительного отношения, воспитания толерантности, развития сотрудничества в образовательной среде. Он должен владеть способами снижения и разрешения конфликтов на национальной почве, что может сыграть решающую роль в преодолении возможных межэтнических противоречий в будущем. Однако и тут нередко сказывается «человеческий фактор». На вопрос: «Встречался ли ты с предвзятым отношением к себе со стороны педагога другой национальности?» мы получили весьма неприглядную картину. Так, лишь половина опрошенных (55,8 %) отметили, что никогда не сталкивались с таким отношением педагогов. Однако 9,3 % респондентов считают, что встречаются с этим постоянно, и 34,3 % отметили, что подобные проявления случаются с ними иногда. Наиболее серьезно эта проблема стоит в колледже искусств. Так 27,5 % опрошенных отметили, что подобные случаи происходят постоянно и 45,1 % - «иногда». Также высокий процент подобных проявлений наблюдается в педагогическом колледже. Там данные распределились следующим образом: 3% «постоянно» и 48,5 % - «иногда». На третьем месте оказался колледж СибГУТИ с показателем 36,8 % - «иногда». На наш взгляд, это серьезный звонок, оповещающий, что необ-

ходима серьезная работа по формированию этнической толерантности, формированию благоприятных межнациональных отношений с окружающими, в первую очередь, на уровне педагогического состава.

В следующем вопросе мы получаем несколько сглаженную картину относительно поведения педагогов, однако все равно показатели весьма настораживающие. Так, 19,8 % опрошенных учащихся считают, что педагоги провоцируют отчуждение между учащимися разных национальностей. Часть респондентов 4,1 % считают, что педагоги выступают определенным катализатором в возбуждении межнациональной розни между учащимися.

Конкретизируя поведение педагогического сегмента получаем, что практически треть опрошенных учащихся ссузов 29,7 % считают, что педагоги проявляют равнодушие, игнорируют любые проявления неприязни и вражды между студентами - представителями разных национальностей, более того 9,9 % поддерживают возникающие между ними вражду, негативные высказывания и оценки.

Как правило, в тех учреждениях, где ведется активная воспитательная работа, идет планомерное и целенаправленное формирование толерантности показатели негативного отношения к представителям другой национальности достаточно не высоки. Как показало исследование, половина опрошенных респондентов считают, что работа по формированию благоприятных межнациональных отношений в их колледже не ведется. Причем, ситуация в большинстве колледжей похожа. Однако лидерами по отсутствию работы в данном направлении могут быть названы: колледж СибГУти (68,4%), колледж им. Ербанова – 55,6 %, педагогический колледж – 54 %; колледж искусств – 49 %. Оставшаяся половина считает, что об этом говорят на учебных занятиях (29,7 %) и проводят специальные внеклассные мероприятия (29,1 %).

Возможно, те 50 %, которые считают, что работа по формированию межнациональной толерантности не ведется, входят в число тех, кто в подобного рода мероприятиях не принимает участия. Таковых оказалось 44,8 %. Число тех, кто становится организатором мероприятия (3,5 %) и активным участником (16,3 %), как видим невелико.

Мероприятия по формированию этнической толерантности, безусловно, приводят к тому, что их участники лучше познают культуру, обычаи другого народа, стремятся к их большему познанию. В нашем исследовании четверть опрошенных студентов (25 %) считают себя знатоком традиций, обычаев и культуры других народов, проживающих на территории республики. Больше половины - 59,3% отмечают, что они мало знакомы с культурой других народов, но при случае все же стремятся пополнить свои знания. Однако настораживает показатель (14,0%) тех, кто не только не знаком, но и не желает знакомиться, познавать культуру других национальностей республики.

Рассматривая вопрос об элементах национальной идентификации респондентов со своим народом, нами выявлено, что наиболее высокий рейтинг оказался у варианта «проживание на одной территории» - 57%, далее по убывающей расположились: «общая государственность» - 41,3 %, историческое прошлое – 36%, и «любовь к своей природе» 35,5 %.

Чаще всего опрошенные нами студенты ссузов гордятся своей республикой, когда слышат о достижениях своего народа - представителях той же национальности, что и сам респондент - 34,9 %. Некоторая доля – 17,4 % гордятся историческим прошлым своего народа, и 12,2 % испытывают гордость за республику когда участвуют в национальных праздниках своего народа. Чувство гордости за свою республику у респондентов возникает не только в связи с какими-либо событиями, но и «всегда независимо от ситуации» (41,9 %).

При попытке определения идентификации собственного отношения респондентов к представителям других национальностей выявили, что большая часть респондентов - 60,5 % считают, что они относятся одинаково благожелательно к разным людям, независимо от их национальности. Треть респондентов - 34,3 % стараются поддерживать чисто формальные отношения и 4,7 % стараются избегать отношений с представителями других национальностей, а иногда поступают открыто враждебно по отношению к ним.

Раскрывая частотность возникновения конфликтов, было выявлено, что больше половины респондентов (52,3 %) считают, что возникающие конфликты не имеют отношения к на-

циональности и возникают в связи с решением ежедневных учебных и творческих задач. При этом достаточно большой процент опрошенных (41,3 %) отмечают, что конфликты и недопонимания с представителями других национальностей возникают иногда и 2,9 % выбрали вариант, гласящий о постоянных межнациональных разногласиях.

Уточняя причины возникновения конфликтов в обществе, мы получили ответы, которые в порядке убывания могут быть расположены следующим образом:

Таблица 1

Причины возникновения конфликтов, в %

причина	результат	ранг
Из-за языковых сложностей	15,7	II
Из-за их поведения, затрудняющего взаимопонимание	23,3	I
Просто из чувства неприязни к ним	2,9	V
Из-за боязни неприязни с их стороны	4,7	IV
Из-за ущемления моих интересов	8,7	III
Другое	2,3	VI

Межэтнические отношения – очень тонкая и деликатная сфера, которая оказывает огромное влияние на общественно-политическую ситуацию в целом. Формирование толерантности – сложный процесс, складывающийся под воздействием многих факторов. В контексте остро стоящих проблем, связанных с участвующими в современном обществе межнациональными конфликтами, необходимость воспитания культуры толерантности в рамках образовательного учреждения приобретает особую актуальность. В школе, колледже, вузе должны быть созданы благоприятные условия для развития каждого обучающегося с учетом его индивидуальных, возрастных, психологических и физических возможностей. Кроме того, создание благоприятной социальной среды не представляется возможным без вдумчивого подхода, разностороннего рассмотрения этой проблемы. Необходимы консолидированные усилия всех социальных институтов общества, требуется постоянное и системное внимание общества и государства к выработке решений и реализации мероприятий, направленных на положительные межнациональные отношения.

Подводя итоги проведенного исследования можно сделать следующие **выводы**:

- Нередко первыми «провокаторами» межнациональной напряженности выступают родители;

- Конфликты на межнациональной почве возникают у трети респондентов;

- Педагоги нередко равнодушно взирают, а порой выступают подстрекателями межнациональной розни;

- По оценкам половины респондентов работа в плане организации профилактики межнациональных конфликтов в колледжах не ведется. Студенты участвуют в подобного рода мероприятиях как зрители, и лишь небольшой процент является организатором и участником.

Для улучшения ситуации по развитию благоприятного опыта межнационального общения необходимо, на наш взгляд, проведение следующих мероприятий:

- необходимо вести работу в образовательных учреждениях всех уровней;

- Профилактическую работу важно проводить и с родителями учащихся школ и колледжей;

- Необходима работа по обучению педагогов методам работы по формированию этнической толерантности;

- Выработать методику по выявлению подстрекания межнациональных конфликтов в учебных заведениях;

- Для более качественной диагностики межнациональных отношений провести полноценное исследование среди сузов республики, на основе чего выстраивать стратегию и тактику работы в данном направлении.

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ПОСЛЕДСТВИЯ ЕЁ ОТСУТСТВИЯ SOCIAL RESPONSIBILITY AND THE CONSEQUENCES OF ITS ABSENCE

В настоящее время социальная ответственность компаний перед общественностью имеет высокое значение. Необходимо не только предоставлять качественные товары и услуги, но и проявлять интерес и осознанность в отношении социума, с которым взаимодействуют предприятия.

Nowadays, corporate social responsibility is an important issue. It is necessary not only to provide high-quality goods and services, but also to show the interest and awareness regarding the community that the companies interact with.

Ключевые слова: социальная ответственность предприятий, корпоративная этика

Keywords: Corporate social responsibility, corruption scandals, corporate ethics, company reputation, accountability enhancement of enterprises.

В современной экономике ключевое место занимает индустрия торговли. В этот крупнейший сектор экономики вовлечены миллионы людей по всему миру, работающих как на сетевые корпорации, так и на индивидуальные компании. Торговля – это процесс взаимовыгодного обмена товарами и услугами, при использовании денежных средств. Для того чтобы что-либо продать – необходимо произвести это. В наше время понятие торговли далеко углубилось в парадигму установления клиентских отношений и потребительских услуг поддержки. Этот феномен можно обусловить несколькими факторами, такими как: увеличение конкуренции в различных секторах данной индустрии, увеличение осведомлённости потребителей, повсеместное применение информационных технологий, оказание пост-продажного мониторинга и поддержки.

Психология маркетинга и продаж во многом коррелирует со стандартной психологией поведения человека. Здесь применимы и уместны всё те же законы, прописанные великими умами нашей цивилизации в академической литературе по психологии поведения потребителей и многим другим дисциплинам. Потребитель, в первую очередь, является человеком. Это обуславливает его/её желание приобрести наилучший по качеству товар за разумную цену с наиболее оптимальным соотношением цена – качество.

Всё больше и больше клиентов по всему миру привносят новшества в устоявшиеся правила торговли. Очевидным примером является большее значение социальной ответственности и моральной составляющей в операциях компании, будь то производитель продуктов питания, либо коммерческое финансовое учреждение. То как компания ведёт свои дела, имеет вес при принятии клиентом решения о проявления лояльности данной организации, или установлении какого-либо контакта. В данном случае клиент обращает своё пристальное внимание не только на качество предлагаемой продукции, но также на то, как компания позиционирует себя в глазах общественности, какие меры предпринимает для улучшения благосостояния социальных групп находящихся в непосредственном контакте с компанией и её представительством.

К примеру, уровень ответственности перед профсоюзами, улучшение условий труда и социальных гарантий сотрудников, озабоченность экологическим эффектом на окружающий мир вследствие своих операционных действий. Предположим, что у покупателя имеется выбор из двух производителей бумаги и целлюлозы. Предприятие А тратит значительную часть своей удержанной прибыли на установление продвинутой системы фильтрации выходящего воздуха и воды с завода. Предприятие Б максимизирует свои прибыли за счёт экономии на системах фильтрации воды и воздуха. Как результат, община в районе деятельности предприятия А поддерживает и формирует положительный образ в отношении компании А, как социально ответственной. Община Б проявляет недовольство загрязнением окружающей среды, со всеми

последующими действиями которые в конечном итоге могут привести к судебным разбирательствам и закрытию компании Б.

Как можно заметить отношение к компании основывается не только на взаимодействии компании с клиентурой, но также и с общественностью в целом. Есть множество примеров в мировой экономической практике, когда нечестное/неэтичное поведение крупной и уважаемой компании приводило к близкому коллапсу данной компании. Одним из них является крупный скандал вокруг крупнейшей франко-канадской строительной компании SNC-Lavalin, разразившийся в 2008 году вследствие обвинения в коррупции и финансовом мошенничестве, относящемся к осуществлению работ по ремонту и модернизации гидроэлектростанции в Индии [2].

Федеральное расследование правительства Индии привело к увольнению ряда индийских чиновников, а также к чистому убытку казначейства в размере 3745 миллионов рупий, в пересчёте по курсу 2014 года порядка 62 миллионов американских долларов. Компания проводила махинации с закупкой строительного оборудования, с последующим завышением его фактической стоимости для правительства Индии [4]. Для обхода финансовых контролирующих органов страны-заказчика, канадское предприятие прибегло к взяточничеству в отношении высоких правительственных чиновников. Данное обстоятельство нанесло серьёзный ущерб в отношении репутации компании, но не являлось единственным.

В 2011 году по распоряжению Муаммара Каддафи была прекращена деятельность компании в Ливии. Годом позже Канадская Королевская Конная Полиция – орган, в компетенции которого также находится рассмотрение дел касающихся преступлений и нарушений канадских предприятий за пределами страны, провела внутреннюю проверку операций компании в Ливии. Было обнаружено, что компания осуществила необоснованные траты на сумму 35 миллионов долларов [3].

Несмотря на профессионализм компании как строительного подрядчика, социальный образ в данное время оставляет желать лучшего. Во многих зарубежных печатных изданиях имя SNC-Lavalin является нарицательным в деловом сообществе, и служит ярким примером неэтичного ведения дел и коррупции [3].

Очередным примером пренебрежительного отношения к общественности со стороны бизнеса является случай с американской энергетической компанией EnronCorporation, неправомерный акт которой был обнаружен в октябре 2001 года [2]. Это событие в наше время известно, как самый вопиющий случай провала финансового аудита. ArthurAndersenLLP, компания, занимавшаяся независимой проверкой финансовой отчетности энергетического гиганта была ликвидирована как следствие мошенничества и коррупции при контроле за финансовым состоянием EnronCorporation. Эта аудиторская контора, в сговоре с вышестоящим руководством энергетической компании использовала различные нелегальные схемы по сокрытию долгов от неудавшихся сделок и проектов.

В конечном итоге, акционеры EnronCorporation подали иск на сумму 40 миллиардов долларов против политики компании в отношении цен корпоративных акций, когда чуть более чем за год, цена одной стандартной акции упала с \$90.75 до менее 1 доллара в ноябре 2001 года. Компания была признана банкротом за неимением возможности удовлетворить иск акционеров. Логическим заключением этого процесса было принятие федерального закона Сарбейнза-Оксли в 2002 году, который ужесточил наказание для компаний за уничтожение, искажение, или фабрикацию учётных записей при федеральных расследованиях или при попытках обмана акционеров. Этот закон также повысил уровень ответственности аудиторских контор, с целью оставить их непредвзятыми независимыми от своих клиентов [4].

Возвращаясь к социальной ответственности компаний перед обществом, стоит обратиться к такому гиганту как BritishPetroleum. Британская нефтегазовая компания BP известна мировой общественности своими обширными рекламными кампаниями в области экологических аспектов своей деятельности, тем самым отвлекая внимание от этической составляющей своих операций.

Так, 20 апреля 2010 года, на нефтяной платформе DeepwaterHorizon, в центральной части Мексиканского залива, произошёл взрыв, унеся жизнь одиннадцати людей. Через два дня

платформа затонула, открыв скважину из которой добывалась нефть на глубине около полутора километров. Это повлекло за собой экологический коллапс в регионе, где ежедневно в воду выливалось до 1000 тонн нефти [1]. Нефтяное пятно привело к серьезному загрязнению побережья США. К 10 июня компания потеряла половину своей рыночной капитализации, со 180 миллиардов долларов до 91, тогда как расходы на нейтрализацию разлитой нефти составили более 760 миллионов. Только к началу августа того же года было установлено, что 75% нефти исчезло с поверхности Мексиканского залива [1]. Компании пришлось потерпеть крупное снижение капитализации, снижение кредитного рейтинга и доверия, колоссальные убытки. Несмотря на то, что компания выплатила компенсацию всем пострадавшим от последствий катастрофы, репутация компании, которая позиционировала себя как защитника окружающей среды, была стёрта.

Важно заметить, что социальные действия предприятий, улучшающие жизнь местного населения, устраняют необходимость государственного регулирования и могут быть использованы в собственных интересах предприятий. В обществе, благополучном социально, улучшаются условия для деятельности бизнеса, что приносит дополнительную ценность для этого же общества. Недостаточно предоставлять рабочие места, важно уметь сотрудничать с сообществом вокруг своей операционной деятельности.

Например, компания, которая заботится о социуме взаимодействующим с ней, может заняться строительством инфраструктуры, образовательных учреждений, проведением сбора средств на различные нужды общества. Это является большим плюсом для компании и для социума. Ведь в социально здоровой среде, компании привлекают больше внимания для новых сотрудников, которые хотят работать на них и улучшать общество, в котором живут.

Примечания

1. «Черный лебедь» в Мексиканском заливе // Ведомости. 2010. 5 мая. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2010/05/05/chernyj-lebed-v-mexikanskom-zalive>.

2. В США недовольны тем, как идет уборка нефтяного пятна // BBC. Русская служба. 2010. 1 мая. URL: http://www.bbc.com/russian/international/2010/05/100501_oil_planes_spray.shtml

3. SNC Lavalin case: The scam and the Probe so Far. .Indian Express. 2016. 29 May. URL: <http://archive.indianexpress.com/news/snc-lavalin-case-the-scam-and-the-probe-so-far/421657/0>

4. Enron Shareholders Look to SEC for Support in Court. // New York Times. The International Herald Tribune, 2007. 10 May. URL: http://www.nytimes.com/2007/05/10/business/worldbusiness/10iht-enron.1.5648578.html?_r=1

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Андреева Лариса Алексеевна, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры» (г. Улан-Удэ).

2. Бабаков Виктор Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры» (г. Улан-Удэ).

3. Баглаева Анастасия Владимировна, кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры социально-культурной деятельности ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры» (г. Улан-Удэ).

4. Батунаев Эдуард Владимирович, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института монголоведения, тибетологии и буддологии СО РАН (г. Улан-Удэ).

5. Ваганова Екатерина Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии и наследия ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры» (г. Улан-Удэ).

6. Вантеева Александра Олеговна, магистрант кафедры музеологии и наследия ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры» (г. Улан-Удэ).

7. Гымпилова Сэсэгма Дмитриевна, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института монголоведения, тибетологии и буддологии СО РАН (г. Улан-Удэ).

8. Дамбаева Арюна Нарановна, кандидат филологических наук, доцент Центра методического сопровождения педагогических работников и образовательных организаций, Бурятский республиканский институт образовательной политики (г. Улан-Удэ).

9. Езова Светлана Андреевна, кандидат педагогических наук, профессор кафедры библиотечно-информационных ресурсов ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры» (г. Улан-Удэ), академик МАИ.

10. Жамбаева Туяна Иннокентьевна, кандидат искусствоведения, старший преподаватель кафедры теории и истории искусства и литературы ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры» (г. Улан-Удэ).

11. Колокольников Иван Арсеньевич, аспирант исторического факультета ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (г. Иркутск).

12. Курас Леонид Владимирович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ).

13. Кургузов Владимир Лукич, доктор культурологии, профессор ФГБОУ ВПО «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления» (г. Улан-Удэ).

14. Логвиненко Светлана Михайловна, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры» (г. Улан-Удэ).

15. Мишакова Оксана Эдуардовна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой музеологии и наследия ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры» (г. Улан-Удэ), член ICOM-ICOFOM-ASPAC (г. Улан-Удэ).

16. Нанзатов Баир Зориктоевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ).

17. Найдакова Валентина Цыреновна, доктор искусствоведения, профессор ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», член-корреспондент СО АН ВШ, академик МАН ВШ (г. Улан-Удэ).

18. Никульская Анна Борисовна, преподаватель кафедры теории и истории искусств и литературы ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры» (г. Улан-Удэ).

19. Нолев Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института монголоведения, тибетологии и буддологии СО РАН (г. Улан-Удэ).

20. Олзоева Галина Кирилловна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры библиотечно-информационных ресурсов ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры» (г. Улан-Удэ).

21. Сартакова Анна Владимировна, магистрант кафедры музеологии и наследия ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры» (г. Улан-Удэ).

22. Содномпилова Марина Михайловна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ).

23. Татарова Светлана Петровна, доктор социологических наук, доцент, декан факультета социально-культурной деятельности ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры» (г. Улан-Удэ).

24. Хундаева Елизавета Очировна, доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, тибетологии и буддологии СО РАН (г. Улан-Удэ).

25. Цыдендоржиева Эржена Данзановна, аспирант кафедры истории ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры» (г. Улан-Удэ).